

КАК ПРИРУЧИТЬ ДРАКОНА

КНИГА 8

КАК ОСВОБОДИТЬ ДРАКОНА

СЕРДЦЕ
ДРАКОНА
НЕ КАМЕНЬ

КРЕССИДА КОУЭЛЛ

ВЛАДЕ

ДРАКОНИЙ НОС

ЗАЛИВ

РАЗБИТОГО

СЕРД

Где-то там

ОСТРОВ ОЛУХ

Эта карта показывает,
насколько трудно разбить
лагерь в таком месте,
как

ТИХИЙ
ОСТР

БЕЗУМНЫЙ
ЛАБИРИНТ

ВОСТОЧНЫЙ

АД

БЕРС

И О (Берег
аккуратов)

ПЫЛАЮЩИЙ ЛЕС

НИЯ

СТРИМ

ПРИВИДИЯМ

Жирный пингвин

СА

ГРОМА

ТОРОВА

УЩЕ НЕ ВЛЕЗАЙ -

УБЬЮТ!

БОВЕЕ КОВАРНЫЕ РИФЫ

НО ЕСЛИ
(Безжалостно,
ТО ПОВЕЗЕТ,
БЫСТРО)

РИФЫ

СЕРК

КОВАРНЫЕ РИФЫ

Кровавый залив - место драконьих кладок

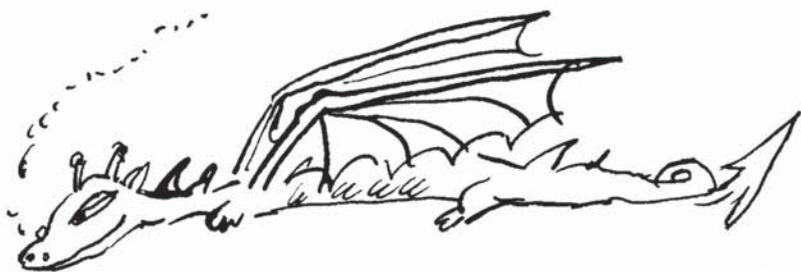
ХОМНОЧКОВ

Иккинг Кровожадный Карасик III —
величайший герой-викинг всех времен.
Он прославился как великий воин, способный
укротить дракона, не повысив голоса.
А еще он написал много книг. Если вам вдруг
захочется прочесть их по порядку,
то вот, пожалуйста:

1. Как приручить дракона
2. Как стать пиратом
3. Как разговаривать по-драконьи
4. Как перехитрить дракона
5. Как разбудить дракона
6. Как одолеть дракона
7. Как разозлить дракона
8. Как освободить дракона
9. Как украсть Драконий меч
10. Как отыскать Драконий камень
11. Как предать Героя
12. Как спасти драконов

ВНИМАНИЕ!

Если вам вдруг покажется,
будто события этой книги
имеют какое-то отношение
к реальным историческим
фактам, имейте в виду — это
ЧИСТАЯ СЛУЧАЙНОСТЬ.

МЫ ВАС
ПРЕДУПРЕДИЛИ!

УДК 087.5
ББК 84(4Вел)-44
К 73

Cressida Cowell
HOW TO BREAK A DRAGON'S HEART
Text and illustrations copyright © 2009 Cressida Cowell
All rights reserved
First published in Great Britain in 2009 by Hodder Children's Books

Перевод с английского *Анастасии Кузнецовой*
Серийное оформление и иллюстрация на обложке *Екатерины Платоновой*
Иллюстрации в тексте *Крессиды Коуэлл*

Призраки прошлого преследуют куда больше,
чем нам кажется. И это пугает меня до смерти.
Старый Сморчок

Коуэлл К.

К 73 Как освободить дракона : повесть / Крессиди Коуэлл ; пер. с англ. А. Кузнецовой. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2020. — 304 с. : ил. — (Как приручить дракона).

ISBN 978-5-389-08417-9

Викинги не особенно бережно хранят память о прошлом. И поэтому, когда Иккинг Кровожадный Карасик III влип в очередную историю, он еще не знал, что на самом деле влип в историю своего племени и своей семьи. А эта история, между прочим, имеет прямое отношение к ближайшему будущему не только Иккинга, но и всего Варварского архипелага.

Ну и попутно ему пришлось, как всегда, совершить несколько незначительных подвигов: спасти друзей (и десяток выдающихся викингских героев заодно), добыть сокровище, одолеть чудовище и в очередной раз повергнуть старого врага. Пара пустяков, если у тебя есть вредный и непослушный ручной дракончик!

УДК 087.5
ББК 84(4Вел)-44

- © А. А. Кузнецова, перевод, 2015
- © А. Л. Сагалова, стихотворный перевод, 2015
- © Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2015
Издательство АЗБУКА®

ISBN 978-5-389-08417-9

КАК ОСВОБОДИТЬ ДРАКОНА

Сочинил ИККИНГ
КРОВОЖАДНЫЙ КАРАСИК III

Перевела с древнорвежского
КРЕССИДА КОУЭЛЛ

АЗБУКА
Санкт-Петербург

ЛУЧШИЙ ДРУГ ИККИНГА

РЫБОШЕЛ

БЕЗЗУБИК

ОЧЕНЬ НЕПОСЛУШНЫЙ ДРАКОНЧИК ИККИНГА

ИККИНГ
КРОВОЖАДНЫЙ
КАРАСИК III

ПЛЕВАКА
КРИКЛИВЫЙ

Отвечает за Программу
Начальной Пиратской
Подготовки на Олухе

Камикадза,
Дочка
предводительницы
племени Бой-баб

ПЕСЬЕДУХ
ТУГОДУМ

дружок сморкалы, всегда готовый
кого-нибудь для него поколотить.

Сморкала
хочет
в будущем
стать
вождем
племени
Лохматых
Хулиганов

Сморкала Мордоворот
(двоюродный брат
Иккинга)

Стойк Обширный
Могучий, но туповатый
вождь племени Лохматых Хулиганов
(отец Иккинга)

вождь
племени
БЕРСЕРКОВ

(любит
сажать
людей
в клетки
и прямо
так
скармливать
чудовищу)

совсем
ку-ку

Иккинг Кровожадный
Карасик III и его мес
Дерзновенный

Пролог, написанный Иккингом Кровожадным Карасиком III, последним из великих героев- викингов

Прошлое — это история. История с привидениями. С призраками.

Мое детство давно кануло в прошлое, и его призраки — это призраки героев и драконов, берсерков и ведьм. Нынче в них никто не верит.

А я верю, ведь я видел все своими глазами.

И если ТЫ, дорогой Читатель, никогда не видел ни драконов, ни ведьм, ни призраков, это вовсе не значит, что их не бывает.

История этого Геройского Похода повествует о самом важном приключении из всех, что в ту пору выпадали на мою долю.

Тогда я впервые узнал, что названия на плоской карте Варварского архипелага, например залив Разбитого Сердца, появились неспроста и за каждым из них стоит чья-то история. Эти люди когда-то на самом деле ходили по земле, и удивительные, а порой трагические события, которые им довелось пережить, навеки оставили свой след в наших краях. Сам воздух там пропитан этими историями.

Вот что я называю призраками.

Утраченный трон Дикозапада

Остров гористый
Спиною китовою
Вздыблен над морем.
Волны вокруг
То бушуют неистово,
То к берегу ластятся.
От непогоды
Травы пожухли,
Согнулись деревья.
Вереск иссохший
Жалобно стонет,
Ветром терзаемый.
Плиты из камня
Хранят, громадные,
Память о прошлом.
Здесь возвышался
Трон Вековечный
Королей Дикозапада.

Чернобород Оголтелый
ЗДЕСЬ восседал —
Великий Правитель,
Властитель последний.
Покоилась длань
На рукояти
Лезвия Бури,
Меча достославного.

Очи взирали
На викингов город,
Жизнью кипящий.
Из гавани шли
Суда крутобокие
На юг и на север.
Послушны были
Олени моря
Словам Оголтелого,
Из плаваний дальних
Везли добычу:
Рабов и золото.
А что ЗДЕСЬ нынче?
Лишь чайки кружат
Над безлюдным берегом,
Да волки рыскают.

ЗДЕСЬ Оголтелый,
Тряся десницей,
Воин всеславный,
Вскричал громогласно:
«Я нарекаю
Страну эту Завтра!
Век ее долгий
Да не прервется».
«Быть по сему!» —
Отвечали воины,
Копья вздымая.
Драконы же молча,
Смежили веки.
Думали: «Это
Мы тоже слышали».

ЗДЕСЬ же свершилось
Злое деяние.
Сын Оголтелого
Предал отца
За игрою в шахматы.
ЗДЕСЬ воин великий
В безумии яростном
Трон обагрил
Отпрыска кровью.
ЗДЕСЬ пламя взметнулось,
Дома запылали
Тысячью факелов.
ЗДЕСЬ пели протяжно
Клинки стальные,
Сражений льдины.
ЗДЕСЬ волны морские
Алыми стали
От пролитой крови.
ЗДЕСЬ полнились воды
Телами мертвыми.
ЗДЕСЬ Воин-Король
Узрел, побежденный,
Надежд крушенье.
Над пепелищем
Его мечтаний
Дым скорби курился.
Где слава великого?
Корабль, что прежде
Был ветра быстрее,
Как конь израненный,
Влек Оголтелого
В земли Отчаянья.

Так дни закончил
Король Дикозапада.
Престол утрачен,
Сгинули шахматы,
Лезвие Бури
В море покоится.
Нет королевства,
Былые сподвижники
Врагами стали
Непримиримыми.
А Оголтый
На Запад отправился.
Больше его
Никогда не видели.

ЗДЕСЬ все это было.
Теперь же в небе
Орлы кружатся,
Земля укутана
В колючие заросли.
Печали посланец —
Гулкое эхо —
Летит из пещер,
Приливом рожденных.
ЗДЕСЬ все это было...

БУРЯ НА МАКУШКУ ЛЕТА

Вообще-то, в краю викингов бури — дело самое обычное. Но такого сильного шторма не случилось уже больше сотни лет.

Он налетел без предупреждения в самый день летнего солнцестояния.

Три дня и три ночи без передышки бушевал ураган, завывая, как раненый бог, опрокидывая дома, вырывая с корнем деревья. Он подхватывал корабли, как щепки, и топил их. Что же до жалких человеческих домишек, муравьями цепляющихся за пустынные островки, ураган их попросту не замечал — сметал, будто пыль.

Когда случаются такие бури, многое пропадает и многое находится.

Буря, подобная этой, может утащить в пучину множество кораблей. А может поднять из глубин океана и выбросить на берег горы всеми позабытых диковин вперемешку со щепками и водорослями.

Этот шторм оказался из тех, что берут, но не отдают.

Камикадза — крохотная бесстрашная лохматая дочка Большегрудой Берты, предводительницы Бой-баб, как раз была в море на своей лодке

«Буревестник»*, совершенно одна, и тут налетел шторм.

Бой-бабы вышли на поиски, не дожидаясь, когда буря окончательно стихнет. К тому времени когда ветра успокоились и другие племена начали приходить в себя, оглядывать смятые коровники, поваленные дома и вывороченные с корнем деревья и засучивать рукава, чтобы отстроить жизнь заново, Бой-бабы уже бороздили на своих кораблях под черными парусами самые отдаленные уголки архипелага, выкрикивая:

— Ка-а-а-а-ми-ка-а-а-а-дза-а-а-а! Ка-а-а-а-ми-ка-а-а-а-дза-а-а-а!

Ответа не было.

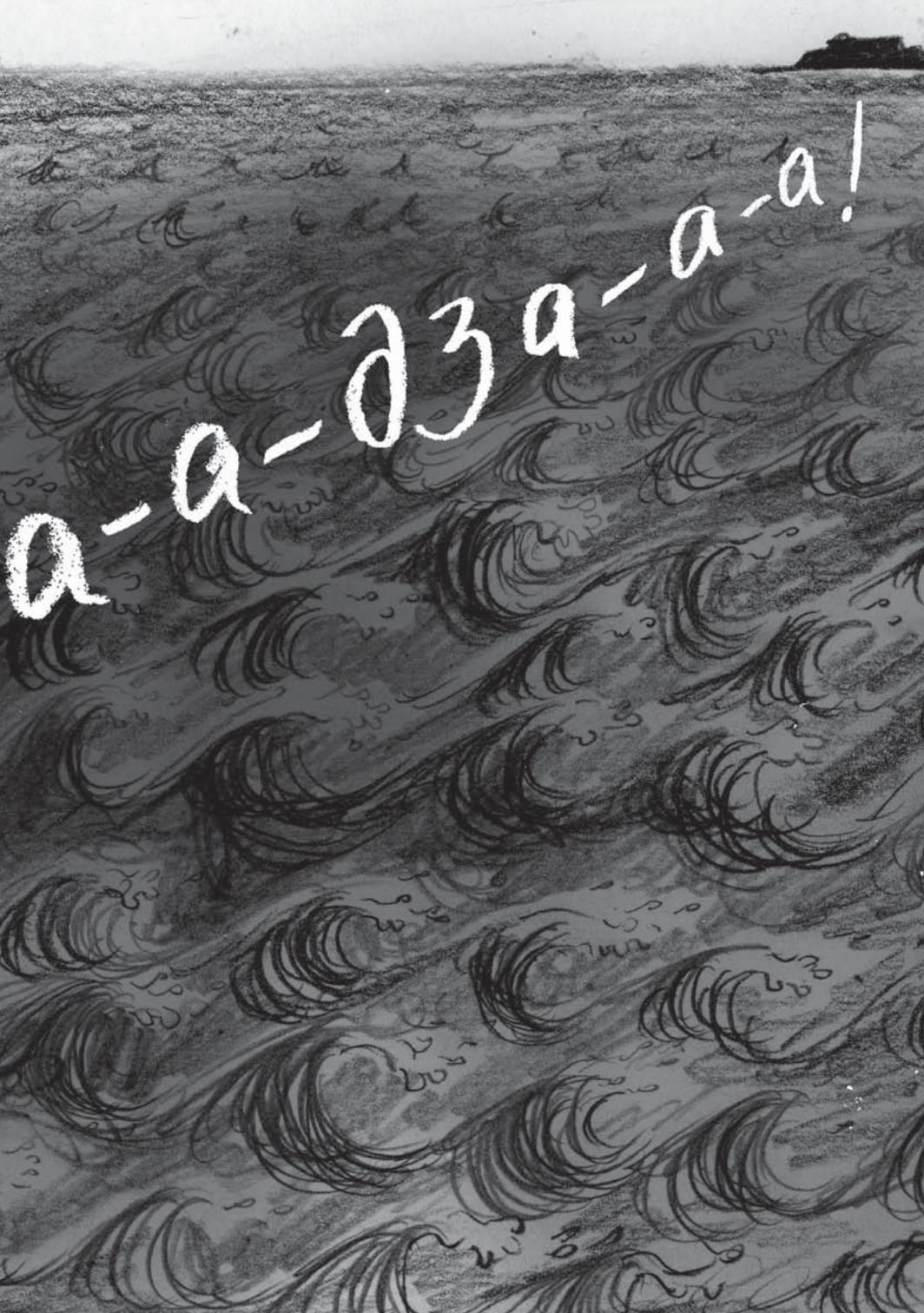
---

* Буревестником викинги звали качурку, самую маленькую морскую птицу. Они верили, будто ее появление предвещает бурю.

ка-ми-ка-а

a-a-03a-a-a!

1. ПРОПАВШЕЕ ДИТЯ

Летним вечером два Хулиганских корабля кружили у маленького островка под названием Тихий в восточной части Варварского архипелага.

Присутствие Хулиганских кораблей в восточных водах было делом неслыханным. Обычно они десятой дорогой огибали эти края, поскольку знали, какие опасности таятся здесь.

В Восточном архипелаге всяких ужасов — пруд пруди. Если бы Хулиганы не вызвались помочь Большегрудой Берте искать ее пропавшую дочь, ноги бы их не было в этих гиблых местах. И вот близился вечер, а они забрались так далеко от родного острова Олух, что не успевали вернуться до темноты.

Оставалось только одно: бросить якорь и провести ночь в Восточном архипелаге. Хотя никого такая перспектива не радовала. Но где разбить лагерь?

Все земли к северу и к югу принадлежали СТРАХОЛЮДАМ, а Страхолюды были работарговцами и славились как самые жестокие пираты во всем нецивилизованном мире. Вдобавок

у них была неприятная привычка убивать непрошенных гостей на месте. И ко всему прочему почти на всех подвластных им берегах водились привидения.

Конечно, оставался еще остров Берсерк.

Но было полнолуние, а в полнолуние Берсерки бесятся и воют, как собаки, и почему зря скармливают людей некоему безымянному Зверю в чаще леса...

Вот и выходило, что остров Тихий — единственное безопасное место для ночлега в Восточном архипелаге.

И Хулиганы уже добрый час наматывали круги возле острова, выискивая, где лучше всего причалить.

— СТОЙ! — гаркнул Стоик Обширный, Вождь Племена Лохматых Хулиганов, Да Трепещет Всякий, Кто Услышит Его Имя, Кх, Гм. Выглядел он очень представительно: огромный, толстый, с рыжей бородицей, смахивающей на львиную гриву, которую какие-то маньяки начесали против шерсти. — СУШИ ВЕСЛА!

Стоик повернулся к сыну, Иккингу Кровожадному Карасику III. Тот стоял рядом с отцом на палубе «Жирного пингвина» и тревожно вглядывался поверх носового украшения в даль, прикрыв глаза ладонью от заходящего солнца.

Иккинг меньше всех походил на наследника вождя племени Хулиганов: обыкновенный мальчишка, рыжий, с длинными тощими руками-ногами и хмурой конопатой физиономией, какую в толпе не вдруг и заметишь.

— А теперь, Иккинг, — важно произнес Стоик, — я хочу, чтобы ты внимательно наблюдал за

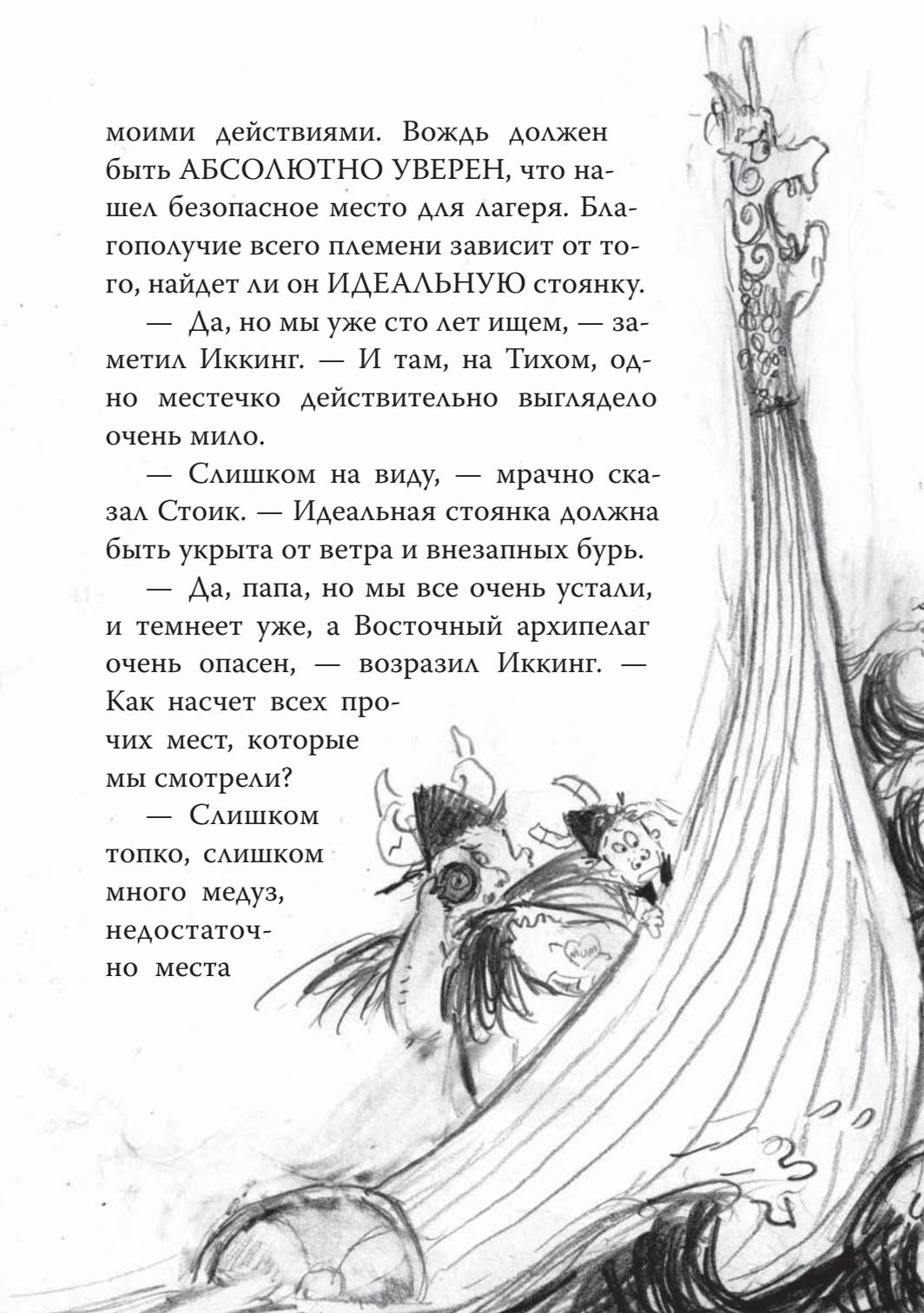
моими действиями. Вождь должен быть АБСОЛЮТНО УВЕРЕН, что нашел безопасное место для лагеря. Благополучие всего племени зависит от того, найдет ли он ИДЕАЛЬНУЮ стоянку.

— Да, но мы уже сто лет ищем, — заметил Иккинг. — И там, на Тихом, одно местечко действительно выглядело очень мило.

— Слишком на виду, — мрачно сказал Стоик. — Идеальная стоянка должна быть укрыта от ветра и внезапных бурь.

— Да, папа, но мы все очень устали, и темнеет уже, а Восточный архипелаг очень опасен, — возразил Иккинг. — Как насчет всех прочих мест, которые мы смотрели?

— Слишком топко, слишком много медуз, недостаточно места

— Смотри и учись,
мой мальчик.
Смотри и учись, —
изрек Стоик.

для шатров, негде выставить часовых... — перечислил Стоик. — Надо найти ИДЕАЛЬНОЕ место, Иккинг. — Он снисходительно похлопал сына по спине. — Вот почему капитан — я, сынок. Смотри и учись, мой мальчик, смотри и учись.

Стоик бодро потопал искать другие подходящие места, а его команда дала отдых натруженным рукам и принялась негромко роптать. Раз уж Стоик так стремится найти идеальную стоянку, буркнул кто-то, может, он сам и на весла сядет?

Но буркнул очень тихо, чтобы вождь не услышал.

— Ненавижу ночевать в палатке, — заявил Рыбьенег, лучший друг Иккинга. — Опять у меня астма разыграется до жути.

Рыбьенег, длинный, тощий, как веретено, мальчишка, страдал экземой и астмой, а также аллергией на пшеницу и молочные продукты. И, что самое неприятное, на драконов.

— Это все ты виноват, Никчемный*, — прорычал Сморкала Мордovorот, Иккингов двоюродный братец, наглый здоровяк с задатками прирожденного вожака и множеством татуировок-черепов. Он задумчиво сплюнул в море. — Нас бы ни за что не занесло сюда в поисках мелкой вшивой Бой-бабы. Но из-за тебя у твоего отца случилось размягчение мозгов, и он заключил союз с этими грязными

* Прозвище Никчемный придумал Иккингу сам Сморкала.

Мы заплыли на территорию СТРАХОЛЮДОВ. Видишь остров, вон там? — Он указал на зловещий силуэт на юге, откуда доносился странный ритмичный гул. — Хочешь знать, что это такое, деточка? Это БЕРСЕРК. А залив, куда мы сейчас дрейфуем? Это же залив Разбитого Сердца...

Песьеух Тугодум резко прекратил гоготать и сделался тошнотно-зеленого цвета.

— 3-залив Разбитого Сердца? — заикаясь, переспросил он. — Но там же... вроде не... водятся привидения?..

— Еще как водятся, — ухмыльнулся Сморкала.

— Призраки?.. — пискнул Рыбьенюг.

Сморкала вытаращил глаза и, подавшись к Рыбьенюгу, заговорщицки прошептал:

— Вот именно, хилятик. На берегу Разбитого Сердца, говорят, обитает призрак женщины на призрачном корабле... она вечно ищет свое потерянное мертвое дитя... и если найдет вместо него ТЕБЯ... —

он помолчал, чтобы нагнать побольше страху, — то запустит тебе в грудь свои ужасные призрачные пальцы, — (и Песьедух, и Рыбьенег невольно отшатнулись и попытались заслониться руками), — вынет твое трепещущее сердце и уплывет вместе с ним обратно в призрачный мир, — злорадно закончил Сморкала.

Песьедух с перепугу уронил кинжал себе на ногу. Кинжал был без ножен, так что Тугодуму сделалось очень больно.

— О-У-У-У-У...

— ЧУШЬ это все, Сморкала, — громко произнес Иккинг. — Глупые суеверия. Эти сказки пошли оттого, что в болотах по берегам залива водится редкая птица под названием необычайка, и ее крик похож на плач призрака.

Сморкала откинулся назад и скрестил на груди татуированные руки.

— Чушь, говоришь? Да мы тут жизнями своими рискуем! И все ради вонючей Бой-бабки, не имеющей никакого отношения к племени Хулиганов. И виноват в этом ты, Никчемный.

В этот самый момент Иккингу на голову плюхнулся его охотничий дракон Беззубик — он летал на разведку и теперь вернулся на «Жирного пингвина».

Иккинг выслал Беззубика вперед обследовать гроты, скалы, пляжи и прочие места, куда буря могла зашвырнуть небольшую лодку.

Если Иккинг
лицом и телосло-
жением не вышел в
наследники вождя пле-
мени Хулиганов, то Беззубик
на роль охотничьего дракона наследника подходил
еще меньше. Он принадлежал к породе обыкновен-
ных садовых, самому распространенному виду
драконов (хотя сам утверждал, будто относится к
разновидности куда более экзотической), а разме-
рами уступал охотничьим драконам остальных
юных воинов минимум вдвое. Он не имел не то что
каких-либо полезных в бою особенностей, но, как
явствует из его имени, даже зубов.

Сейчас, вернувшись из разведки, он был по-настоящему встревожен, а тут еще напряжение по-исков, поздний час и важное охотничье поручение, не говоря уже о двух пропущенных кормежках и тихом часе, — от всего этого тревогу Беззубика зашкалило до дикого перевозбуждения. Его плющило и тарасило, словно клеща, высосавшего несколько больших кружек сладкого-пресладкого кофе.

Беззубик и в обычном-то состоянии заикался, а сейчас и вовсе не мог произнести ни слова, настолько был не в себе. Он просто подпрыгивал на голове у Иккинга, указывая крылышками на берег Разбитого Сердца.

— Что такое, Беззубик? Что там? — спрашивал Иккинг*.

Стоик как раз беседовал со своим помощником об относительных преимуществах различных типов стоянок, зорко, как и надлежит капитану, поглядывая вокруг, и заметил тычущего крылышками Беззубика. Вождь навел подзорную трубу на берег Разбитого Сердца.

— Но это неподходящее место для лагеря, — проворчал Стоик, но вдруг умолк. — Погодите секундочку. Что это? ТАМ НА ПЛЯЖЕ ЧТО-ТО ЕСТЬ!

---

* Иккинг, один из немногих викингов, умел говорить по-драконьи — на языке, на котором драконы общаются между собой.

2. ЧТО-ТО НА ПЛЯЖЕ

Рыбьенег подскочил аж на метр — ему первым делом пришло в голову, будто ЧТО-ТО на пляже — это привидение.

Но ЧТО-ТО выглядело большим и плотным и торчало из белых песков на берегу Разбитого Сердца.

— Может, это Камикадзина лодка! — с надеждой воскликнул Иккинг, вглядываясь изо всех сил. — Вдруг она разбилась и обломки торчат из песка...

— ВОИНЫ! — прогремел Стоик. — ДАВАЙТЕ ИССЛЕДУЕМ ЭТО ЧТО-ТО НА ПЛЯЖЕ, ПРЕЖДЕ ЧЕМ ПРОДОЛЖИТЬ ПОИСКИ ИДЕАЛЬНОЙ СТОЯНКИ! ТАМ МОЖЕТ ОКАЗАТЬСЯ ПРОПАВШИЙ РЕБЕНОК, КОТОРОГО МЫ ИЩЕМ!

Воины повиноваться не спешили и даже наоборот: начали роптать.

Солнце быстро садилось в роскошных сполохах розового, красного и золотого. Однако любоваться закатом ни у кого не было настроения. Это воображение шалит или ритмичный гул, доносящийся со стороны острова Берсерк, становится громче?

— Но, вождь, — возразил Червяк Безмозглый, — мало того что на том пляже привидения водятся, так это еще и территория СТРа Стрели, вождя Страхолюдов.

СТР Страхолюд гостей не жаловал.

— Ну, мы же не собираемся там высаживаться и вообще, — огрызнулся Стоик Обширный. — Мы просто глянем что да как... И с чего это ты обсуждаешь мои приказы? Я КАПИТАН ЭТОГО КОРАБЛЯ, И ВЫ ДОЛЖНЫ ПОВИНОВАТЬСЯ БЕСПРЕКОСЛОВНО!

И воины устало погребли к Чему-то На Пляже, ворча себе под нос.

— Нет, Никчемный, ты просто прелесть. Я уже готов облобызать твою Никчемную тупую башку, — злобно прорычал Сморкала. — И я бы так и сделал, но слишком устал и жрать хочу.

Они вошли в мелкие воды залива и, лавируя среди плавника, нагнанного бурей, приблизились к берегу. Очень скоро даже в угасающем вечернем свете стало видно: ЧТО-ТО — точно не лодка.

— Слишком угловатое, — заметил Рыбьенег.

Вот только что бы это могло быть?

Рыбьенег как раз решил про себя, что это гроб, когда снизу раздался внезапный ТРРРРЕСК! — и корабль резко остановился.

— ИДИОТЫ! — взревел Стоик. — Вы налетели на риф!

— Ты же не велел нам останавливаться, — возразил Червяк Безмозглый, и не без оснований. — Ты капитан. А мы только повинуемся приказам.

Они налетели на камень, и сквозь пробоину в правом борту хлынула вода.

«Жирный пингвин» мягко лег своим очень толстым брюхом на песчаное дно залива Разбитого Сердца и отказался двигаться дальше.

Викингу всегда очень стыдно, если он топит собственный корабль.

Особенно на глубине в полметра.

Это профессиональный риск.

Но более неподходящего момента, чтобы так опростоволоситься, и представить было нельзя.

Викинги выбрались с корабля. Вода доходила до колена. Все тактично промолчали.

— Громовые бедра, рыжие усы и кружевные оборочки Великого Тора!!! — воскликнул багровый от злости Стоик Обширный.

ГРОМОВЫЕ Бедра,
~~РЫЖИЕ~~ Рыжие усы,
и кружевные
оборочки
Великого
Тора!!!

Пока он грозил кулаком небесам над головой, последний солнечный блик истаял на горизонте. Они застряли на берегу Разбитого Сердца до утра, пока не починят корабль.

— ОТЛИЧНО! — крикнул Стоик. — Думаю, мы нашли стоянку на ночь.

Хулиганы на втором, уцелевшем корабле вовсе не горели желанием присоединиться к соплеменникам на берегу.

— С нашим-то кораблем все в порядке! — проорал Толстопуз Пивобрюх. — Мы вполне можем поспать и на борту...

— ЧОТЫНЕСЕШЬВАЩЕ?! — заревел в ответ Стоик. — ХУЛИГАНЫ ДЕРЖАТСЯ ВМЕСТЕ! А НУ БЫСТРО ВЫЛЕЗАЙ И СЮДА!

Стоянку отнюдь нельзя было назвать идеальной. Но какой у них был выбор?

Солнце село.

И корабль тоже.

Всходила луна, и в неподвижном вечернем воздухе уже мерцали первые светляки.

Слишком усталые, чтобы спорить, Хулиганы поставили на якорь второй корабль, накинули на плечи одеяла из звериных шкур и побрели по колено в воде на пляж.

Покрайней мере, они смогли рассмотреть Что-то.

Это оказался трон.

Громадный пустой ТРОН.

Вытесанный из глыбы белого мрамора, он явно долгое время провел в море и лишь недавно оказался на берегу. Его покрывала пелена зеленых водорослей. Вместо драгоценных камней трон был усыпан ракушками, с подлокотников свисали длинные бороды морской травы.

Гигантский трон стоял на пляже так твердо, словно на нем восседало гигантское невидимое божество. Сидит себе тихо и смотрит на море...

— Как необычно, — выдохнул Стоик Обширный. — Как по-вашему, откуда это взялось? Смотрите-ка, на спинке Хулиганский герб! Должно быть, эта штука НАША... Ну до чего же удивительно! В жизни не видел подобного трона! И что бесценный Хулиганский трон делает здесь, за много миль от дома, брошенный на берегу Страхолюдов?

— Необъяснимо, — сказал Иккинг, поглядывая на трон с изрядной опаской.

Было в этом троне что-то такое, отчего у него по спине ползали мурашки. Может быть, едва различимое кровавое пятно на спинке. Очень старое пятно. Воды океана долго трудились, пытаясь его смыть, но оно по-прежнему присутствовало, словно еле заметный коричневый цветок, — напоминание некоем древнем предательстве.

— Сдается мне, его выбросило бурей, как и все прочее, — высказал догадку Иккинг, обводя рукой кучу плавника и осколки старых бутылок, горшков, крабовых панцирей, топорищ и половину рыбного садка, притопленных в лужах на берегу.

— Но какое сокровище! — с придыханием произнес Стоик Обширный, стремительно воспрянув духом. — И оно принадлежит НАМ! Наверняка это был трон кого-то из вождей Хулиганов давних времен!

Ну и ну! Ради этого не жалко было пробить дыру в борту «Жирного пингвина». Стоик возбужденно потирал руки.

Нынешний трон Стоика на Олухе пару месяцев назад несколько утратил блеск, когда Беззубик случайно подпалил его*.

Трудно произвести впечатление, сидя на троне всего о трех ногах.

— Воины! — гаркнул Стоик. — Втащите-ка эту штуку выше линии прилива, а потом поужинаем и устроим ранний отбой! Теперь, Иккинг, — продолжал он, — ты поймешь важность Не Падания Духом, еще одного очень полезного свойства Хулиганов. В конечном итоге стоянка не такая уж плохая. Смотрите! Медуз нет! Отличное укрытие! Масса мест для часовых! **ДАВАЙТЕ ПОСТАВИМ ЛАГЕРЬ У ТОЙ БОЛЬШОЙ СКАЛЫ С РУНАМИ, ПАРНИ!**

Стоик важно затопал по пляжу в сторону высокого утеса, покрытого рунами СТРа.

— Что говорят руны, Иккинг? — нервно спросил Рыбьенег.

Иккинг опустился возле скалы на колени:

— Они говорят: «Не влезай — убьют (безжалостно, но, если тебе повезет, быстро)». Ну или как-то так. СТРовы руны очень трудно читать.

— **ПОДУМАЕШЬ!** — прогремел Стоик Обширный, бросая на песок целую охапку плавника для костра. — Страхолюды очень редко заходят в этот

---

* Об этом рассказывается в шестом томе Иккингových мемуаров «Как одолеть дракона».

залив. Из-за привидений. Поэтому, если вдуматься, стоянка вполне себе идеальная. Здесь они нас ни за что не найдут!

Лохматые Хулиганы перетащили трон, развели костер на куче камней и плавника, нажарили себе макрели и поужинали. После еды они завернулись в свои медвежьи шкуры, расположились вокруг костра, их охотничьи драконы улеглись рядом, и все попытались уснуть.

Что оказалось нелегко.

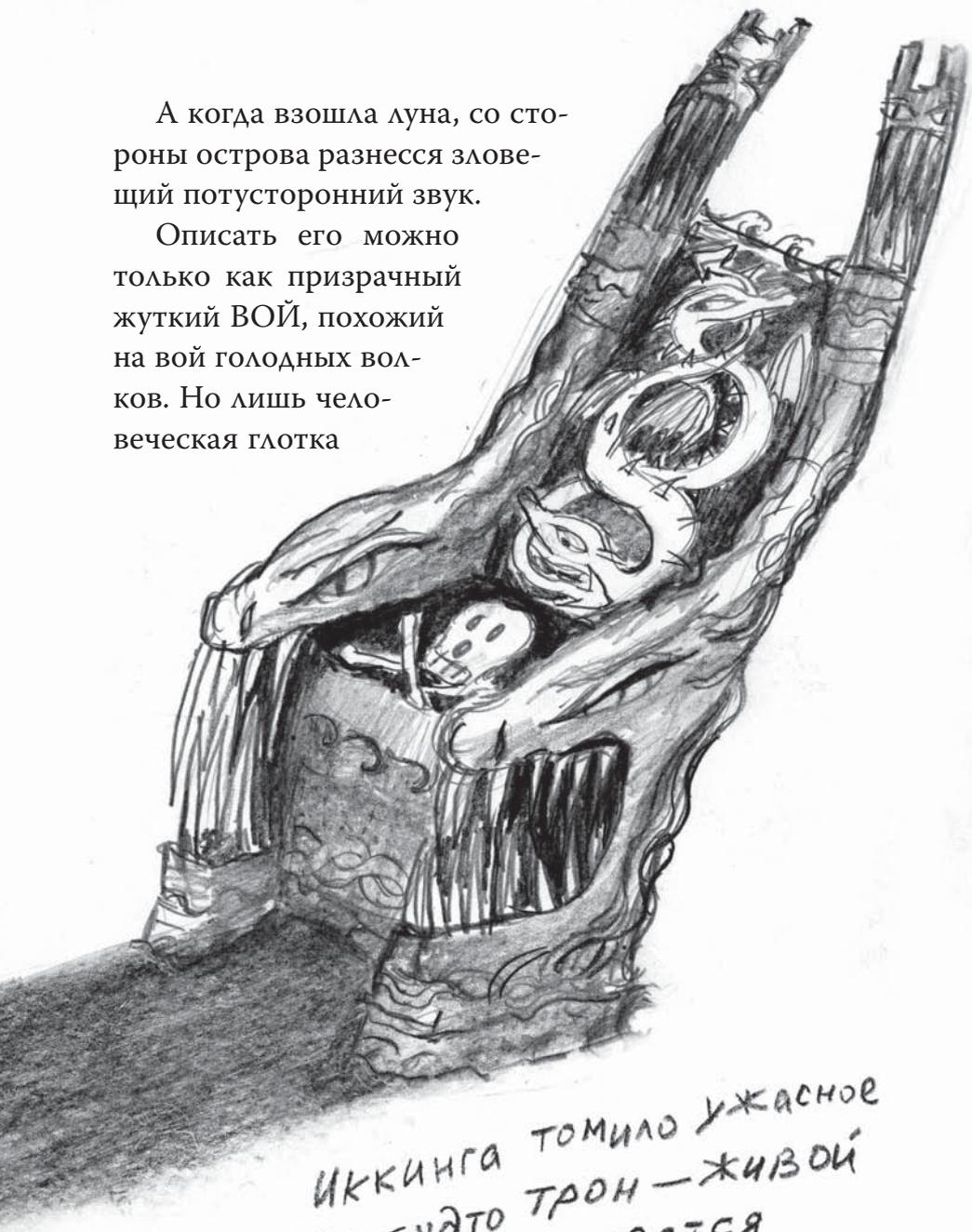
Потому что вскоре дала о себе знать ЕЩЕ ОДНА причина, почему Страхолюды нечасто навещали берег Разбитого Сердца.

Негромкое гудение и рокот, исходившие от черного силуэта острова Берсерк на юге, с появлением звезд становились все громче и громче. Барабаны выстукивали воинственный племенной ритм, и сердце Иккинга бешено колотилось им в такт.

А когда взошла луна, со стороны острова разнесся злое- щий потусторонний звук.

Описать его можно только как призрачный жуткий ВОЙ, похожий на вой голодных вол- ков. Но лишь чело- веческая глотка

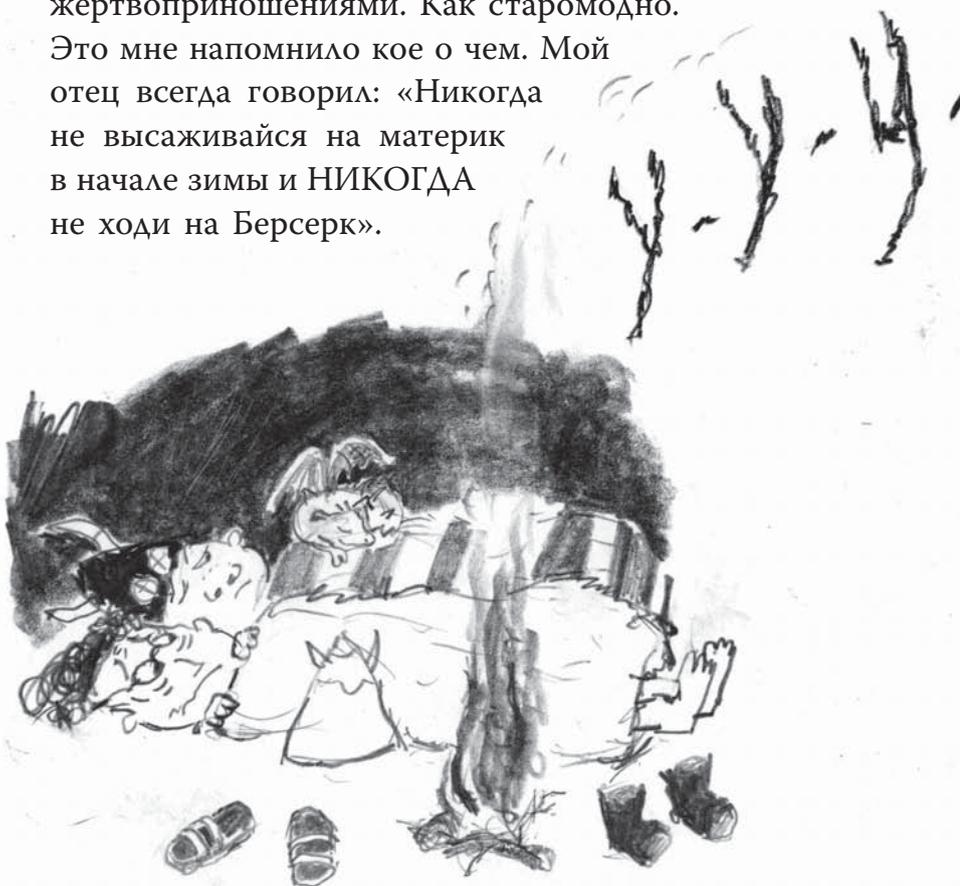
Иккинга томило ужасное чувство, будто трон — живой и злобный и пытается засосать его в себя.

способна исторгнуть подобный звук. Или *получе-*
ловеческая.

Ужасный звук тек у Иккинга по позвоночнику,
словно ледяная струйка.

— Берсерки... — донесся из темноты с дру-
гой стороны костра низкий голос Стоика. Он не-
одобрительно поцокал языком. — Боюсь, они по-
прежнему сильно увлекаются человеческими
жертвоприношениями. Как старомодно.

Это мне напомнило кое о чем. Мой
отец всегда говорил: «Никогда
не высаживайся на материк
в начале зимы и НИКОГДА
не ходи на Берсерк».

Запомни это Иккинг, —
с важностью произнес он. —
Прекрасный образчик отеческого совета.
— Не волнуйся, запомню, — шепотом отозвался Иккинг.

— Знаю, мне не следует критиковать твоего отца, но стоянка правда НЕ идеальная, — простонал Рыбьенег, дрожа под медвежьей шкурой рядом с Иккингом. — Мы спим на пляже с привидениями, вторгшись на земли самого жестокого и недоверчивого вождя в нецивилизованном мире, а на соседнем острове целая куча чокнутых приносит кого-то в жертву. Я вообще не любитель ночевать вне дома, но эта ночевка — хуже не придумаешь...

Вскоре один за другим Хулиганы провалились в сон. Иккинг отключился последним. Он лежал, глядя на звезды и мерцающий свет угасающего

пламени, и гадал, где сейчас Камикадза. Если его самого трясет от страха, то каково ей, ведь она-то совсем одна

Четыре часа спустя он сел как подброшенный: тишину пляжа разорвал дикий вопль, от которого волосы встали дыбом.

— Берсерки, — проворчал Стоик, со стоном переворачиваясь на другой бок в песке и натягивая медвежью шкуру на голову. — Неприятно, но на таком расстоянии угрозы не представляют...

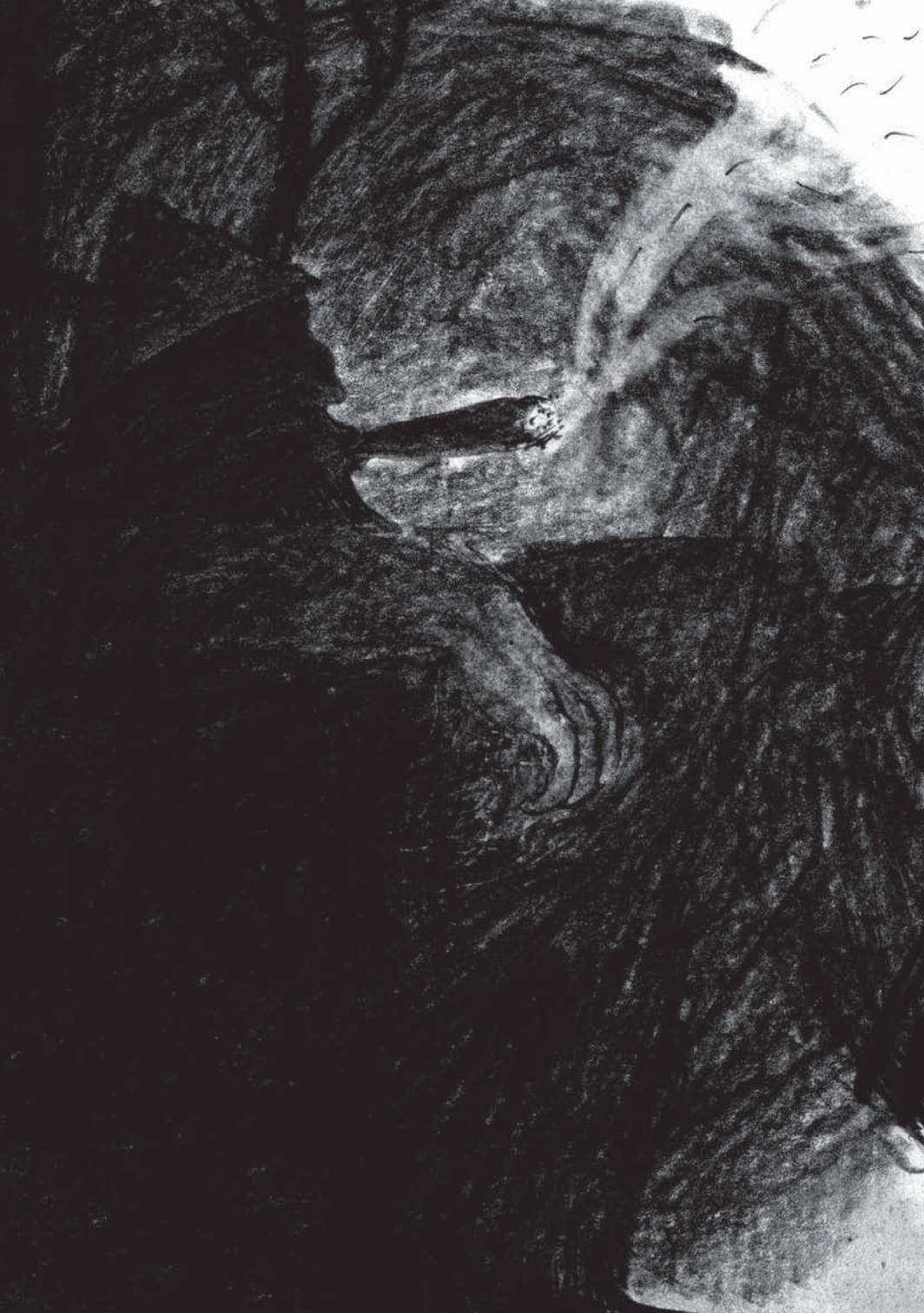
Хулиганы и их драконы, разом вскочившие, когда раздался вопль, снова улеглись.

Но Иккинг не спешил ложиться. Он кое-что увидел. За кругом света, где тихо стоял в темноте трон.

Ох, бешеные Берсерки и безумные призрачные дамы!

На троне кто-то СИДЕЛ!

3. ОПРЕДЕЛЕННО НЕ ИДЕАЛЬНАЯ СТОЯНКА

Вариантов, кто бы это мог быть, имелось только три.

Либо призрачная дама, обитающая на берегу, пришла по их сердца.

Либо это Берсерк в поисках очередной человеческой жертвы.

Либо Страхолюд, который убьет их безжалостно, но, если повезет, быстро.

Все три варианта стоили хорошего вопля, даже визга, и Иккинг набрал побольше воздуха...

Но рот ему закрыла большая волосатая лапища.

Мальчик мог только смотреть выпученными от страха глазами, как на пляж хлынули бесшумные темные тени и заняли позиции за головой каждого Хулигана.

Фигуру на троне окутывала тьма. Иккинг разглядел лишь контуры оленьих рогов на шлеме на фоне ночного неба. Человек

медленно курил сигару*, кончик ее ярко светился во тьме. Вот он шевельнул рукой, и все Хулиганы вокруг костра проснулись с ножами у горла.

Все, кроме Стоика.

Стоик невозмутимо храпел.

Сидевший на троне поднялся, неторопливо направился к спящему вождю Хулиганов и слегка пнул его.

Стоик Обширный сдернул с головы медвежью шкуру и возмущенно сел.

— Шотакоэ? Кто зесь? — Он сонно нашарил топор.

Рогатый силуэт снова едва заметно повел ладонью, и безмолвные тени подтащили трон ближе к огню.

— СТР Страхолюд! Ты-то что здесь делаешь?

Стоик Обширный нервно сглотнул. Он уже разглядел, что все его воины застыли с ножами у горла, и опустил топор.

Обширный соображал не очень быстро, но даже он догадался, что дела идут не лучшим образом.

Они находились на земле Страхолюда, а вокруг их костра валялись обглоданные кости Страхолюдовой макрели.

---

* В те времена курение было распространено в Америке, но отнюдь не среди викингов. Курильщик покупал свои сигары у «коротышки с севера», как он говорил. О том, какое отношение викинги имеют к Америке, можно прочитать в седьмом томе Иккинговых мемуаров «Как разозлить дракона».

— Ну, видишь ли, Стоик, — промурлыкал СТР Страхолюд с добродушной улыбкой голодного тигра, — это МОЙ пляж...

Большинство знакомых Иккингу вождей были упрямы, но несколько туповаты.

СТРа боялись не только потому, что он был самым могущественным и жестоким правителем в нецивилизованном мире, и не только потому, что его владения простирались на восток так далеко, что дракон мог неделю лететь и так и не добраться до края, — его боялись потому, что он был очень умен.

— Я могу объяснить, СТР! — ахнул Стоик.

— Живи и давай жить другим, вот моя философия, Стоик, — улыбнулся СТР Страхолюд. — Все вы, западные вожди, воришки. Если вам охота грабить друг друга, нападать друг на друга и убивать друг друга, разве я вмешиваюсь? Нет. Пока вы не пытаетесь ограбить МЕНЯ. — Тут он с пугающей резкостью оборвал смех, и в голосе его зазвучала откровенная злоба. — Потому что тогда это мое дело. Если кто-то пытается ограбить МЕНЯ, тогда... — СТР угрожающе умолк.

— Ты убьешь его, — радостно подхватил Стоик, довольный, что наконец-то поймал нить беседы. — Безжалостно, но, если повезет, быстро. Да-да, я знаю, СТР...

— Молодец, Стоик, молодец, — отозвался вождь Страхолюдов. — Рад это слышать. Но по-

нимаешь, Стоик, по данным моих драконов-разведчиков, ты явился сюда незванный, посреди ночи, со всем своим войском... — Он обвел сигарой Стоиковы корабли. — Человек подозрительный решил бы, что, устанавливая свой трон на моих берегах, ты заявляешь претензию на мои земли. Кое-кто мог бы счесть подобный жест не совсем дружеским...

— Нет-нет, СТР, все не так! — зачастил Стоик. — Это не мой трон! Мы просто нашли его здесь на пляже!

СТР Страхолюд снова улыбнулся, и зрелище это было не из приятных.

— Ты старый друг, Стоик, — сказал он, и теперь голос его затвердел до льда, — но даже твои друзья не назвали бы тебя самым смышленным варваром в наших краях. Если это не твой трон, то почему всю его спинку занимает Хулиганский герб?

СТР откинулся на спинку трона и зажал сигару в зубах. Он поднял руку. Иккинг увидел, что все Страхолюды, державшие ножи у Хулиганских глоток, смотрят на эту руку, и понял, что, если СТР ее опустит, их всех прикончат на месте.

Иккинг укусил за палец руку, зажимавшую ему рот, и выкрикнул:

— БОЛЬШЕГРУДАЯ БЕРТА ЗНАЕТ, ЧТО МЫ ЗДЕСЬ!

Сигара СТРа замерла — вождь задумался.

— Пусть мальчик говорит, — наконец изрек он. Иккинга отпустили, и он шмякнулся лицом в песок.

— И кто же, — мягко произнес СТР, — это такой?

— Это мой Сын и Наследник, Иккинг Кровожадный Карасик Третий, — торопливо доложил Стоик Обширный.

— Очень длинное имя для такого маленького Наследника, — заметил СТР. — И что ты можешь сказать в свою защиту, Иккинг Кровожадный Карасик Третий?

— Это не нападение. Мы вышли на поиски Бертиной дочери, пропавшей во время шторма, — ответил Иккинг. — Присмотрись к трону, и увидишь, что он пробыл под водой минимум сотню лет. Должно быть, он принадлежал одному из наших предков и теперь его вынесло бурей на берег. А если все Хулиганское племя исчезнет на Страходлюдских землях во время совершенно мирной миссии, Большегрудая Берта станет задавать неудобные вопросы.

СТР Страходлюд внимательно смотрел на Иккинга.

— Я могу сказать ей, что все это трагическая ошибка, — предложил он, поглаживая бороду.

— Она станет задавать вопросы, — твердо повторил Иккинг. — Пойдут слухи, подозрения. Тела непросто спрятать.

— Умный маленький Хулиган, — задумчиво протянул СТР. — Настоящий политик. В Хулиганском племени! Что ж, интересный поворот...

Пару минут он молча курил сигару в ночной темноте. Затем широко раскинул руки.

— Я верю тебе, Стоик! — выкрикнул СТР. И сердечно пожал толстяку руку.

Все племя Страхолюдов убрало ножи от Хулиганских шей и сделало шаг назад.

— Верить? — переспросил Стоик и протяжно выдохнул от облегчения пополам с изумлением.

— ВЕРЮ! — грянул СТР. — Я ВООБЩЕ НЕ СОБИРАЛСЯ ТЕБЯ УБИВАТЬ! ЭТО БЫЛА ШУТКА!

— Шутка? — не понял Стоик.

— ХА-ХА-ХА! — проревел в ответ СТР Страхолюд.

— Ха-ха-ха, — отозвался Стоик.

— ХА-ХА-ХА-ХА-ХА, — взревели Страхолюды и Хулиганы, первые от всей души, вторые — не очень.

— Я ВЫСАДИЛСЯ ЗДЕСЬ, ЧТОБЫ ПОГОВОРИТЬ С ТОБОЙ СОВЕРШЕННО О ДРУГОМ! НУ РАЗВЕ НЕ СМЕШНО? — хохотал СТР Страхолюд.

— Очень смешно, — неловко произнес Стоик. — Э-э... о чем тогда ты хочешь поговорить, СТР?

— Ну, правду сказать, дело-то очень серьезное, Стоик, — помрачнев, ответил СТР. — Надеюсь, мы

сумеет все уладить без кровопролития. Хотя сомневаюсь.

Стоик слотнул:

— О боги. И впрямь звучит серьезно.

— Это касается чести моей дочери, — пояснил СТР Страхолюд с неподдельной озабоченностью. — Кто-то из племени Хулиганов посылал ей любовные письма.

Сердце Стоика ухнуло в пятки.

В те темные древние времена посылать любовные письма было

ОЧЕНЬ

СЕРЬЕЗНЫМ

И

СМЕРТЕЛЬНО ОПАСНЫМ

ДЕЛОМ.

КРОМЕ ШУТОК.

— Не обсудить ли нам это за чаем? — улыбнулся СТР Страхолюд.

4. СТРАХОЛЮДНОЕ ЧАЕПИТИЕ

— За чаем? — переспросил Стоик, несколько опешив. — Но сейчас ведь середина ночи!

— Судя по Берсеркам, около трех часов, — отозвался СТР Страхолюд. — Они не начинают свою Заполночную Церемонию раньше двух. Кстати, интересный выбор стоянки, Стоик...

— Она не идеальна, — мрачно признал Стоик.

Ужасный вой с острова Берсерк усилился, так что у всех по спине ползли мурашки. Ощущение было такое, словно вас гладят крапивой, аж волосы на загривке встают дыбом, словно шипы морского ежа.

— Скажем... без десяти три, — уточнил СТР Страхолюд, наклоня голову и прислушиваясь.

— Без разницы, — уперся Стоик. — Для чая слишком поздно. И вообще я не голоден.

— О, но я настаиваю, — улыбнулся СТР Страхолюд. — Просто пикник, понимаешь, Стоик? Маленький бездевятитрехчасовой перекус в честь вашего прибытия на земли Страхолюдов. Трудные беседы всегда лучше вести за едой. — Он хлопнул в ладоши.

Корабль СТРа причалил рядом с пробитым «Жирным пингвином», и ухмыляющиеся Страхолюды доставили с него на берег тарелки и ложки,

кубки с хмельным медом и ломти оленины, молоко и хлеб и все, что может понадобится для небольшого перекуса без десяти три пополуночи.

Беззубик вечером толком не поужинал, поскольку слишком устал, пропустив два тихих часа. Бедняжка вырубился тогда прямо за едой, уронив голову в суп. Иккинг вымыл ему мордочку и пристроил у себя за пазухой, где дракончику было тепло и уютно и ничто не беспокоило. Ни жуткий вой Заполночной Церемонии Берсерков, ни нападение Страхолюдов не смогли разбудить Беззубика.

И только теперь, учуяв еду, он высунул рыльце из-под Иккинговой безрукавки, повел носом и открыл мутные спросонок глазки.

— **Пи-пи-писч'ча-ча!** — Беззубик аж привзвизнул от возбуждения и моментально пустил слюни. — **Б'бе-беззубик умирает от го-голода!**

— **Тише, Беззубик, тише,** — предупредил Иккинг, поднося ему селедку на ложке. — **Понимаю, ты голоден, но не заглатывай все сразу. У тебя от этого всегда болит живот... Медленно, Беззубик... маленькими кусочками... медленно... БЕЗЗУБИК!**

Поздно.

Жадный маленький Беззубик так перевозбудился, так проголодался, облетев все гроты в поисках Камикадзы, что проглотил в один присест не только селедку...

...но и ложку.

— Ох, Беззубик, — вздохнул Иккинг и осекся, увидев, что к трапезе присоединилась дочь СТРа Страхолюда.

Иккинг сразу узнал ее, потому что как-то видел мельком на Ежегодных Игрищах, окруженную телохранителями.

— Это моя любимая доченька, Ярисса О'СТРели, — представил ее СТР Страхолюд.

Любимая доченька СТРа Ярисса была ростом под два метра, с копной огненно-рыжих волос и зелеными глазами. На голове у нее свернулся красивый алый ловчий дракон, и она кормила его желудями.

Она была потрясающе красивой и потрясающе недовольной.

— Ой, Тор меня зашиби... — пискнул Рыбьеног, стремительно заливаясь малиновой краской. — Она смотрит на нас... Она улыбается нам... Она *машет* нам! Так, держимся естественно... спокойно... без паники...

Бедняга сначала покраснел, потом побелел и наконец, не выдержав переживаний, сомлел и рухнул со стула.

— Да уж куда спокойнее, Рыбьеног, — проворчал Иккинг, приводя друга в чувство и помогая снова сесть

за стол. — Очень изысканно. ОБМОРОК всегда безотказно действует на этих амазонок. Надо отдать тебе должное, ты действительно умеешь произвести впечатление на дам. Вырастешь — станешь настоящим сердцеедом.

— Она перестала на нас смотреть? — спросил Рыбьенег, не открывая глаз.

— погоди секундочку, не открывай глаза... Она еще смеется... и показывает пальцем... — проговорил Иккинг. — Ага... уже перестала. Теперь снова ковыряет в носу и разговаривает с соседом. Ты в безопасности. Можешь открыть глаза.

— Она смотрела на меня... — вздохнул Рыбьенег, прижав руку к сердцу. — Ярисса О'СтРели смотрела на меня... и улыбалась мне... и махала мне... Ангел! Богиня!

Иккинг вытаращился на друга как на сумасшедшего:

— Что с тобой, Рыбьенег? Ты совсем рехнулся? — Он на всякий случай заглянул Рыбьенегу в глаза — они слегка розовели, когда в нем просыпался берсерк. — И где ты встречал СТРову дочку раньше?

— Я видел ее однажды на Ежегодных Игрищах, — признался Рыбьенег.

— Дочь много значит для меня, Стоик, — произнес СТР, и в голосе его сквозил гнев. — Это вопрос чести и Варварского Кодекса. Ты знаешь правила. Кто бы ни написал любовное письмо дочери, не испросив разрешения у отца, должен немедленно просить ее руки. Иначе он наносит смертельное оскорбление ей и всему ее племени.

Как ни странно, на Варварском архипелаге ВЛЮБИТЬСЯ было едва ли не самым опасным делом. Куда рискованнее езды на драконах, драк на мечях или других небезопасных развлечений юных викингов.

— Однако закон ясно говорит, — резко продолжал СТР, — ЕСЛИ написавший эти письма принадлежит к роду вождей, он может попытаться завоевать руку моей дочери, выполнив одно-единственное невыполнимое задание по МОЕМУ выбору.

— А что, если написавший НЕ из рода вождей? — спросил Иккинг.

— Тогда он оскорбил честь племени Страхолюдов, и я обязан убить его на месте, — улыбнулся СТР Страхолюд. — А если никто не признается, мне придется убить всех неженатых молодых людей в вашем Хулиганском племени. Все честно

Любимая доченька СТРа
Ярисса

и согласно Варварскому Кодексу. Никаких распросов. Никаких тыканий пальцем друг в друга: «Это не я, это он!» И я буду абсолютно в своем праве.

— Дурное это дело, ЛЮБОВЬ, — мрачно покачал головой Стоик. — Очень дурное.

— Но ты забыл одну маленькую важную вещь, СТР, — заметил Иккинг. — Как ты докажешь, что эти письма написал кто-то из нас?

— Вот-вот, вряд ли это был Хулиган, — гордо сказал Стоик. — Большинство из нас вообще не умеют писать.

СТР улыбнулся и зажал зубами сигару.

— Я прочту одно из писем, просто на случай, если оно пробудит в ком-нибудь из присутствующих воспоминания.

Могущественный варварский вождь поднялся на ноги.

Поэтические чтения, которые за этим последовали, несколько испортило то обстоятельство, что стих читал самый жестокий вождь в нецивилизованном мире, пыхтя огромной сигарой и сверкая злобным взглядом.

Хулиганы взревели от хохота.

— Они смеются над моей дочерью? — кротко спросил СТР.

— ТИХО! — гаркнул Стоик.

На пляже тут же воцарилась тишина,

Болотная роза со слуха
(с запахом жгучей крапивы
и коровьей лепешки) ↗

только кто-то еще разок хихикнул в кулак. Ярисса О'СТРели гневно любовалась своим отражением в золотой чаше.

— Я жду, не возьмет ли кто на себя ответственность... — произнес СТР.

Иккинг повернулся пошептаться с Рыбьеногом и обнаружил, что друг сделался ярко-красным. Он нервно ерзал на стуле и не желал встречаться с Иккингом взглядом. И у Иккинга возникла страшная догадка...

СТР ухмыльнулся еще гаже.

— В письмо вложен цветок. Романтично, не правда ли? Очень мило... — проговорил он негромко, вытряхивая цветок из письма себе на ладонь. — И это... болотная роза Олуха.

Болотная роза Олуха — коричневая и колючая и со слабым (увы, не самым приятным) запахом. И очень редкая. Настолько редкая, что встретить ее можно лишь в самых топких участках болот на Олухе, поэтому Хулиганы даже выбрали ее символом своего племени.

СТР снова сел.

— А теперь можете спокойно обсудить новость между собой.

5. ДВЕНАДЦАТЫЙ ЖЕНИХ ЯРИССЫ О'СТРЕЛИ

Иккинг в ужасе повернулся к Рыбьеногу.

— Это же не ты, Рыбьеног, правда? — прошипел он в отчаянии.

Нет, не может быть... Рыбьеногу же всего тринадцать с хвостиком. У него определенно нос не дорос посылать любовные стихи красивым, надменным принцессам, у которых к тому же папочки маньяки-убийцы...

Но Рыбьеног был красней заката. Он сдвинул очки к самой переносице и пробормотал так тихо, что Иккинг едва его расслышал:

— Гм... Понимаешь, я упражнялся в стихосложении. Стих-то очень хорош, не находишь? — заявил Рыбьеног, гордясь художественной удачей, несмотря на смертельную опасность момента. — Хотя слово «четвероногие» не слишком-то поэтичное... С ним у меня не очень получилось... Поэзия — это не так просто, как кажется...

— Что ты несешь, псих ненормальный? — прошипел Иккинг. — Кого волнует, хорош стих или плох? Страхолюды не особенно разбираются в поэзии. Вот избавлять людей от головы и завязывать

им руки в сложные рифовые узлы — это им гораздо ближе и понятнее. Зачем, во имя Одина, ты послал ей это проклятое письмо?!

Рыбьеног сделался белей бумаги.

— Ну, понимаешь, она ведь такая красивая, вот я и вдохновился на стихи. Дело в том, — пустился в объяснения Рыбьеног, — мне кажется, что все эти Хулиганские Воинские Подвиги, мечи-топоры, рыгай-и-топай на самом деле не про меня. Вот я и подумал, что если вылечу из Программы Пиратской Подготовки — а это, будем честны, вполне вероятно, — то всегда могу податься в поэты. Стану зарабатывать себе на хлеб как странствующий сказитель, может, когда-нибудь даже СКАЛЬДОМ заделаюсь...

— Хорошая идея, не отрицаю, — перебил Иккинг. — Но о твоих карьерных перспективах мы поговорим позже. Сейчас надо думать, как выкрутиться.

— Прости, Иккинг. — Рыбьеног снял очки и надел их снова — он явно страшно нервничал. — Как думаешь, что он со мной сделает? — шепнул он Иккингу.

— Убьет, — объяснил тот. — Безжалостно, но, если тебе повезет, быстро.

— Думаешь? — проблеял Рыбьеног.

— Я не думаю — я знаю. Даже чтобы просто СТАТЬ одним из ее женихов, надо быть из рода вождей. Боюсь, мы живем во времена предрас-

судков, но, насколько я понимаю, для тебя это означает смерть на месте.

— Итак, — улыбнулся СТР, — я намерен просить виновника назваться. Считаю до пяти. Один... два... три...

— Придется сознаваться, — шепнул Рыбьенег. — Иначе нас ВСЕХ убьют. Знакомство с тобой скрасило мой недолгий век, Иккинг.

— ...четыре... — угрожающе произнес СТР.

Рыбьенег неуверенно поднялся на ноги и трясущейся рукой вытер запотевшие очки о рубаху, прежде чем решительно нацепить их обратно на нос.

— погоди! — шепнул Иккинг. — По-моему, у меня созрел хитроумный план.

— А он точно хитроУМНЫЙ? — с надеждой спросил Рыбьенег.

— Ой, сейчас не до жиру. Хитрополоумный.

— СТОЙТЕ! — крикнул Иккинг.

Ой,
рад
Тора...

Вот теперь

ты точно

у меня в

долгу,

Рыбьенег...

Все обернулись и уставились на него.

О боги.

Это будет нелегко.

— Стих написал я, — произнес Иккинг.

На несколько мгновений все потеряли дар речи.

Иккинг не мог смотреть на Сморкалу и Песьеду-ха. Те едва не лопались от злорадства.

— Стихотворение написал ТВОЙ НАСЛЕДНИК, Стоик, — хохотнул СТР Страхолюд, откидываясь на спинку трона и от души затягиваясь сигарой. — Я ЗНАЛ, что все кончится хорошо.

— Иккинг! — воскликнул Стоик Обширный. — ТЫ же не писал этого письма, правда?

— Боюсь, писал, папа, — солгал Иккинг.

— ХРЮ-ХРЮ-ХРЮ, — покатывались со смеху Сморкала и Песьедух Тугодум.

— Что это значит? — попытался вникнуть Стоик Обширный.

— Это значит, — протянул очень-очень довольный собой СТР Страхолюд, — что, согласно нашему Варварскому Кодексу, твоему сыну, Иккингу Кровожадному Карасику Третьему, поскольку он из рода вождей, исключительно повезло стать последним женихом моей дорогой любимой доченьки, принцессы Яриссы О'СТРели.

— Но... но... но... — забормотал Стоик, не в силах выбрать одну из множества причин, почему эта идея пугает его до колик, — как насчет разницы в возрасте?

— Вряд ли разница в возрасте станет проблемой, — ухмыльнулся СТР Страхолюд. — Чтобы действительно ЖЕНИТЬСЯ на моей дочери, ему придется выполнить мое невыполнимое задание.

— Ты сказал «последним женихом», — вмешался Иккинг. — А сколько всего женихов у тебя уже БЫЛО, принцесса Ярисса?

— Одиннадцать, — ответила красавица, тряхнув шевелюрой и едва не подпалив яростным взглядом папину бороду. — Это считая предпредпоследнего жениха, которого я люблю и за кого однажды выйду замуж...

— «Люблю-у»! — передразнил СТР Страхолюд. — Дочь вождя не может выйти замуж по ЛЮБВИ! Кроме того, я не уверен, что предпредпоследний жених действительно считается. Он, по-моему, солгал насчет своего высокого происхождения.

— Я не собираюсь выходить за кого попало только из-за его тухлой вождецкой крови, папочка! — взбесилась Ярисса. — Меня тошнит от замков, крыш, телохранителей и драгоценностей. Я намерена выйти за ГЕРОЯ. И я выйду за моего Героя, и уплыву с ним в закат, и буду спать под звездами, и зарабатывать на жизнь своим мечом, и пусть наш корабль несет нас туда, куда дует ветер. Я выйду за моего Героя, предпредпоследнего жениха, которого я люблю!

— Хорошо-хорошо, только вот одно маленькое затрудненьце имеется, а, Ярисса? — улыбнулся СТР Страхолюд. — Твой Герой так и не вернулся с невыполнимого задания... Будь он настоящим Героем, он бы вернулся.

— Он вернется, — упрямо заявила Ярисса, потрянув прекрасными волосами и скрестив руки на груди. — Вернется. Я буду ждать его.

— Разумеется, ты можешь ждать, дорогая моя Ярисса. — Но ждать, возможно, придется долго. Может быть, вечно.

— Я могу ждать долго, — ответила Ярисса. — И даже вечно.

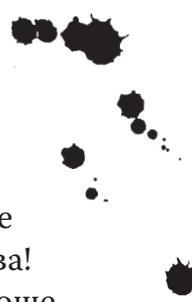
— Ну вот и жди себе, — проворковал СТР Страхолюд. — Кто я такой, чтобы тебе мешать. Тем временем, — обернулся он к Стоику Обширному, — единственным *моим* условием женитьбы на Яриссе является принадлежность к роду вождей... — («ХА!» — фыркнула Ярисса, потрянув волосами.) — ...и способность жениха обеспечить бочонок меда для медового месяца*.

Стойк Обширный неимоверно обрадовался.

— И ЭТО, по-твоему, невыполнимое задание? — весело спросил он. — По мне, так раз плюнуть! Вот когда я женился, мне досталась задача посложнее.

---

* Медовый месяц — викингское выражение. Все дело в том, что на свадьбу варили хмельной напиток, который называли медом, хотя входил в него не только мед.

Мне пришлось добыть Огненный Камень с острова Магманьяков, и это оказалось весьма непросто, доложу я тебе. Тут требовалась сила, ловкость, большие мышцы — настоящие Геройские качества! По сравнению с моим твое задание проще простого! ОДИН бочонок меда — это ерунда!

— Уверен, тут есть подвох, — вмешался Иккинг. — Иначе одиннадцать предыдущих женихов не провалили бы задание.

— Никакого подвоха, — пожал плечами СТР. — Но Страхолюдям годится только самое лучшее. Напиток на свадьбу мы варим из лучшего в мире меда. А лучший в мире мед делают пчелы... — СТР выдержал многозначительную паузу, — острова БЕРСЕРК!

Вокруг костра на берегу Разбитого Сердца повисла тишина.

Лунная дорожка поблескивала на мягко плещущих волнах, и отражения стоящих на якоре кораблей в заливе плясали в лунном свете.

В болотах перекликались призрачными голосами необычайки: «Ты-где-е-е? Ты-где-е-е?»

И все сидевшие вокруг костра повернулись к громадному горбатому, зловещему силуэту острова Берсерк на юге. Он казался припавшим к земле на горизонте зверем, погруженным в тоску и печаль. И, словно по заказу, Заполночная Церемония подошла к торжественному финалу, и вой взмыл

до небес. Казалось, тысяча фурий завопила от зубной боли, и вершины деревьев на Берсерке закачались, хотя ветра не было.

Что там творится?

Иккинг совсем, вот ничутьючки не хотел это выяснять.

Стоик Обширный выпрямился во весь свой геройский рост и положил руку Иккингу на плечо.

— МОЙ СЫН соберет мед Берсеркских пчел или ПОГИБНЕТ, пытаюсь его добыть! Верно, Иккинг?

— Верно, — нервно отозвался мальчик.

— Вот это я и хотел услышать! — проревел СТР Страхолюд. — Как насчет свадьбы в День середины лета? Это дает вам массу времени для ги... э... для сбора меда. Так что жду вас в Страхолюдском замке наутро в День середины лета, ровно в пять часов, с ну... скажем... пятью горшками Берсеркского меда. Договорились? ТАК. — СТР с довольным видом потер руки. — Думаю, теперь все дела улажены. Ты же не станешь возражать, если я заберу этот трон с собой, Стоик? Все выброшенное на этот берег принадлежит МНЕ.

Пока Страхолюды не отбыли, Иккинг задал будущему тестю еще один вопрос.

— Камикадза, — сказал он, — Бой-баба, которую мы ищем. Вы не видели ее, ваше страхолудие?

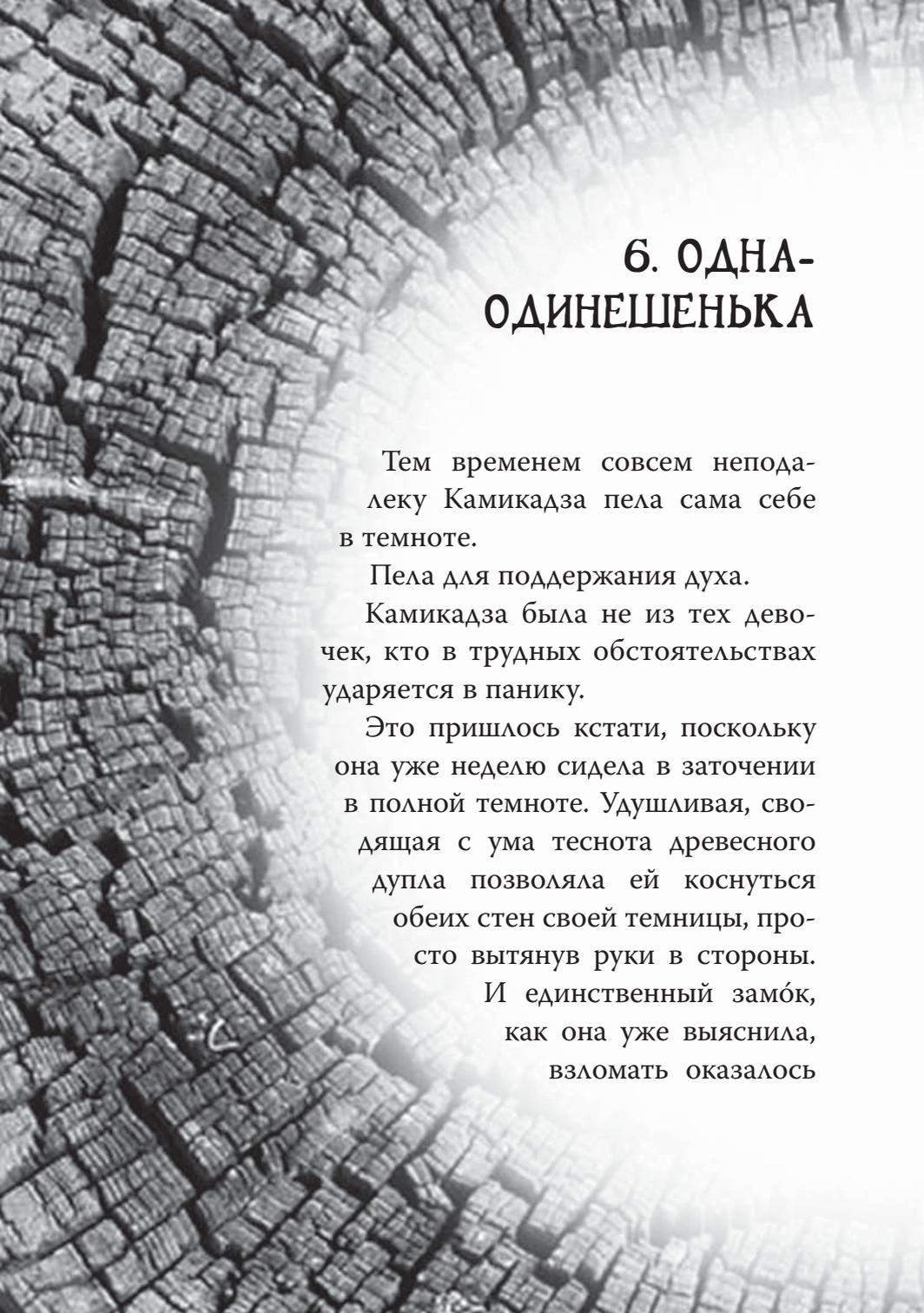
— Хмм, — отозвался СТР. — Камикадза — это мелкая белобрысая девчонка примерно вот такого роста, с волосами, по которым рыдает гребень, и ужасной привычкой забираться без спросу на мою территорию и тырить красивых редких капризавров? Только СТР Страхолюд может владеть капризавром, а любому, кто ворует у МЕНЯ, следует преподать ужасный урок.

— Она, — подтвердил Иккинг.

У него снова возникло ужасное ощущение, будто он тонет.

— Никогда в жизни ее не видел, — заявил СТР с одной из своих особенно мрачных улыбок. — До свидания, Иккинг Кровожадный Карасик Третий.

6. ОДНА- ОДИНЕШЕНЬКА

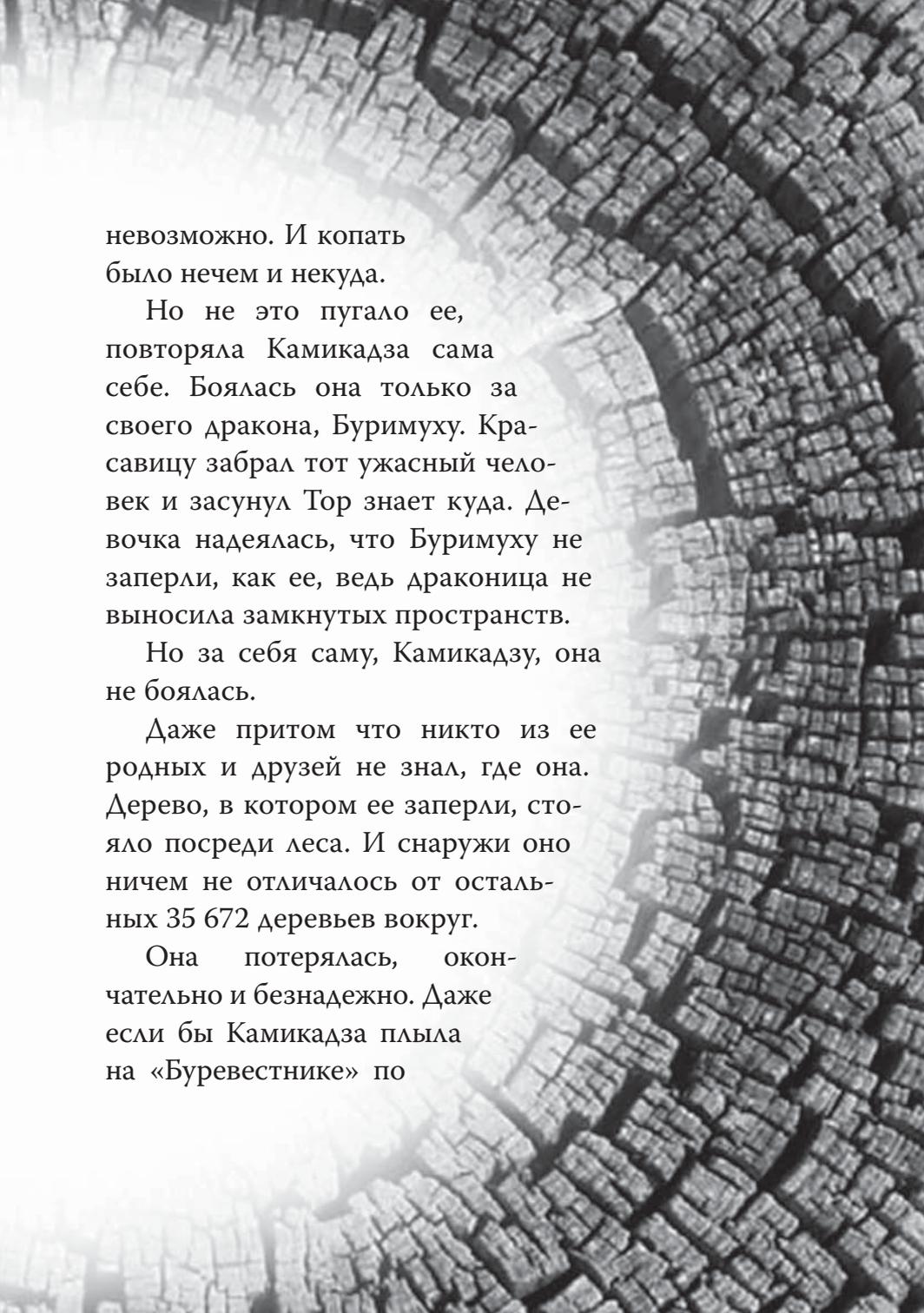
Тем временем совсем неподалеку Камикадза пела сама себе в темноте.

Пела для поддержания духа.

Камикадза была не из тех девочек, кто в трудных обстоятельствах ударяется в панику.

Это пришлось кстати, поскольку она уже неделю сидела в заточении в полной темноте. Удушливая, сводящая с ума теснота древесного дупла позволяла ей коснуться обеих стен своей темницы, просто вытянув руки в стороны.

И единственный замок, как она уже выяснила, взломать оказалось

невозможно. И копать было нечем и некуда.

Но не это пугало ее, повторяла Камикадза сама себе. Боялась она только за своего дракона, Буримуху. Красавицу забрал тот ужасный человек и засунул Тор знает куда. Девочка надеялась, что Буримуху не заперли, как ее, ведь драконица не выносила замкнутых пространств.

Но за себя саму, Камикадзу, она не боялась.

Даже притом что никто из ее родных и друзей не знал, где она. Дерево, в котором ее заперли, стояло посреди леса. И снаружи оно ничем не отличалось от остальных 35 672 деревьев вокруг.

Она потерялась, окончательно и безнадежно. Даже если бы Камикадза плыла на «Буревестнике» по

истерзанному бурей
ночному небу и прова-
лилась в черную дыру, и то
было бы не меньше шансов,
что ее найдут.

«Но на самом-то деле я не по-
терялась», — сказала девоч-
ка сама себе. Ведь не столь
важно, ГДЕ ты находишься,
пока знаешь, КТО ты есть.
Она была Бой-баба, а Бой-
бабу нелегко напугать.

Вот почему Камикадза
затянула племенной гимн
Бой-баб, выкрикивая его
как можно громче в гул-
кой черноте дерева:

Бой-бабы не знают слова «страх»!
Их сердца крепче дуба в горах!
Лодке все нипочем,
если море твой дом!
Бой-бабы... сражаются...
всегда!

Громкие и дерзкие слова гордо звенели в пустоте древесного дупла, утешая Камикадзу ободряющим эхом.

Но снаружи...

Снаружи их вообще не было слышно.

7. УТРОМ Я ВЛЮБИЛСЯ...

Хулиганы починили «Жирного пингвина» и продолжили поиски Камикадзы. Они искали еще день или два (всякий раз предусмотрительно выбирая стоянку на острове Тихом, с кучей медуз, зато без привидений, Берсерков и Страхолюдов), но так и не нашли никаких следов.

Стоик Обширный отправил Большегрудой Берте почтового дракона с печальной вестью, и они вернулись домой на Олух.

СТР Страхолюд не потребовал, чтобы Иккинг собирал мед исключительно собственными руками. И Стоик Обширный решил повысить шансы на успех Похода-За-Медом-Берсерка, велел всем воинам Хулиганского племени присоединиться к Иккингу для полуночного рейда на остров верхом на драконах.

Вот почему на следующий вечер все двенадцать юных викингов, проходивших обучение по Программе Начальной Пиратской Подготовки, в черных костюмах для ночных полетов замерли неровной шеренгой по стойке смирно перед Плевакой Крикливым, своим главным наставником. За спиной у Плеваки шумел Недолес, опоясывавший Здоровущий холм.

— СЛУШАЙТЕ, ПАРНИ! — взревел Плевака Крикливый. — Поскольку юный Иккинг теперь жених...

По шеренге прокатились смешки и глумливые причмокивания.

— Иккинг и Ярисса изловили крысу, ЦЕЛОВАТЬСЯ стали — крысу потеряли, — завел дразнилку Бестолков, тупой юный качок.

Торчащие уши придавали ему сходство с кастрюлей.

— Эй, Иккинг, каково это быть влюбле-о-о-онным? — поинтересовался Крепкий Орешек-младший.

— Я не видал кудрей настолько красных... Я не видал таких зеленых глаз! — пропел Забияка.

— ХА-ХА-ХА-ХА-ХА! — заржали все, а Иккинг густо покраснел.

— Не понимаю, почему мы ВСЕ должны рисковать жизнью только из-за

того, что слабак Никчемный влюбил-и-ился, — заявил Сморкала. — Стыдно писать такие сопливые стихи. И рифмы у него фиговые!

— ТИХО! — гаркнул Плевака. — Это прекрасная возможность отработать навыки верховой езды, Сморкала. Итак, Берсерк — одно из самых опасных мест на архипелаге, поскольку Берсерки — самые жестокие воины в мире. Попадать к ним в плен нельзя ни в коем случае. И править драконами вам придется НА ПОЛНОЙ СКОРОСТИ, в темноте, стараясь не врезаться в деревья. Это не так просто, как кажется.

Юные воины уже давно не летали на драконах.

Езда верхом на драконе — сложный навык и требует поэтапного освоения. Надо научить дракона не только поворачивать по команде влево или вправо,

но вертикальным подъемам и спускам, нередко на огромной скорости. Драконы — отменные летуны. А человеку требуются годы, чтобы освоить скольжение, ныряние, полет задом наперед, полет в строю, закладывание петель и все остальные летные фокусы, которые дракон на воле проделывает естественно.

— ТАК! — взревел Плевака. — Учебный полет! Я развесил на деревьях тыквы-горлянки — это будет как бы мед, который вам надо собрать. Ваша задача — петля между деревьями, собрать как можно больше меда и вернуться сюда на финиш. А я тем временем буду изображать ядоплюя-стращука-Берсерка*.

— Милый костюмчик, учитель, — заметил Рыбьенег.

— Спасибо, Рыбьенег, — отозвался Плевака.

---

* Ядоплюи и стращуки — опасные драконы, которые, по слухам, водятся в Берсеркском лесу.

Берсеркский костюм Плеваки Крикливого состоял из боевой раскраски с ног до головы и надетых на голову его собственных огромных меховых подштанников. В руках он держал лук и полный колчан стрел с тупыми наконечниками, вымазанными липкой синей краской.

— Итак, — грозно нахмурившись, произнес Плевака, — если я вас поймаю или в вас попадет одна из этих стрел, считайте, что вы мертвы. Сбор меда на Берсерке вам не пережить. — Он откашлялся и взревел: — ПО ДРАКОНАМ!

Верховым драконом Иккингу служил нервный и неухоженный Ветрогон с потрепанными ушами и еще более потрепанными крыльями.

— У Б'бе-беззубика пуз'зико болит, — заскулил Беззубик.

Мордочка у него действительно была несколько зеленее обычного, хотя, конечно, очень трудно определить, насколько позеленел дракон, изначально зеленый, как зеленая-презеленая трава. Вдобавок он только что проделал в воздухе пять сальто подряд, слегка заскучав от людских разговоров.

— Тогда перестань кувыркаться, — предложил Иккинг.

— ВПЕРЕД! — рывкнул Плевака и затрубил в рог.

Иккинг вполне справлялся с упражнением. Ветрогон был несколько неуклюж, но летел между деревьями очень быстро.

А вот у бедняги Рыбьенога дела шли не лучшим образом. Его Пупыряк, злобная мелкая бестия, все время норовил вскинуться на дыбы и сбросить седока. Донимала Рыбьенога и аллергия на драконов, из-за которой он безостановочно чихал как бешеный.

Плевака вошел в роль и знай себе наслаждался жизнью. Скорчив хитрую рожу под нахлобученными на лоб подштанниками, он пробрался Рыбьеногу за спину и испустил ушераздирающий, реброломный, мозгодральный, достойный баньши ВОПЛЬ. Такой сделал бы честь настоящему ядоплюю, стращуку или Берсерку.

— Айийийийи-и-и-и! — заверещал Рыбьеног.

А Пупыряк, всхрапнув сердито, как маленький шетландский пони, рванул не разбирая дороги через Недолес, сшибая ветви и едва уклоняясь от кустов. Он начисто снес нежную юную рябинку, чудом уцелевшую в великую бурю, и вскоре врезался башкой в ствол по-настоящему крепкого дуба, словно маленький буйнопомешанный носорог-самоубийца.

К счастью, у этой породы драконов голова крепкая, как мотоциклетный шлем,

Тренировочная стрела викингов.
Деревянный наконечник намазан липкой краской.

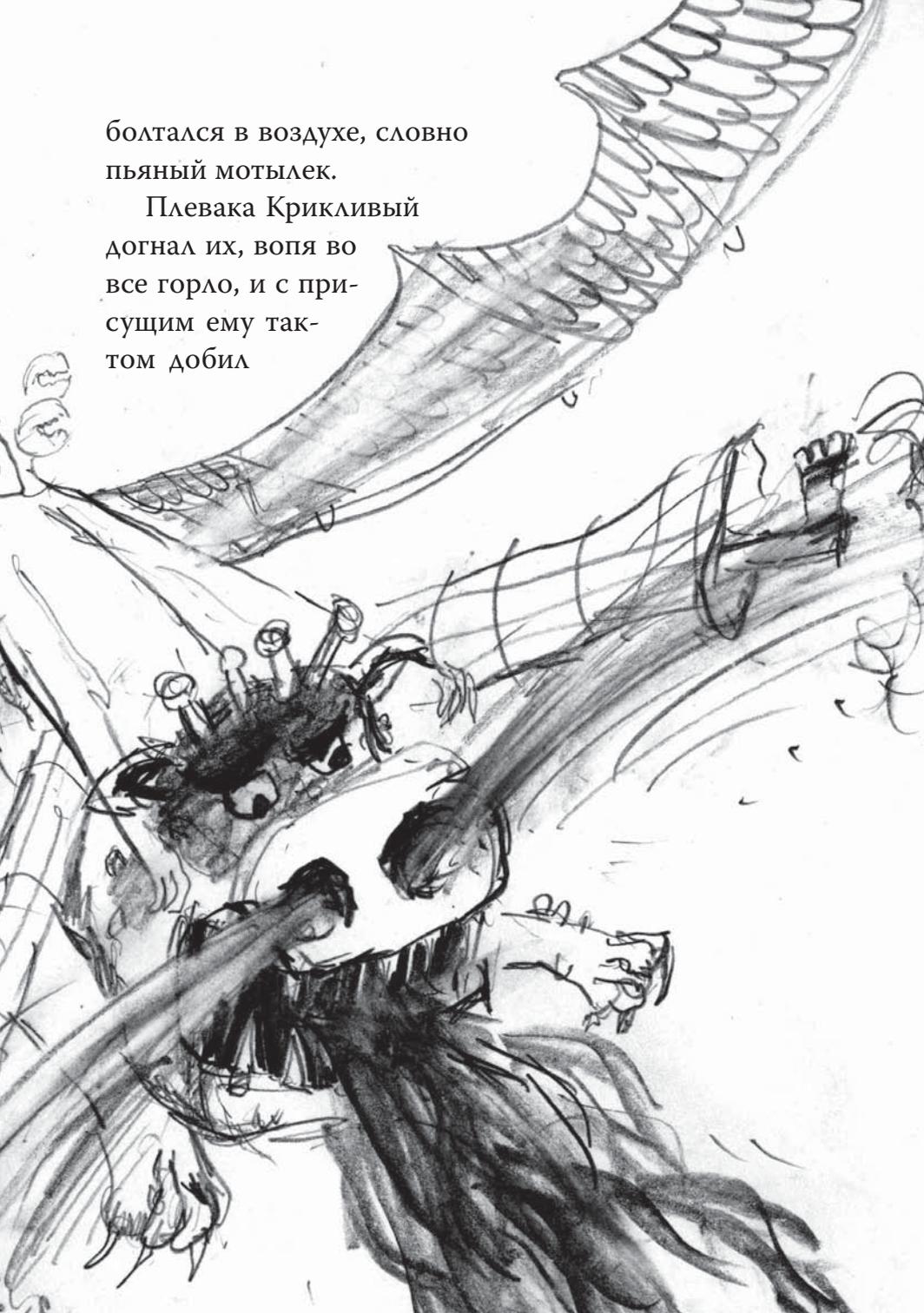
поэтому Пупыряк все-
го лишь увидел звездочку-
другую.

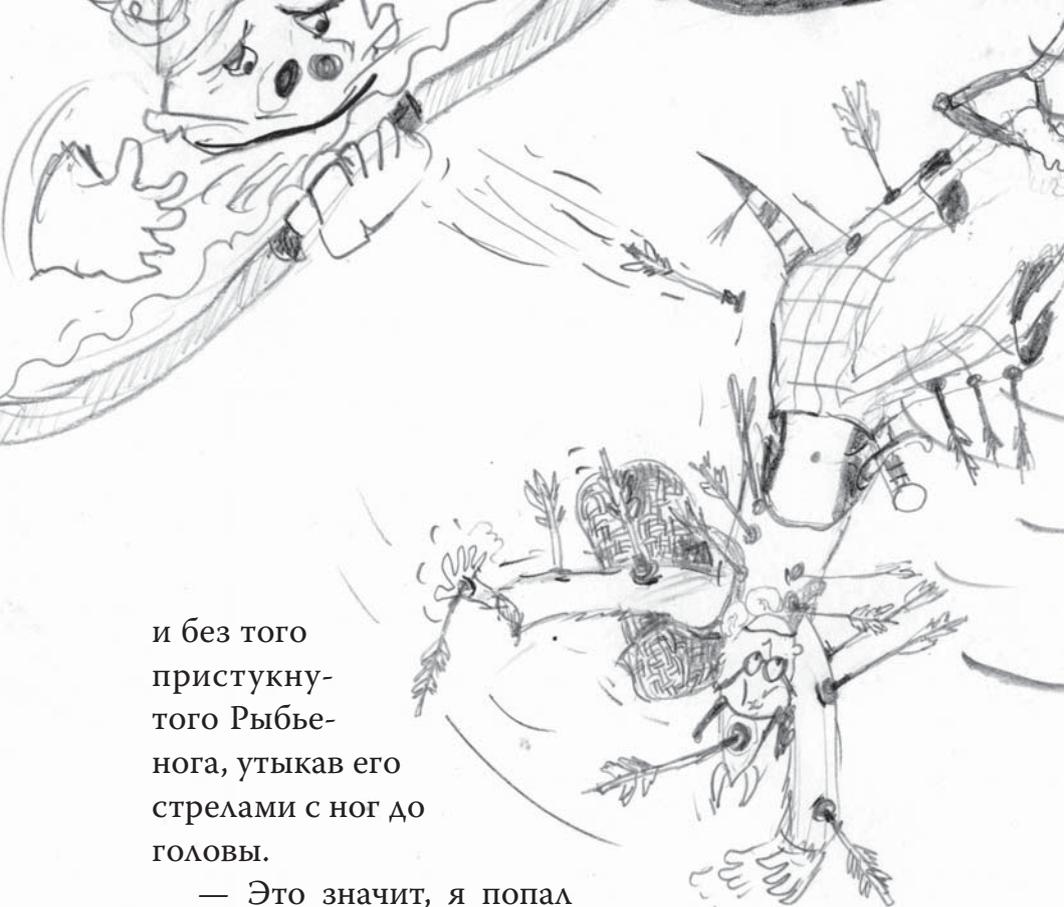
А Рыбьенюг тем временем
перелете-е-е-е-ел через голо-
ву дракона, впился в ствол
темечком и повис вверх ногами
в страховочной петле седла.

Оглушенный Пупыряк
рассеянню

болтался в воздухе, словно
пьяный мотылек.

Плевака Крикливый
догнал их, вопя во
все горло, и с при-
сущим ему так-
том добил

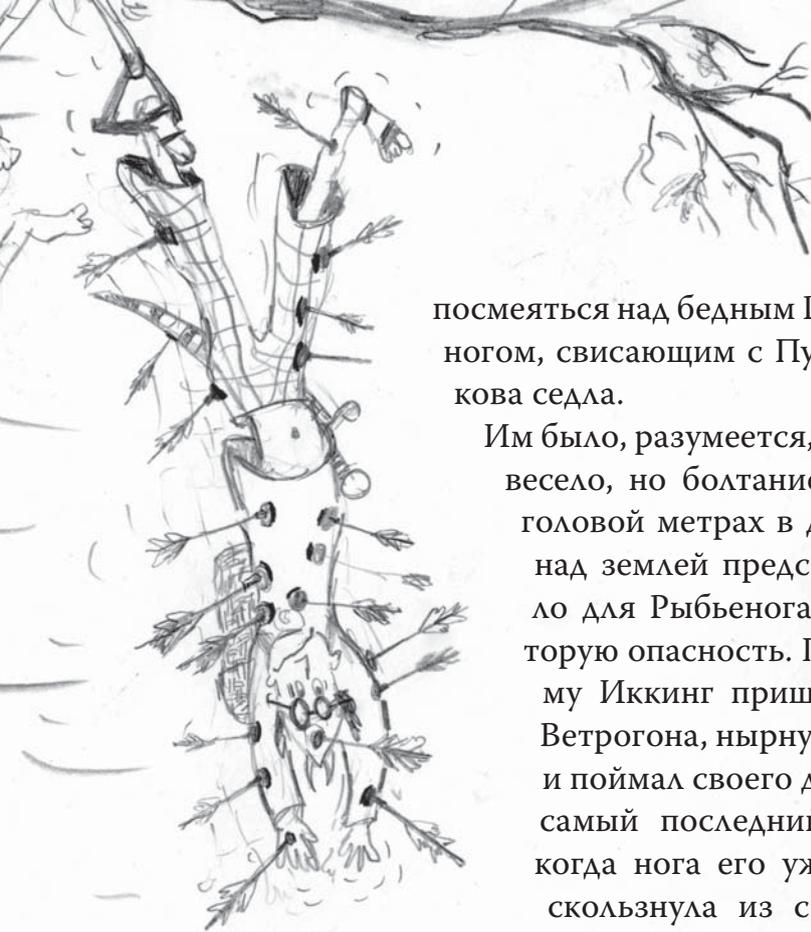

и без того пристукнутого Рыбьенюга, утыкав его стрелами с ног до головы.

— Это значит, я попал в тебя целых восемнадцать раз, Рыбьенюг! — радостно проорал наставник. — Тебе надо стараться получше, парень.

Он развернул дракона и ринулся за Крепким Орешком-младшим, который ловко проскочил сквозь заросли ольхи, словно на слаломных лыжах.

— ХА-ХА-ХА-ХА-ХА-ХА! — Несколько не особо чувствительных юных Хулиганов-учеников натянули вожжи своих драконов и остановились

посмеяться над бедным Рыбьенотом, свисающим с Пупырякова седла.

Им было, разумеется, очень весело, но болтание вниз головой метрах в десяти над землей представляло для Рыбьенота некоторую опасность. Поэтому Иккинг прищпорил Ветрогона, нырнул вниз и поймал своего друга в самый последний миг, когда нога его уже выскользнула из страховочной петли.

Иккинг спустился с Рыбьенотом на твердую землю.

Но у Рыбьенота имелось свойство, регулярно доставлявшее ему проблемы. Когда он бывал зол, в нем частенько просыпался Берсерк. И вот теперь и без того недовольный жизнью Рыбьенот вдобавок получил по голове. Тут-то беднягу и накрыло.

Вместо того чтобы поблагодарить Иккинга, Рыбьенот сделался ярко-красным и запрыгал на месте

от сотрясавшей его бешеной ярости, выкрикивая оскорбления хохочущим мальчишкам на драконах.

Они в ответ, естественно, заржали еще громче.

Обеспокоенный Иккинг спешился и попытался успокоить друга, взяв его за руку:

— погоди, Рыбьеног...

Это оказалось ошибкой. Рыбьеног развернулся к нему и с яростным воплем стряхнул его руку:

— Да прекратишь ты когда-нибудь лезть не в свое дело?!

— Я вмешался только для того, — успокаивающе произнес Иккинг, — чтобы помешать тебе рухнуть с десяти метров вниз головой...

— Вечно ты лезешь, когда не просят! — не унимался Рыбьеног. — Взял и заявил, будто это ты написал те стихи! А я над ними целую вечность трудился!

— Да иначе СТР Страхолюд прикончил бы тебя на месте! — воскликнул Иккинг, уже всерьез испугавшись за Рыбьенога.

— Ха! Врешь ты все! На самом деле я, потвоему, недостаточно хорош для настоящей дочери вождя, верно? — взвыл Рыбьеног.

Иккинг хотел заверить его, что все совсем не так, но Рыбьеног не дал ему и рта раскрыть:

— Ты-то подходишь, ведь ты из рода вождей. А я просто никто, да? Я никто и звать никак, и родителей у меня нет, я всего лишь подобранный в гавань

ни подкидывш, и даже думать смешно, что я могу за-
получить благородную красавицу вроде Яриссы, да?!

Мальчишкам на драконах было определено
смешно. Сморкала от гогота едва не свалился с дра-
кона.

— Гм, — крикнул Плевака Крикливый, — думаю,
тебе следует отвести Рыбьенога домой, Иккинг.
Наверное, ему надо ненадолго прилечь. Дракона
возьмите с собой.

И остальные продолжили тренировку, оставив
Иккинга с Рыбьеногом-берсерком.

— Мне не надо прилечь! — крикнул Рыбьенег, в безумии молотя по воздуху кулаками. — Я в полном ПОРЯДКЕ!

— Это верно, — примирительно произнес Иккинг, — но ты получил по голове и стал малость Берсерком. Немного поспишь, и тебе станет гораздо лучше...

— А ведь правда! — сказал Рыбьенег, внезапно остановившись и разинув рот. — Почему мне это раньше не приходило в голову? Вот я кто! Я Берсерк!

8. КТО РОДИТЕЛИ РЫБЬЕНОГА?

— Э-э... ты о чем? — не понял Иккинг.

— Я о том, — возбужденно заговорил Рыбье-ног, — что меня нашли младенцем в этом самом садке для омаров! — Он снял со спины корзину и показал другу.

— Это же рюкзак, — возразил Иккинг.

— Я сделал из нее рюкзак, — объяснил Рыбье-ног, по-прежнему ярко-красный и с безумным блеском в глазах. — Ведь садок для омаров мне ни к чему. Меня нашли младенцем в садке для омаров. Меня занесло в здешнюю бухту, и кто-то меня выловил. А я наверняка приплыл с самого Берсерка!

— Пожалуй, такое возможно, — произнес Иккинг, подумав. — Но слушай, мало ли кто мог уронить тебя в воду. Да, у тебя есть берсеркские склонности. Но это не совсем то же самое, что быть настоящим, воющим на луну, чокнутым на всю голову БЕРСЕРКОМ...

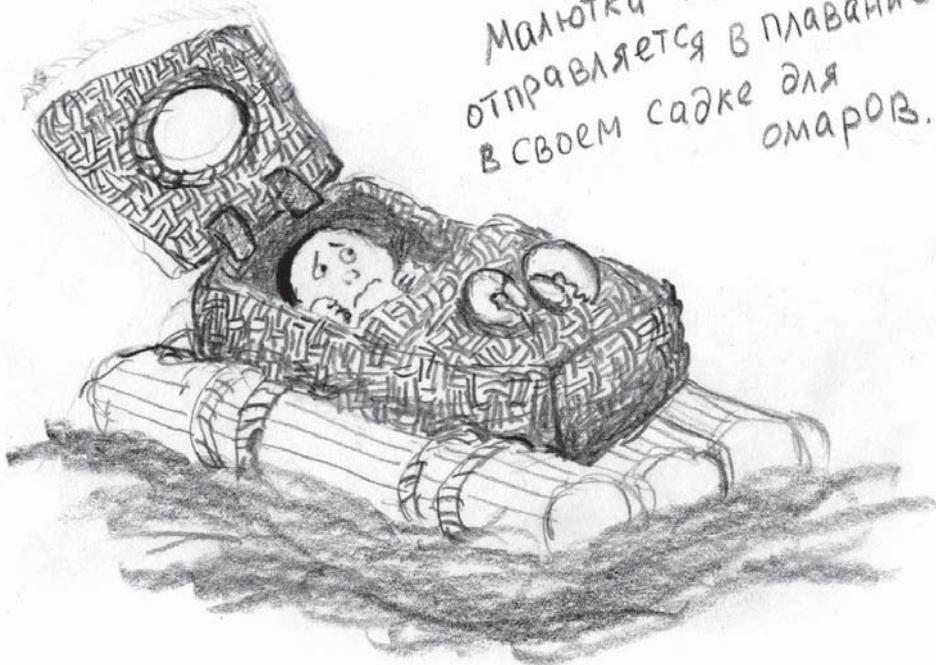
Однако Рыбьеног его не слушал, он подскакивал на месте и вопил, отчего и правда сделался похож на Берсерка:

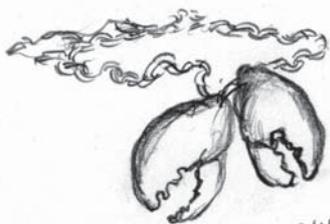
— Я понял, что мне делать! Судьба указывает мне путь! Это Поход За Приключениями, в котором я наконец стану Героем... Я отправлюсь на Берсерк прямо сейчас, один и вернусь с ПЯТЬЮ горшками меда в этом садке для омаров! И никому больше не придется рисковать жизнью! Уж это-то сшибет глумливую улыбочку со Сморкалиной рожи! ВОТ ТОГДА все перестанут смеяться надо мной!

Иккинг глядел на Рыбьенога, разинув рот:

— Но сегодня же полнолуние! У Берсерков как раз будет полным ходом идти Заполночная Церемония!

Малютка Рыбьеног
отправляется в плавание
в своем садке для
омаров.

Омаровые клешни,
найденные при малютке
Рыбьеноге (он носит их
на шее, как медальон).

— Прекрасно! — с воодушевлением воскликнул Рыбьеног. — Я смогу присоединиться!

— Знаешь что, Рыбьеног? — примирительно произнес Иккинг. — Думаю, Плевака прав.

Тебе надо пойти домой и немножко вздремнуть.

— Ты НЕ ХОЧЕШЬ, чтобы я пошел один и стал Героем, — набычился Рыбьеног.

— Разумеется, хочу... — отозвался Иккинг все так же примирительно, — только чуть погодя...

Он отвел раздраженного, малость спятившего друга домой, и вроде бы тем дело и кончилось.

Но сильно позже, когда Иккинг заглянул проверить, не полегчало ли Рыбьеногу, того и след простыл. НИ РЫБЬЕНОГА. НИ САДКА ДЛЯ ОМАРОВ. НИ ПУПЫРЯКА.

Зато под камнем у двери в Рыбьеногову хижину нашлась адресованная Иккингу записка.

Написанная петлястым, неровным, скачущим почерком, который свидетельствовал о том, что берсеркское настроение еще не покинуло Рыбьенога, записка гласила:

Дорогой ИККИНГ!

Я отправился на Берсерк ~~№~~
один, потому что это все я виноват
с самого начала и это мой шанс
хоть раз побыть Героем,
а не посмешищем.

Если Берсерки меня
поймают, они не причинят мне
вреда, когда я скажу им, что
мы родственники.

НЕ ХОДИ ЗА МНОЙ.
Я сам справлюсь.

С наилучшими пожеланиями,
РЫБЬЕНОГ

P.S. Крепко поцелуй от меня
Песьведуха Тугодума.

P.P.S. Думаю, моя мамушка
была чайником.

— Ой, Торovy ногти... — Иккинг встревоженно переступил с ноги на ногу. — Как я могу не пойти за ним? Нельзя было оставлять его одного! Что же делать?

Вот что было делать Иккингу, а?

По горькому опыту он знал: идти к отцу нет смысла, Стоик Обширный не станет ради Рыбьенога рисковать безопасностью всего племени, отправляя воинов на Берсерк в полнолуние.

— Придется отправиться за ним самому, — сказал Иккинг.

— Не-не-не-не-не! — заверещал Беззубик, садясь хозяину на голову. — Оч'чень, оч'чень п-п-плохая мысль. Веч'чно ты меня не сслушаешь... Пойдем д'до-домой, а? У Б'бе-беззубика правда животик болит...

— Ой, прости, Беззубик, — отозвался Иккинг. — Я немного задумался из-за Рыбьенога и совсем забыл..

С чего вдруг у Беззубика разболелся живот, стало ясно, когда он попытался вспорхнуть с Иккинговой головы и не сумел. Пузико дракончика осталось прижатым к металлической поверхности. Он накрепко прилип и не мог освободиться, сколько ни бил крыльшками и не пищал

— Что ты делаешь, Беззубик? — не понял Иккинг.

— Еще один признак того,
что у Рыбьенога поехала крыша?

Беззубик
крепко прилип,
отчаянно хлопая
крылышками.

— Б'бе-беззубик п-п-при-
лип, — заскулил дракончик.

Иккинг снял шлем. Как
необычно! Беззубиково пу-
зо действительно прилипло.

— Беззубик! — строго
сказал Иккинг. — Ты сегодня
утром играл в папиной ком-
нате. Ты что, слопал папин вол-
шебный камень?!

Иккинг аккуратно снял дракон-
чика со шлема и стал баюкать на
руках.

— Я думал, можжет
Б'бе-беззубик от него ста-
нет в-в-волшебным... — жалоб-
но пролепетал дракончик. Его большие глаза на-
полнились слезами. — А теперь Б'бе-беззубику
н'не-нехорошо!

— Ох, Беззубик... — вздохнул Иккинг. —
Ложки, волшебные камни... Ну почему,
если тебе говорят чего-то не делать, ты, как
нарочно, именно это и делаешь, а?

---

* Из похода на север Стоик привез занятный черный камень. Камень волшебным образом притягивал все железное. Всем было строго-настрога запрещено к нему прикасаться, поскольку Хулиганы опасались, что это вредно. Камень, разумеется, наверняка был магнитом.

Очень
Важный
и необык-
новенный
волшебный
камень
Стойка.

Не трогать,
не брать,
не играть
ни при
каких
обстоя-
тельствах.

Не
трогать,
сказано!

Иккинг не мог отнести Беззубика домой — надо было срочно догонять Рыбьенога. Поэтому он вытащил из корзины за спиной горшки для меда, выставил их рядом перед Рыбьеноговой дверью, а потом нарвал вереска и выстелил дно корзины, устроив Беззубику славанное мягкое ложе. Дракончик, постанывая, забрался внутрь, свернулся клубочком и тут же заснул.

Иккинг надел корзину на спину, оседлал Ветрогона и поднялся в небо, взяв курс на остров Берсерк.

Б'бе-беззубик Н-НЕ
ХОДИЛ В ПАПИНУ КОМНАТУ...
Б'бе-беззубик Н-НЕ ИГРАЛ
С ТЕМ ПРИКОЛЬНЫМ
ВОЛШЕБНЫМ КАМНЕМ...

Б'бе-беззубик Н-НЕ ХОТЕЛ
ПОПРОБОВАТЬ ЕГО
НА ВКУС... БЕЗЗУБИК
БЫЛ В ЭТО ВРЕМЯ ГДЕ-ТО
В ДРУГОМ МЕСТЕ...

Ядоплюи

~ ХАРАКТЕРИСТИКИ ~

ОКРАС: темно-зеленый лесной

ВООРУЖЕНИЕ: ядовитые стрелы, вызывающие

у жертвы временную потерю сознания.....7

ЗАЩИТА: см. выше.....7

ОХОТНИЧЬИ СПОСОБНОСТИ: выдающиеся.....9

СКОРОСТЬ: очень шустрые.....8

ФАКТОРЫ БОЯ И УСТРАШЕНИЯ:

очень страшные, но поддаются дрессировке.....4

Ядоплюи плюются мелкими стрелками,

содержащими яд, который убивает мелких

животных, а жертв покрупнее на время усыпляет.

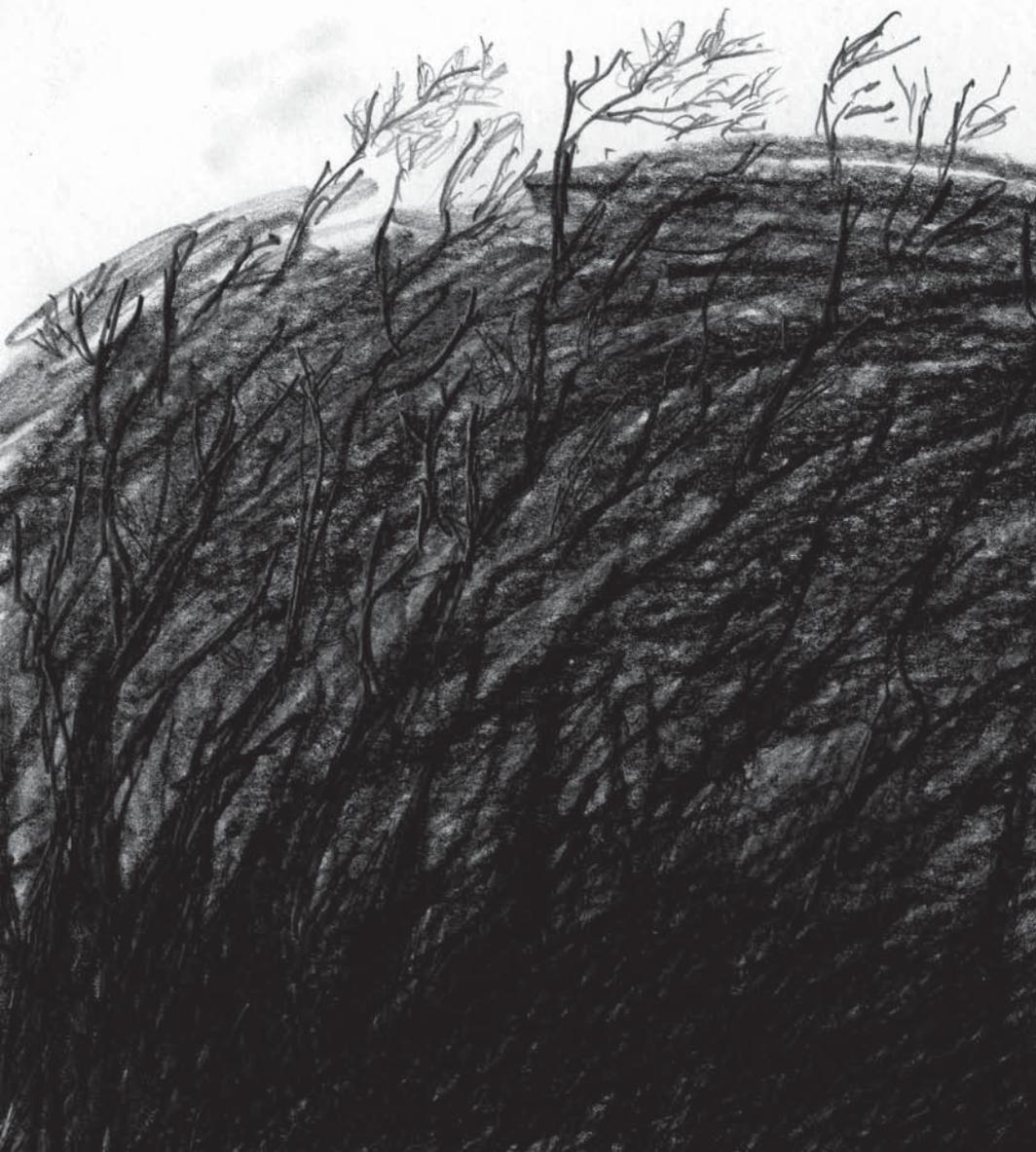
Обитают в полых стволах деревьев в диких

чащобах архипелага.

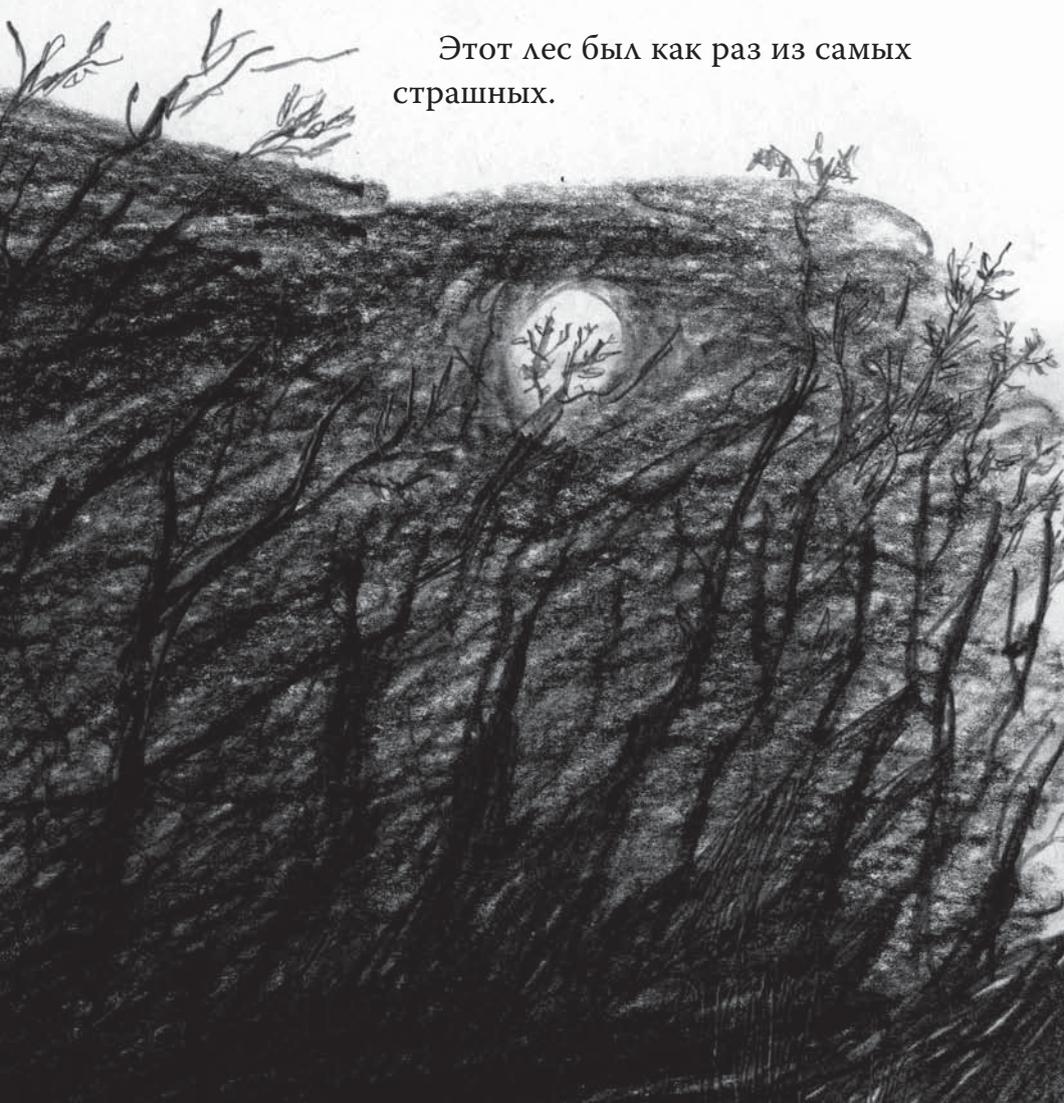
Вот так Иккинг и оказался на подлете к Лесу-С-Завываниями верхом на Ветрогоне в одиннадцать часов вечера в полнолуние.

Леса Темных Веков были просто жуть что такое.

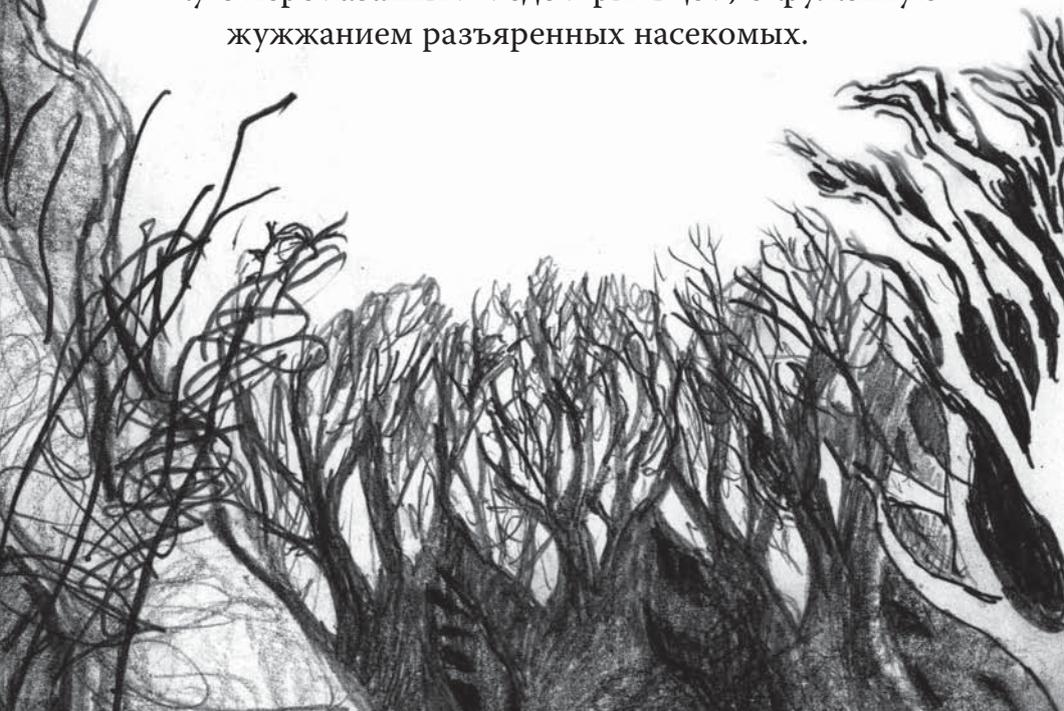
Не какие-нибудь милые прозрачные рощицы, но бескрайние и жуткие чащобы, местами непролазные. На материке к востоку вообще все ими заросло. Там водились волки, и медведи, и дикари, питавшиеся человечиной, и драконы настолько страшные, что никто не смел туда соваться.

Этот лес был как раз из самых страшных.

Еще там оказалось невероятно темно, но горящие глаза Ветрогона освещали дорогу, словно прожектора. Огромные тучи жужжащих пчел роились и перестраивались в этих лучах. То и дело лучи выхватывали из темноты перепуганную черно-белую мордочку дракона-вонючки или змеебелку с перемазанным медом рыльцем, окруженную жужжанием разъяренных насекомых.

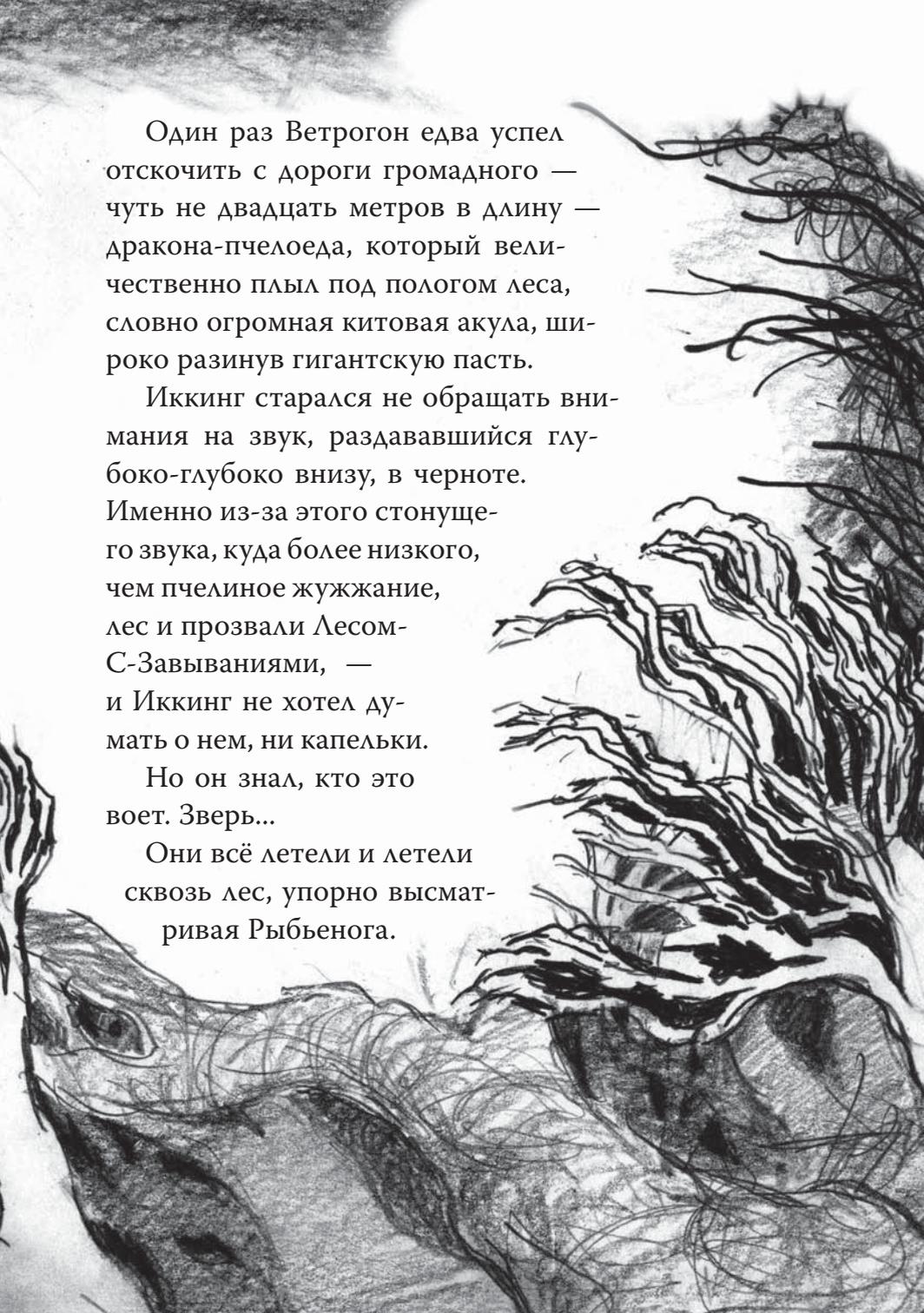

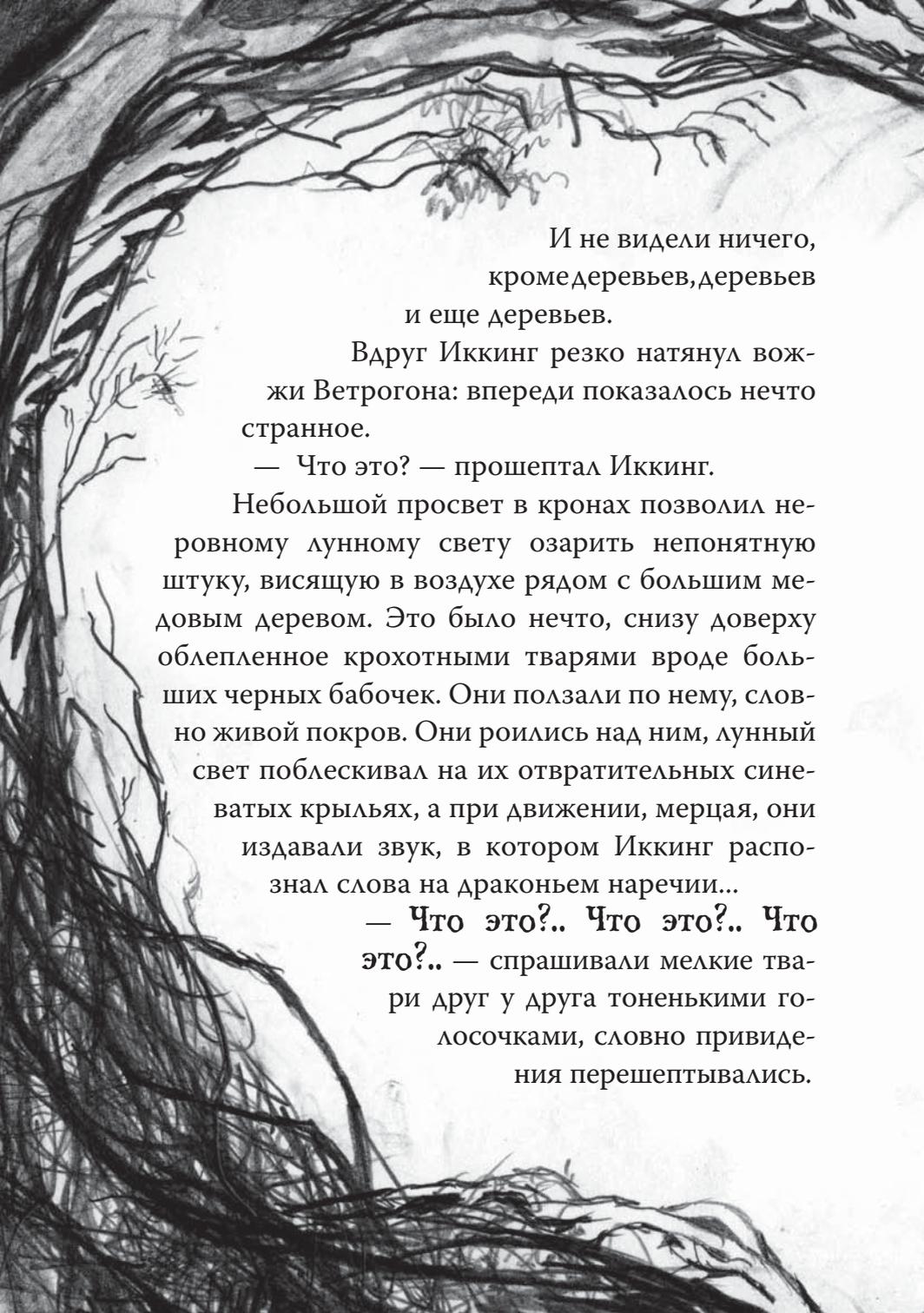
Один раз Ветрогон едва успел отскочить с дороги громадного — чуть не двадцать метров в длину — дракона-пчелоеда, который величественно плыл под пологом леса, словно огромная китовая акула, широко разинув гигантскую пасть.

Иккинг старался не обращать внимания на звук, раздававшийся глубоко-глубоко внизу, в черноте. Именно из-за этого стонущего звука, куда более низкого, чем пчелиное жужжание, лес и прозвали Лесом-С-Завываниями, — и Иккинг не хотел думать о нем, ни капельки.

Но он знал, кто это воет. Зверь...

Они всё летели и летели сквозь лес, упорно высматривая Рыбьенога.

И не видели ничего,
кроме деревьев, деревьев
и еще деревьев.

Вдруг Иккинг резко натянул вожжи Ветрогона: впереди показалось нечто странное.

— Что это? — прошептал Иккинг.

Небольшой просвет в кронах позволил неровному лунному свету озарить непонятную штуку, висящую в воздухе рядом с большим медовым деревом. Это было нечто, снизу доверху облепленное крохотными тварями вроде больших черных бабочек. Они ползали по нему, словно живой покров. Они роились над ним, лунный свет поблескивал на их отвратительных синеватых крыльях, а при движении, мерцая, они издавали звук, в котором Иккинг распознал слова на драконьем наречии...

— **Что это?.. Что это?.. Что это?..** — спрашивали мелкие твари друг у друга тоненькими голосочками, словно привидения перешептывались.

— Не знаю... не знаю... — доносились такие же потусторонние ответы, а затем: — Я чую страх? Да-да-да-да, я чую страх. Ну-кась, ну-кась...

И Иккинг с ужасом разглядел два круглых, насмерть перепуганных глаза, таращащихся из-под живого покрывала. Это никакая не штука, это Рыбьеног и Пупыряк, застыв от ужаса, парили в воздухе, облепленные плотным слоем стращуков.

Ветрогон, оцепенев, плыл вперед, и у Иккинга даже не было времени подумать, что тут можно сделать, когда...

...он почувствовал жужжание крылышек возле уха и мягкое «плюх», словно нечто маленькое, мохнатое и порхающее с мерзкими крохотными мышинными коготками опустилось ему на шею.

9. СТРАЩУКИ

Сначала у Рыбьенога очень даже неплохо получалось.

Полагаясь только на себя, он благополучно добрался до Леса-С-Завываниями. Берсеркская решимость не оставила его, и он смело ринулся в темную чащу. Храбрый как лев, он наполнил пять горшков медом с пяти разных медовых деревьев, не уронив ни единого горшка на лесную подстилку. Трижды его укусили пчелы, но он даже не обратил на это внимания.

Но когда Рыбьеног поставил пятый, и последний, горшок в рюкзак и с радостным возбуждением собрался послать Пупыряка прочь из этих чащоб, а сердце его пело «Я Герой! Я Герой!» — как раз в этот момент...

...что-то произошло.

Кто знает, что это было? Может, какой-то странный шум раздался или облачко вдруг закрыло луну,

погрузив лес во мрак... Как бы там ни было, Рыбьеног на миг испугался, и берсеркское настроение исчезло так же быстро и загадочно, как снизошло на него.

Рыбьеног вдруг понял, что он болтается верхом на вздорном драконе в сердце жуткого-прежуткого леса, и на него накатил страх. И как только он позволил страху завладеть им, появились стращуки.

Стращуки слепые. И глуховатые. Но больше всего на свете они любят пить кровь, в которой от страха бурлит адреналин. Стоит человеку или животному испугаться, десятки тысяч стращук слетаются на запах страха густыми, облачными, черными роями.

Когда на них начали садиться стращуки, Рыбьеног и Пупыряк просто оцепенели от ужаса — и благодаря этому как раз могли бы спастись. Если бы им удалось унять панику, оставаясь в неподвижности, стращуки прокатились бы по ним и двинулись дальше, приняв их за дерево или еще что-нибудь несъедобное.

«Ой, ради Тора... ради Тора... что я делаю?» — думал Рыбьеног.

Тут он встретился глазами с Иккингом и сообразил, кто сидит на парящем всего в нескольких шагах от него Ветрогоне.

Рыбьеног всегда был рад видеть Иккинга.

СТРАЩУКИ!

Ушки как у летучей
мышь — фу!!! →

ДРАКОНЬИ
хвостик —
БРР!!!

~ ХАРАКТЕРИСТИКИ ~

- ОКРАС: серый, черный
- РАЗМЕР: как на картинке
- ЯД: совсем чуть-чуть ядовиты.....6
- ВООРУЖЕНИЕ: они сосут КРОВЬ,
и этим все сказано.....8
- СКОРОСТЬ: очень проворны.....8
- ФАКТОРЫ БОЯ И УСТРАШЕНИЯ:
способны напугать до смерти.....7

Стращуки — жуткие мелкие кровососы, которые любят кровь со вкусом страха. Поэтому они сначала запугивают жертву до полусмерти, а потом кусают.

И в тот же миг три стращука куснули Пупыряка за задницу, а Пупыряк был не из тех драконов, кто способен молча стерпеть такое. Он бешено хлестнул хвостом, взвился на дыбы и понесся сквозь чащу маленькой толстой дракономолнией, дважды едва не врезавшись в дерево. А на спине у него мчался Рыбьенег, вопя и размахивая руками.

Стращуки сначала лихорадочно зажужжали от возбуждения и отпрянули, но быстро спохватились и клубящимися черными облаками ринулись в погоню.

Тут уж и Иккинг не выдержал. Он тоже заорал, Ветрогон дернулся и присоединился к безумной гонке.

«Ох... ради... Тора... — думал перепуганный Иккинг, направляя Ветрогона между деревьями. — Мы же УБЬЕМСЯ, совсем как на тренировке, когда Рыбьенег врезался башкой в дерево...»

Но как оказалось, лететь, спасая собственную жизнь, на полной скорости в темноте через лес Берсерков — совсем не то, что гуляючи облетать деревья в Недолесу.

Во-первых, выписывать кренделя в чаще куда труднее, а во-вторых, когда вам в затылок дышат рои разгоряченных стращук, это, знаете ли, тоже не упрощает дела. Иккинг наконец разобрал, что выкрикивают эти твари своими жуткими монотон-

ными голосками, гонясь за ними в темноте: «Вам не уйти... Мы вас видим...» (Вообще-то, видеть они никого не могли, поскольку были слепые, но Иккингу от этого было не легче.)

Чем дальше, тем страшнее делалось мальчишкам и их драконам и, соответственно, тем больше заводились стращуки, отчего делалось еще страшнее, — и так далее. Мелкие хищники впали в дикую охотничью лихорадку. Все стращуки в лесу, услышав возбужденное жужжание собратьев, спешили присоединиться к погоне, и вот уже меж темных деревьев Леса-С-Завываниями в лунную летнюю ночь летит зигзагами безумная драконья охота, запах страха питает ее, и с каждой жуткой секундой преследователей становится все больше.

— Спасибо... тебе... что... полетел... за мной... Иккинг! — проорал Рыбьенг, пока они ломались, как маньяки, сквозь лес, сшибая сучья и ветви и распугивая стаи змеебелок.

— Да... пожалуйста! — крикнул в ответ Иккинг. — Я... ведь... не лезу... куда... не просят? — встревоженно уточнил он, в последний момент еле избежав столкновения с драконом-пчелоедом.

— Конечно нет, — отозвался Рыбьенг. — Ты... ОЙ... помогаешь... Я был не в себе, когда наорал на тебя...

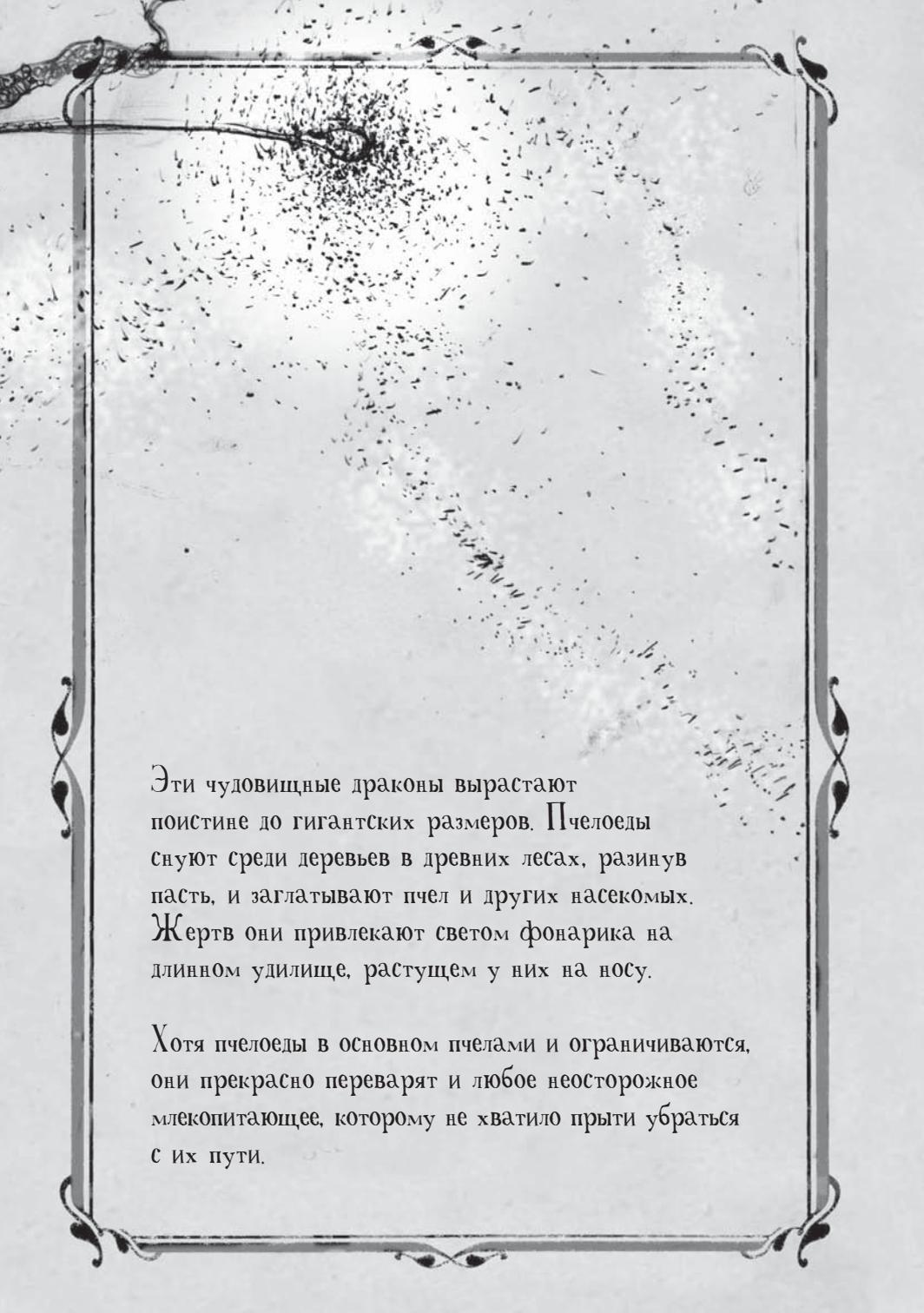
И тут...

Гигантский Пчелоед

~ ХАРАКТЕРИСТИКИ ~

- ОКРАС: ночные цвета, маскирующие их для жертв
- ВООРУЖЕНИЕ: гигантская пасть.....5
- ЗАЩИТА: бритвенно-острые зубы и ядовитые шипы. НЕ ВЗДУМАЙТЕ СВЯЗЫВАТЬСЯ.....7
- ОХОТНИЧЬИ СПОСОБНОСТИ: странный, но эффективный метод охоты.....7
- СКОРОСТЬ: удивительно проворны в лесу.....6
- ФАКТОРЫ БОЯ И УСТРАШЕНИЯ: к счастью, гигантские пчелоеды очень-очень глупые, поэтому пока не догадались, что из них могли бы получиться очень опасные хищники.....5

Эти чудовищные драконы вырастают поистине до гигантских размеров. Пчелоеды снуют среди деревьев в древних лесах, разинув пасть, и заглатывают пчел и других насекомых. Жертв они привлекают светом фонарика на длинном удилице, растущем у них на носу.

Хотя пчелоеды в основном пчелами и ограничиваются, они прекрасно переварят и любое неосторожное млекопитающее, которому не хватило прыти убраться с их пути.

«Так... мы... долго... не протянем», — подумал Иккинг, когда бедный обезумевший Ветрогон резко вильнул влево, чиркнув кончиками крыльев по стволу дерева. Они неслись сквозь кроны, словно ураган.

Иккинг был прав.

Рано или поздно это должно было закончиться.

Вопящая, гудящая, жужжащая охота с визгом проскочила мимо гигантского дракона, мирно спавшего среди ветвей, обдав его дождем обломанных веток и вихрем растерзанных листьев. Дракон открыл один глаз, потом другой — и присоединился к погоне, пару раз лениво взмахнув крыльями.

Оглянувшись через плечо, Иккинг увидел огромного ящера. Крылья его были как расправленные паруса, и ящер уверенно настигал их

Кровожадный Карасик вскрикнул от ужаса, и тут появились еще два гиганта и раздался странный звук — ВЖЖЖИ-ИК!

В этот миг Рыбьеног — он летел слева, вопя и размахивая руками, как мельница, — вдруг резко качнулся, словно от удара, и обмяк в седле, будто мертвый. И сразу же на него сверху спикировала громадная темная тень и подхватила Рыбьенога вместе с Пупыряком, как ястреб, снявший воробья.

В следующее мгновение раздалось новое
ВВЖЖЖИ-И-И-И-И-И-ИК!

Иккинг ощутил резкую боль в правом плече,
и это было последнее, что он почувствовал, прежде
чем потерять сознание.

резкая
боль
в правом
плече
перед
потерей
сознания

10. КОМУ-НИБУДЬ ЗНАКОМ ЭТОТ САДОК ДЛЯ ОМАРОВ?

— Ау-у-у! Есть кто до-о-ома?!

«Кто-то стучит мне по шлему, — одурело подумал Иккинг. — Нет, это невозможно... Наверное, мне снится...»

Но стук продолжался, словно кто-то нетерпеливо колотил в металлическую дверь, и удары отдавались в сонном мозгу Иккинга. «Потерпите, уже иду, не стучите так громко», — подумал он и ответил на стук, подняв тяжелые веки...

Кто-то действительно стучал ему по шлему.

Перед самым носом Иккинга маячило незнакомое лицо, да такое, что и в страшном сне не приснится. Незнакомец улыбался. Физиономию его сплошь покрывали вытатуированные бури, кораблекрушения, великаны и змеи, так густо, что чистой кожи среди синих чернил почти и не проглядывало.

Иккинг сел. Голова отозвалась пульсирующей болью — как будто кто-то стал колотить в нее уже изнутри, — а в плече закололо, как в отсиженной ноге.

Он сидел на полу. Вокруг него стояли кружком широкоплечие и мускулистые варвары, мужчины и женщины, такие же татуированные, как тот, что стучал по шлему. Все они щеголяли массивными оковами на руках, а ноги у них и вовсе были обмотаны цепями, утяжеленными массивными камнями или гирями. Незнакомцы были увешаны невероятным количеством оружия и щетинились луками, копьями и большими тяжелыми мечами.

«БЕРСЕРКИ», — подумал Иккинг и не ошибся.

Рыбьенег лежал рядом, тоже обмотанный цепями, и еще только приходил в себя. Они находились на большой деревянной платформе в центре, по-видимому, Берсеркской висячей деревни. Ветрогона и Пупыряка приковали к дереву позади пленников.

Иккинг впервые видел такое устройство поселения. На каждом Берсеркском доме имелась мачта с вороньим гнездом и убраным парусом.

В зеленом море лесного полога Берсерки пробирались по лабиринту веревочных мостов. Он протянулся по всему острову и образовывал гигантскую хрупкую паутину.

Вдруг из самого большого дома выбежали два человека и резво помчались по веревочному мосту.

У Иккинга сердце зашлось от страха, как бы раскачивающийся мост не лопнул. Между собой бегуны несли щит, а на щите балансировала необычайная фигура — громадный детина, закутанный в цепи, словно в металлическую смирительную рубашку на множестве висячих замков.

Здоровяк от души зевнул и резко сел на щите. Скованные руки плотно примотаны к груди, ноги зафиксированы цепями в скрещенном положении, глаза закрыты, словно в молитве, а спина прямая, как мачта.

Носильщики бережно опустили щит на деревянную платформу, и один из них отпер многочисленные замки. Цепи со стуком попадали на деревянный помост.

Загадочный дядька еще немного посидел потурецки с закрытыми глазами, неподвижный, словно статуя. Затем очень медленно распрямил ноги, по-прежнему обмотанные множеством цепей, но уже не скованные вместе.

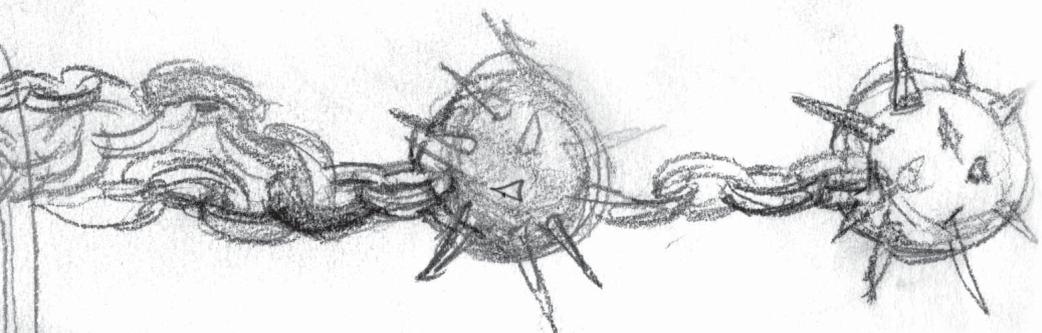
Он поднялся на ноги и твердо расставил их под восторженное аханье и возгласы из толпы зрителей. Медленно-медленно он поднял кулаки. Цепи свисали с них, словно крылья огромной птицы или дракона.

— Ура вождю! Ура вождю! Ура вождю! — взревели толпа.

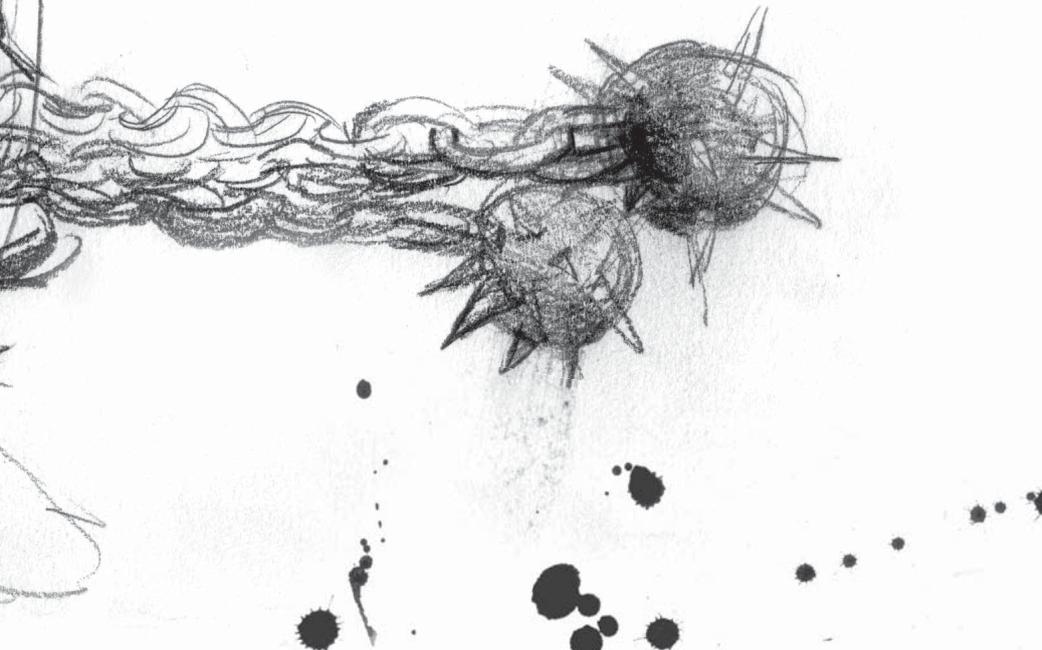
Поверните книжку набок, чтобы

← рассмотреть вождя Берсерков
во всей его безумной красе.

— О МОЕ великолепие! — крикнул
могучий вождь.

— О ТВОЕ великолепие! — заорала
толпа в ответ.

«О ваше всеобщее тупоумие», — подумал Иккинг с упавшим сердцем. Эти ребята были даже более чокнутыми, чем средний житель архипелага.

Он вспомнил, что Берсерки сковывают себя, чтобы сдерживать собственное берсеркерство. Они все время ходят в цепях: когда тренируются на мечах, работают по хозяйству — словом, постоянно. И только оказавшись в настоящем бою, скидывают цепи и превращаются в БЕРСЕРКОВ*.

---

* Примерно так же поступают спортсмены, когда готовятся к Олимпийским играм.

Главный Берсерк захватил горсть электрочервей, которые проедали себе дорожки в листе над ним и никого не трогали, и вскинул сжатый кулак.

Его немедленно пронзили разряды электричества, и металлические цепи этому очень даже способствовали. Безумца так и затрясло. Но он стоял, красный, как гриппозный помидор, тело его корчилось и содрогалось под действием электричества, а толпа скандировала:

— ОН БЕРСЕРК! ОН БЕРСЕРК! ПОЛНЫЙ ПСИХ, РУКИ ВВЕРХ!

«Хмм, — подумал Иккинг, когда у вождя Берсерков с рогов шлема полетели искры и задымились усы. — Вряд ли подобные упражнения способствуют ясности мысли».

— КТО МУЖИК? — проревел вождь Берсерков, разжав наконец кулак и швырнув электрочервей в толпу.

— ТЫ МУЖИК! — радостно завопила толпа в ответ.

— Я ЛЬ НЕ ПСИХ? — громыхнул вождь.

— ТОЧНО ПСИХ! — захлопала толпа с радостным одобрением.

— Я ЛЬ НЕ ВЕЛИКОЛЕПЕН? Я ЛЬ НЕ ГРАНДИОЗЕН?! Я ЛЬ НЕ ВОСХИТИТЕЛЕН? ГЛЯНЬТЕ НА МОЙ МЕЧ, О МОГУЧИЕ, И ОТЧАЙТЕСЬ!

Вождь Берсерков так и стоял, принимая аплодисменты, поигрывая мышцами и вскинув меч над головой. К сожалению, пафос момента несколько подпортил Беззубик, который как раз выпорхнул из Иккинговой корзины и по случайности завис чуть выше головы главного Берсерка. Намагниченный живот дракончика потянуло к металлу вождиногo меча, и Беззубик тут же прилип к клинку (хорошо еще он угодил на плоскую сторону, а не на лезвие).

Вождь Берсерков заморгал от удивления.

В самом деле, кто угодно удивится, если откуда ни возьмись возникнет зеленый дракончик и необъяснимо прилипнет к его мечу. Главный Берсерк потряс мечом. Пузико дракончика осталось приплюсненным к клинку. Не веря своим глазам, воин изо всех сил замахал мечом из стороны в сторону.

Беззубик протестующе запищал, но с места не двинулся.

— Это заговор! — взревел Берсерк. — УБЕРИТЕ ЕГО!

Иккинг осторожно выступил вперед.

— Э-э, ваше психейшество, — вежливо произнес он, — позвольте мне...

Иккинг снял Беззубика с меча. Дракончик тут же прилип к Берсерковой голове.

— Извиняюсь за своего дракона, ваше психейшество... — пропыхтел мальчик, отрывая Беззубика от шлема только для того, чтобы дракончик моментально и намертво прилип к нагруднику вождя. — Это... э-э... понимаете, это *волшебный* дракон ...

Как и подозревал Иккинг, это произвело впечатление на суеверных Берсерков.

— О-О-О-О! — хором выдохнули они. — *Волшебный* дракон...

Наконец Иккинг отодрал Беззубика от нагрудника, но дракончик тут же — БАМС! — прилип к окованной лодыжке Берсерка. Отковыряв его оттуда, Кровожадный Карасик торопливо сунул питомца обратно себе за пазуху.

— МОЛЧАТЬ! — проревел вождь Берсерков. — Задницу мне заколдуй! Я здесь единственный, кто обладает магической силой! И какого рожна мой сон потревожили в эту ночь полнолуния?

— Новые жертвы, ваше идиотство, — произнес Постучавший Берсерк, низко кланяясь. — Ядоплюи только что принесли.

Вверху в кронах четыре больших дракона бешено раскачивали ветви, пожирая нечто кровавое и безымянное. Видимо, Берсерки приучили ядоплюев приносить им добычу.

— Судя по виду, женихи, — подал голос другой Берсерк, который заглянул Рыбьеному в рюкзак.

— Для женихов мелковаты, — фыркнул вождь Берсерков. — И СТР прислал весточку, что до после полнолуния женихов не ожидается.

— Да, но у них мед и все такое, — возразил Постучавший Берсерк.

— ТЫ! — рявкнул главный Берсерк. — Парень с рыжими волосами! Ты что, правда жених Яриссы О'СТРели?

— А что, если нет? — осторожно поинтересовался Иккинг.

— Ну, если ты не жених Яриссы О'СТРели и не политический противник СТРа Страхолюда, то ты недостаточно хорош для Заполночной Церемонии и мы просто скинем тебя с моста, — ответил главный Берсерк, указывая на головокружительную глубину под платформой.

— В таком случае мы совершенно точно женихи, — твердо ответил Иккинг. — А что такое Заполночная Церемония?

— Это когда мы скармливаем женихов Зверю, — объяснил вождь Берсерков.

Прекрасно. Может, зря он отказался от шанса быть скинутым с моста?

— АЛЬФОНС! — заорал главный Берсерк.

По одному из веревочных мостов прихромал человек в капюшоне. С пояса у него свисало множество поварских принадлежностей — вилки, деревянные ложки, ножи, огромные мутовки, сечки и топорики для разрубания туш, все это лязгало друг о друга, так что при ходьбе он гремел, словно железный.

— Альфонс — мой гениальный-но-нервный французский повар, — похвастался главный Берсерк Иккингу. — Мы тут на Берсерке, знаешь ли, очень хорошо питаемся. Мы не ПОЛНЫЕ варвары.

— Не сомневаюсь, — тактично отозвался Иккинг.

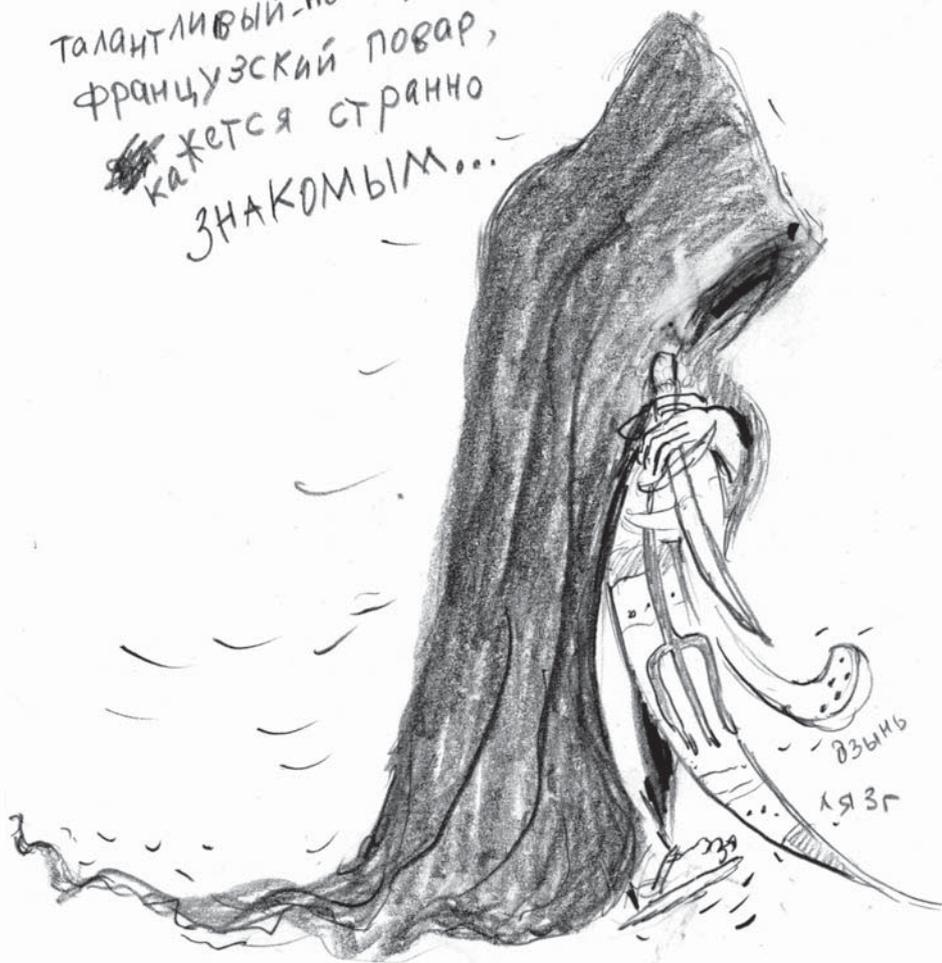
Повар прохромал вперед: дзынь, бум, бам... Длиннющий коричневый плащ волочился по деревянному настилу, а капюшон нависал низко-низко, полностью закрывая лицо, словно у самой Смерти.

— Альфонс, — обратился к нему главный Берсерк, — мне нужно твое мнение как французского повара высшего класса. Как думаешь, может, нам слегка откормить этих женихов и преподнести их Зверю в *следующее* полнолуние? Худоваты они на вид, не получится из них правильного сочного кусочка для Зверя.

Повар отозвался с сильным, но неубедительным французским акцентом. Казалось, он веселится.

— Но-но-но, — поцокал он языком. — Тягвы, немногo специй, и они бюдут не хюже остальных. А то и лючше. У нас во Фганции есть поговогка:

Альфонс,
Талантливый но-нервный
Французский повар,
кажется странно
знакомым...

«Чем меньше, тем слаще». И у миня такое ощущение, что эти малишья бюдут о-о-о-очень сладки.

Голос его казался странно знакомым.

Иккинг попытался заглянуть под капюшон, но тот нависал очень низко, и лица разглядеть не удалось.

— Акцент у вас ужасный, — подозрительно сообщил Иккинг повару на безупречном французском.

Языки всегда давались ему легко.

— Он и вполонину не так плёх, как моя кухня, — ответил человек в капюшоне на куда худшем французском и отвесил ироничный поклон.

— Спасибо, Альфонс, — произнес главный Берсерк, отпуская повара царственным мановением руки. — Ладно! Сковать последних женихов и сунуть их в клетки, и пойдём спать обратно. Нам через три часа вставать на Заполночную Церемонию. Надо набратья сил — впереди долгий вой.

Последние две минуты Рыбьенот пытался набратья мужества что-то сказать.

— И-извините... — выдавил он.

Я
БЕРСЕРК

Вождь Берсерков
ОСТОЛБЕНЕЛ.

Вождь Берсерков повернулся к нему, иронически приподняв бровь.

— Только не говори мне, что у тебя уважительная причина, по которой ты не можешь участвовать в сегодняшней церемонии, — сказал он. — Каких только отговорок я от вашего брата-жениха только не слышал: «У меня прыщи ядовитые», «Я пропущу очень важный прием у зубного», «У меня записка от мамы, где сказано, что меня нельзя скормливать Зверю сегодня»... Всё я уже слышал... А ты что придумал?

Рыбьенег встал и заявил, гордо выпятив грудь:

— Мы не ужин. Мы не можем им быть. Потому что я... — Рыбьенег судорожно сглотнул и указал на собственное сердце, — я... Берсерк.

Это вышло несколько тише, чем бедняга себе представлял. Но все равно момент был хорош. Рыбьеног стоял во весь рост в озерце лунного света, посреди круга изумленных Берсерков.

— Ты... Берсерк??? — переспросил вождь, тыча в Рыбьенога мускулистым пальцем.

— Это так. Я Берсерк, выращенный Хулиганями. У меня только с год назад начали проявляться Берсеркские наклонности, и я наконец понял, кто я, а то бы пришел раньше. Но тринадцать лет назад меня младенцем принесло в Хулиганскую гавань вот в этом самом садке для омаров...

Рыбьеног снял с плеч садок для омаров и показал вождю.

— Это не садок для омаров, — заметил главный Берсерк. — Это рюкзак.

— Это садок, из которого я СДЕЛАЛ рюкзак, — объяснил Рыбьеног. — И, понимаете, я гадал, не узнает ли кто из вас этот вот садок для омаров... Или... ну... припомнит, не уронил ли кто-нибудь младенца в этом самом садке тринадцать лет назад... А его потом унесло в море примерно в западном направлении... — Рыбьеног нервно слотнул. Излагать свои соображения в кругу ошарашенных Берсерков оказалось труднее, чем он предполагал. — И мне п-подумалось, — заикаясь, продолжал мальчик, — что, возможно, в сложившихся обстоятельствах... вы могли бы передумать насчет всего этого

скармливания-нас-Зверю-в-жуткой-церемонии?
Учитывая, что... учитывая, что... учитывая, что...
я вам родня.

На миг повисла тишина.

«Пожалуйста, — мысленно взмолился Ик-
кинг, — пожалуйста, пусть лучше нас скормят Зве-
рю, если уж иначе нельзя, но только бы, только бы,
только бы они обошлись с ним помягче... только
бы не высмеяли уж слишком жестоко...»

Молчание все длилось, а потом...

ХА! ХА! ХА! ХА! ХА! ХА!

— РОДНЯ? — фыркнул главный Берсерк. — Родня?! ХА-ХА-ХА-ХА-ХА-ХА!
— ХА-ХА-ХА-ХА-ХА-ХА! — взревели Берсерки, весело потряхивая цепями от хохота.

Вождь Берсерков утер слезы с глаз татуированной рукой.

— Ох, Мальчик-С-Лицом-Как-Селедка-На-Которую-Кто-то-Наступил, — рассмеялся он. — Мы тебе не родственники. Посмотри на себя! У тебя руки как обрывки водорослей! Нет, даже если это кто-то из нас положил тебя в садок для омаров тринадцать лет назад, то уж точно он сделал это *не случайно*. У нас тут в Берсеркском племени есть одна традиция. Мы вручаем наших детей Наричательнице сразу после рождения, и если они чуть слабоваты, чуть болезненны, чуть странноваты, как ты, то она дает им имя какого-нибудь мелкого животного и мы оставляем их на подходящем горном склоне или пускаем в море в чем-нибудь плавучем и поручаем заботам Тора.

— А, — отозвался Рыбьенег.

— «Выброси бремя, не то ослабнет племя», — ухмыльнулся вождь Берсерков. — Наша старая Берсеркская поговорка. Но это не обязательно сделали мы, понимаешь? Так поступило бы любое

ХА! ХА! ХА! ХА! ХА!

из племен архипелага. Это традиция общая для всех, включая Хулиганов. Удивительно, что ты о ней не слышал.

— Нет, — мрачно отозвался Рыбьенег. —

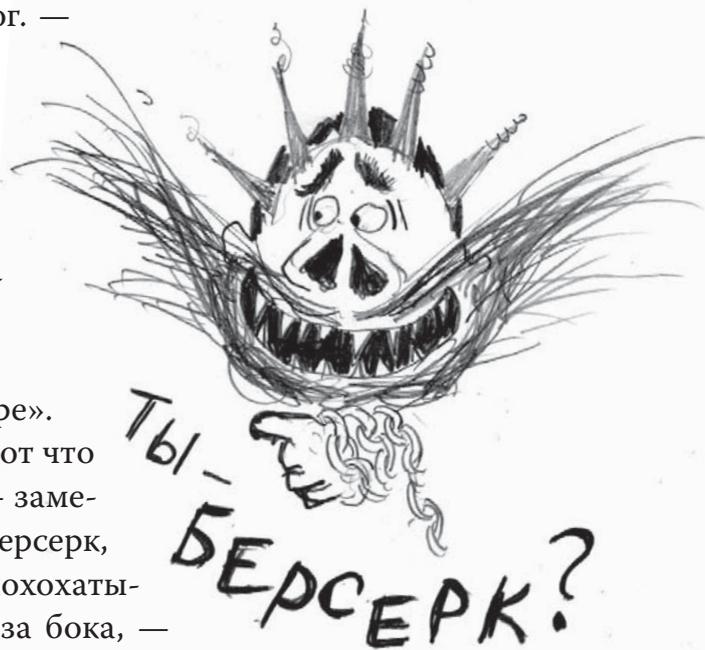
Но теперь, раз уж вы об этом упомянули, мне пришло на ум аналогичное присловье Хулиганов: «С нами сила, прочих — в море».

— Однако вот что я тебе скажу, — заметил главный Берсерк, по-прежнему похотывая и держась за бока, — ты меня так насмешил, что я все равно разрешу тебе быть женихом, пусть ты и недомерок.

Рыбьенег постоял с минуту, глядя на свой садок для омаров.

Поправил очки на носу.

И снова надел садок на плечи.

— Что ж, наверное... — произнес он медленно и очень-очень устало, — наверное, этого следовало ожидать. Я просто *надеялся*... — Последние слова так и повисли в воздухе.

— Приковать мальков там, наверху! И давайте все поспим. Я вымотался! — рявкнул главный Берсерк. — Родня!!! — Он помотал головой. — Это лучшая отмазка, какую я слышал. Ох уж эти женихи, они меня уморят, чесслово... Что ж, должен сказать, у нас получается отличный мешок женихов для сегодняшней церемонии — целых тринадцать штук... Хорошо, что я не суеверен.

— Один маленький вопрос напоследок, ваше психейшество, — вмешался Иккинг. — Не сидит ли где-нибудь у вас в плену моя подруга Камикадза из Бой-баб?

Берсерк задумчиво уставился на Иккинга.

— Камикадза — это такая маленькая девочка со светлыми волосами? Она еще здорово кусается?

— Точно, — подтвердил Иккинг.

— Никогда о ней не слышал, — сказал вождь Берсерков.

Женихов держали в клетках на окраине деревни.

Мальчиков замотали в цепи так, что они стали походить на маленькие металлические мумии, и закатили в две пустые клетки в конце ряда. Потом Берсерки потянулись, вскинув татуированные руки

над головой, зевнули и ушли обратно по койкам, чтобы дать горлу отдых перед трудами Заполночной Церемонии, которая должна была начаться всего через четыре часа.

11. ПРЕДПРЕДПОСЛЕДНИЙ ЖЕНИХ

— Прости, Рыбьенег, — прошептал Иккинг из темноты клетки, подвешенной высоко-превысоко над лесной подстилкой.

— Не переживай, — вздохнул Рыбьенег. Голос его до сих пор звучал сдавленно от горького разочарования. — Я все равно не слишком бы обрадовался, окажись эти парни мне родней. Они даже по меркам архипелага чересчур отмороженные. Просто было бы славно хоть разочек побыть Героем, а не ходячим посмешищем. И приятно было бы узнать, кто моя семья.

— Мы твоя семья, мы, Хулиганы, — прошептал Иккинг. — Беззубик и я. В данный момент.

Повисло долгое молчание, потом Рыбьенег прошептал:

— Спасибо, что отправился за мной, Иккинг.

— Извините, — послышался голос из соседней клетки. Луна осветила молодого человека. Особого фасона рога на его шлеме означали, что он из Потерянного племени. — Простите за беспокойство, но парень через клетку от меня хочет перекинуться с вами словечком.

— ИККИНГ! — грянул бодрый голос через три клетки от Иккинга и через две — от Рыбьенога. — ИККИНГ КРОВОЖАДНЫЙ КАРАСИК ТРЕТИЙ! А МНЕ ВСЕ НИКАК НЕ УДАВАЛОСЬ РАЗГЛЯДЕТЬ, ТЫ ИЛИ НЕ ТЫ, — БЕРСЕРКИ ВОКРУГ МЕШАЛИ. КАК ЖЕ ЗДОРОВО ВСТРЕТИТЬ ТЕБЯ ЗДЕСЬ!

— Кто это? — шепнул Иккинг, вытаращившись сквозь решетку в темноту.

В дальней клетке кто-то подпрыгивал от возбуждения, но больше ничего рассмотреть не удавалось.

— Это же я! — прогремел голос. — Неимоверный Крутняк! Неужели не помнишь? Остров Магманьяков? Тысячи и тысячи экстерминаторов? Извержение вулкана?* Эх, какая переделка была...

По клеткам волной прокатилось возбуждение.

Жених № 1:

— Ушам своим не верю! Сам Неимоверный Крутняк, Великий Герой!

Жених № 5:

— Какая удача — познакомиться с самым храбрым, самым крутым человеком на архипелаге... Ради этого не жалко и в пасть Зверю отправиться. Ну, почти не жалко.

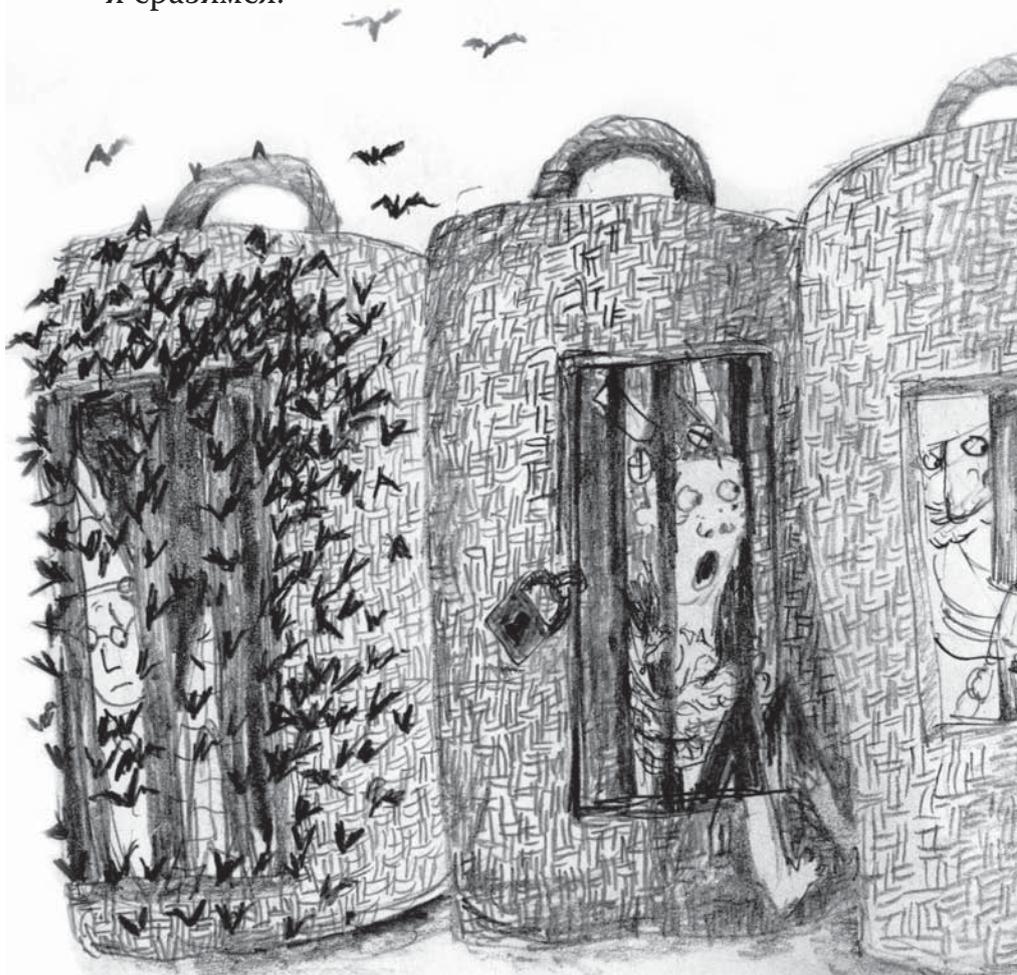
* Обо всем этом можно прочесть в пятом томе Иккинговых мемуаров «Как разбудить дракона».

Жених № 8:

— ЧУШЬ! Самый храбрый и самый крутой Герой архипелага — это я. А этот Крутяк, кстати, тощий какой-то. У настоящего Героя и пузо настоящее...

Жених № 5:

— Как ты смеешь говорить такое о Неимоверном Крутяке, Великом Герое! Возьми свой меч, и сразимся!

Жених № 8 (быстро):

— К вашим услугам!

Жених № 5 (сквозь зубы):

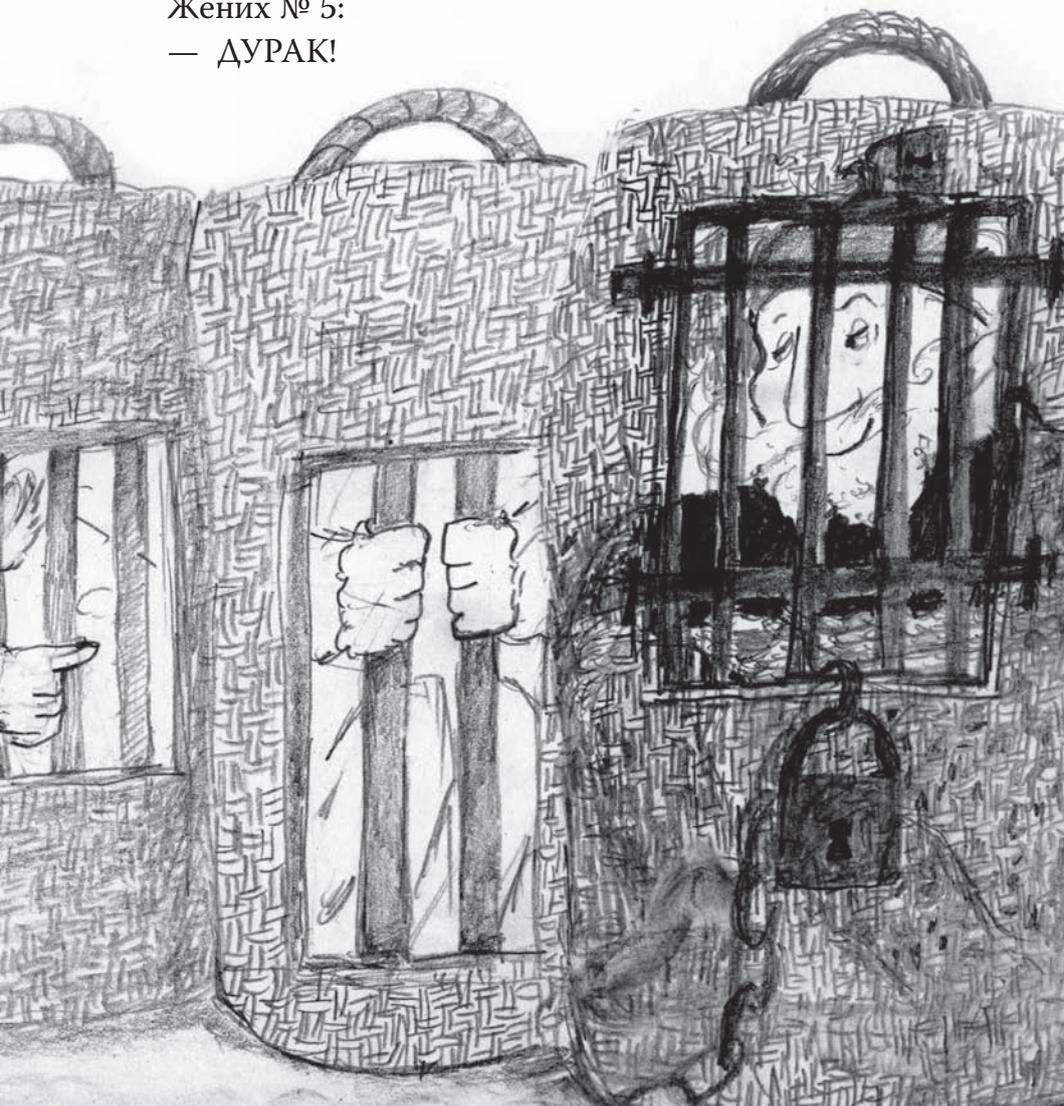
— Рожу у тебя уродливее задницы бабуина...

Жених № 8:

— А у тебя рыло как у чумной свиньи...

Жених № 5:

— ДУРАК!

ВОТ-ВОТ! ЗОЛОТЫЕ СЛОВА!

Жених № 8:

— КРЕТИН!

Жених № 5:

— ВЕГЕТАРИАНЕЦ!

На свободе женихи явно уже рубились бы не на жизнь, а на смерть, но скованные и связанные по рукам и ногам они могли только кататься по клеткам как бешеные, что и проделывали в свое удовольствие.

— Не обращай на них внимания, — ухмыльнулся Неимоверный. — Они всю дорогу так развлекаются. А ты что здесь делаешь, Иккинг?

— Похоже, я тринадцатый жених принцессы Яриссы. А ты? — спросил Иккинг. Он был ужасно рад встретить здесь Неимоверного, который всегда был его кумиром. — Я думал, Твое Сердце Разбито Навеки и ты вроде как завязал с жениховством?

В прошлый раз, пытаясь выполнить невыполнимую Задачу отца невесты, Неимоверный на пятнадцать лет загремел в тюремные кузны Магманьяков — такое у кого хочешь отобьет охоту к делам сердечным.

— О-о, то было, пока я не встретил ЕЕ! — восторженно вскричал Неимоверный, вскидывая геройский кулак к луне в небесах. — РАЗВЕ ЧЕЛОВЕК НЕ ИМЕЕТ ПРАВА НА ВТОРОЙ ШАНС?! — крикнул он звездным небесам.

Жених № 1:

— ВОТ-ВОТ!

Точно!

Жених № 3:

— ЗОЛОТЫЕ СЛОВА!

Жених № 5:

— ТОЧНО!

И женихи яростно затрясли клетки.

— УМЕРЕТЬ ЗА ЛЮБОВЬ ПРИНЦЕССЫ ЯРИССЫ — ВЕЛИКАЯ ЧЕСТЬ! — вскричал Неимоверный, Герой до мозга костей.

На сей раз хор «вот-вот» и «точно» других женихов прозвучал несколько задумчиво, — похоже, они не подписывались вот прямо на самом деле *умереть* за свою любовь.

— Но нам нельзя умирать! — выкрикнул Неимоверный Крутняк. — Это расстроит принцессу Яриссу. Мы должны любой ценой выбраться отсюда.

— Легче сказать, чем сделать. И даже если каким-то чудом мы выберемся, за кого она выйдет? — принялся размышлять вслух Иккинг.

Все женихи хором гаркнули:

— ЗА МЕНЯ!

— Ну, она не может выйти за вас всех, — возразил мальчик. — Погодите-ка... Сколько между нами клеток, Неимоверный? Раз, два, три... НЕИМОВЕРНЫЙ! Должно быть, ты и есть предпредпоследний жених! То есть был предпредпоследним, пока не сосчитали нас. Поздравляю!

— Наверное, так и есть, — признал Неимоверный Крутняк. — Спасибо. А с чем поздравляешь?

— Принцесса Ярисса сказала, что любит она предпредпоследнего жениха, — объяснил Иккинг.

Неимоверный скромно кашлянул:

— Я подозревал о такой возможности.

Жених № 1:

— Н-да, изрядный удар.

Жених № 6:

— Ты хочешь сказать... учитывая, что всех нас вот-вот скормят Зверю и все такое?

Жених № 3:

— Да, думаю, это очень обидно, правда... Эх, а я столько времени бился над любовными стихами. Серьезно. Вышло сопливей некуда.

Жених № 4:

— Ой, ты сам писал? Я-то просто купил у одного знакомого барда в Нехороших землях. Если хочешь, дам его координаты, на случай если выберемся отсюда и тебе вдруг понадобятся стихи.

Жених № 3:

— Знаешь, скажу тебе честно, я тут подумал, может, хватит с меня этой любви? В смысле, стоит ли она того, а? Слишком уж опасно.

Жених № 2:

— Да уж, я тебя прекрасно понимаю. А тестя видел? Должен заметить, он изрядно охладил мой пыл... Вряд ли мне захочется заскакивать к ним на семейные сборища, хо-хо...

Все женихи хором:

— Вот-вот! Золотые слова! ТОЧНО!

— Но это же великолепно! — воскликнул Неимоверный Крутняк. — Осталось только придумать, как отсюда выбраться, и все вокруг будут счастливы! Жаль, я тут немного связан. Попытался перегрызть путы зубами, но ничего толком не вышло.

— У тебя цепи металлические, — объяснил Иккинг.

— Но ты-то придумаешь план, Иккинг, — произнес Неимоверный с трогательной уверенностью. — Ты смысленный парень. Так, а ну тихо, все! Иккинг будет думать, а времени у нас немного.

Беззубик громко храпел у Иккинга за пазухой, постанывая и держась за брюшко. В любое другое время Иккинг испереживался бы за него, но сейчас у него хватало других забот. Тишина спустилась на тринадцать клеток, мягко покачивающихся на вершинах деревьев. Иккинг думал, думал, думал, но никакого плана не вырисовывалось.

Пока Иккинг ломал голову, женихи один за другим заснули. Только Рыбьенег не сомкнул глаз. Его клетку так плотно облепили стращуки, что беднягу внутри было еле видно.

— Жалко, я не такой глупый, как эти женихи, — вздохнул Рыбьенег. — Тогда мне не пришлось бы все время бояться.

Женихи действительно храпели беспечно, словно уютно прикорнули на травянистом пригорке на родном острове, а не ожидали смерти в качестве жертвы всего через пару часов.

Это казалось немного несправедливым.

Но мягкое покачивание клеток, похрапывание женихов, гудение и жужжание Берсеркских пчел вдали убаюкивали, и вскоре даже Рыбьеное с Иккингом задремали. Иккинг и во сне продолжал перебирать планы побега, один невероятнее другого.

Но только Иккинг уснул, как тут же проснулся, на сей раз от шума. В полной темноте по деревянному мосту к нему приближались шаги. Или, точнее, шаги и постукивание: за каждым шагом невидимки следовал стук... стук, скажем, деревянной ноги... а за собой этот некто волочил цепи.

Топ... тук... бамс-блямс... топ... тук... бамс-блямс... топ... тук... топ... тук... топ... стук... бамс-блямс...

Иккинг забился поглубже в клетку... но разумеется, деться ему было некуда.

И в клетку медленно просунулся...

...ужасный черный крюк. Он ухватил Иккинга за ворот и подтянул его к прутьям, и мальчик оказался лицом к лицу с единственным глазом, деревянным носом и сияющей злобной улыбкой...

О...

О мозолистое седалище и волосатые подмышки Тора!

Иккинг и представить не мог, что судьба приготовила ему еще кое-какие неприятные сюрпризы.

Но к его ужасу, выходило, что к нему явился Элвин Вероломный.

12. АЛЬФОНС, ТАЛАНТЛИВЫЙ-НО-НЕРВНЫЙ ФРАНЦУЗСКИЙ ПОВАР

Элвин Вероломный был заклятым врагом Иккинга. Иккинг думал, что избавился от него, поскольку на глазах у всех Элвина проглотил Огненный Дракон и нырнул в вулкан. Разве мог Элвин выбраться из огненных вод земного ядра?

С другой стороны, перепутать его с кем-нибудь было бы сложно.

Один глаз закрывала черная повязка, второй горел злобой. Одна мускулистая нога издавала звук нормальных шагов, другая стучала костяным протезом ниже колена. Лунный свет мерцал, отражаясь от бумажно-белого черепа.

Бывают лица, которые невозможно забыть.

Правда, кое-что не сходилось. У Элвина был внушительный нос, который он вечно задирал.

У ночного гостя нос отсутствовал начисто.

Неприятное зрелище.

Он выточил себе нос из дерева и привязал его приблизительно на место красивым кожаным шнурком. Но вообще-то, если говорить о чисто

внешнем впечатлении, никакой искусственный нос не сравнится с настоящим.

Настоящий нос не отличался красотой, но смотрелся вполне приемлемо, пусть и задирался.

Деревянный же выглядел просто страшно.

— Элвин Вероломный! — воскликнул Иккинг, уставившись в жуткий, горящий злобой глаз.

«Элвин Вероломный! Ведь чувствовал же, что с этим французским поваром не все ладно... Альфонс, как же...»

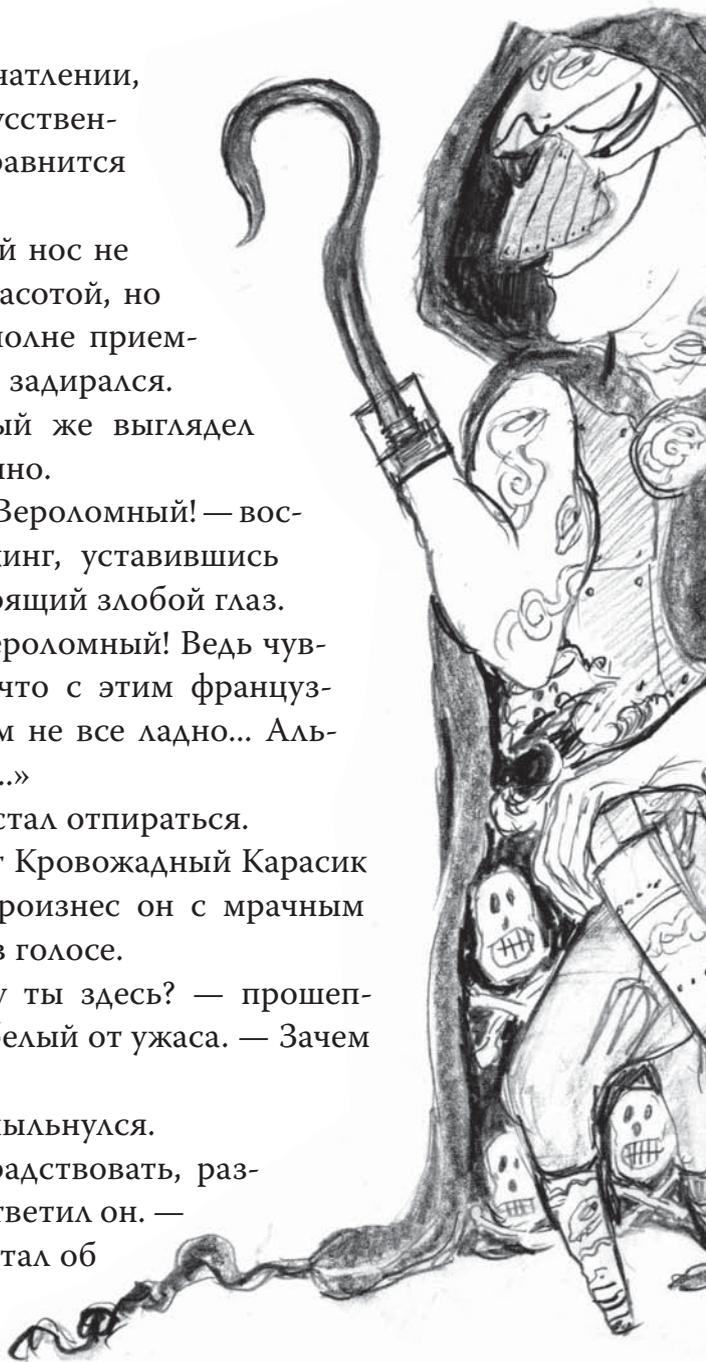
Элвин не стал отпираться.

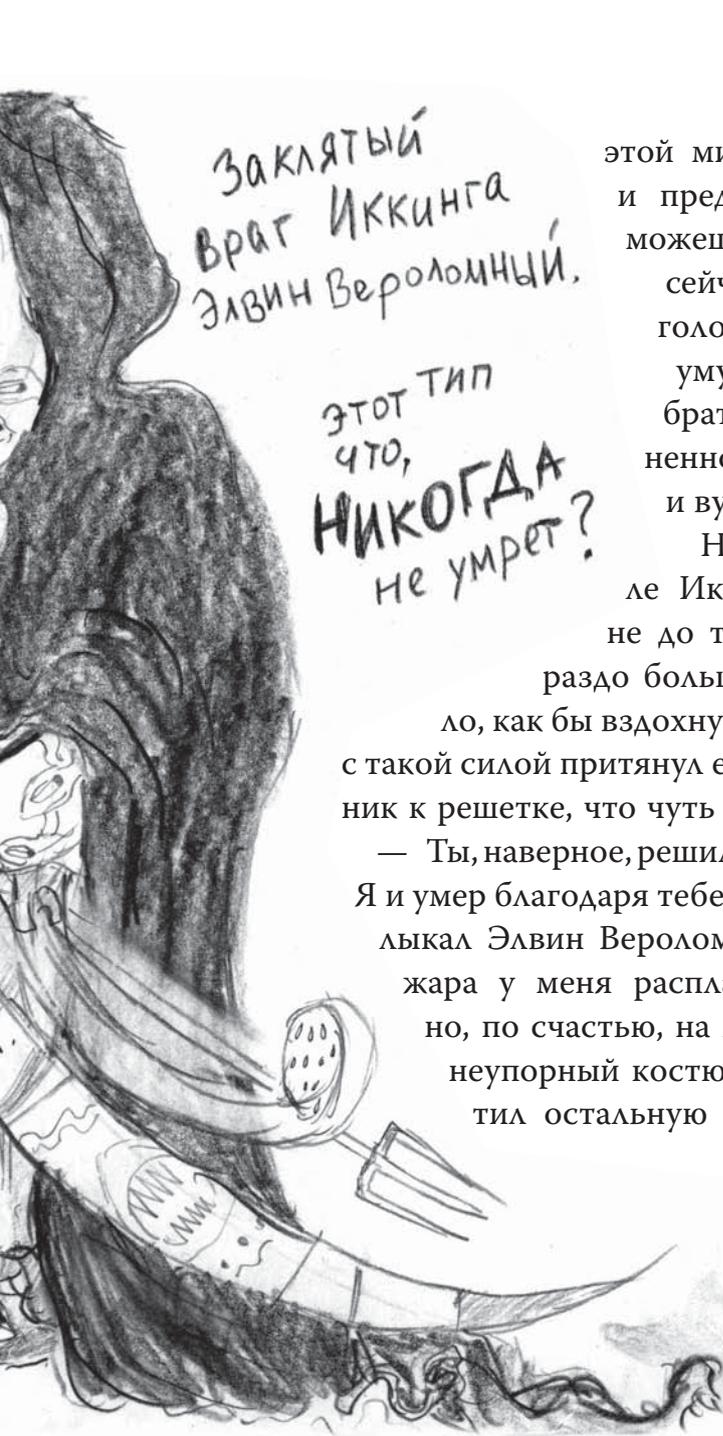
— Иккинг Кровожадный Карасик Третий, — произнес он с мрачным торжеством в голосе.

— Почему ты здесь? — прошептал Иккинг, белый от ужаса. — Зачем ты пришел?

Элвин ухмыльнулся.

— Позлорадствовать, разумеется, — ответил он. — Ох, как я мечтал об

Заклятый
враг Иккинга
Элвин Вероломный.

ЭТОТ ТИП
ЧТО,
НИКОГДА
НЕ УМРЕТ?

этой минуте — ты и представить не можешь... Небось, сейчас ломаешь голову, как это я умудрился выбраться из Огненного Дракона и вулкана?

На самом деле Иккингу было не до того, его гораздо больше волновало, как бы вздохнуть, — Элвин с такой силой притянул его за воротник к решетке, что чуть не задушил. — Ты, наверное, решил, что я умер. Я и умер благодаря тебе, — промурлыкал Элвин Вероломный. — От жара у меня расплавился нос, но, по счастью, на мне был огнеупорный костюм, он защитил остальную часть меня.

Когда Огненный Дракон меня глотал, — улыбнулся Элвин, — я вонзил меч в живот своему экстерминатору. Драконьи желудки содержат большое количество веселящего газа... Экстерминатор взорвался в горле у Огненного Дракона огромными пузырями газа, и в одном из них оказался я.

От страха Иккинг почти не соображал. Может, стоит заорать и разбудить женихов? Но чем они помогут, они же прикованы...

— Огненный Дракон неудержимо расхохотался, пузыри вырвались у него из глотки гигантским облаком, поднялись сквозь лаву, вылетели через

жерло вулкана и поплыли в небе над архипелагом. Долгие часы я болтался в воздухе по колено в содержимом желудка экстерминатора, кувыркаясь, пытаюсь заставить этот отвратный пузырь лопнуть, и хохотал при этом от веселящего газа как безумный...

— Ой, фу-у-у-у... — простонал Иккинг.

— Еще бы, — откликнулся Элвин. — Но мне повезло: когда я пролетал над островом Берсерк, кто-то из местных жителей сбил мой пузырь из

лука. Я камнем рухнул с неба прямо на голову Берсеркскому шеф-повару, убив того на месте. Вождь Берсерков хотел казнить меня за это, — Элвин по-прежнему скалил зубы в улыбке, но единственный глаз смотрел настороженно, как у готовой к броску кобры, а Иккинг не отводил взгляда от крюка, — поэтому я сказал ему, что я тоже повар. Он, дурак, поверил, и с тех пор я готовлю для него трижды в день, чтоб у него пальцы на ногах в кораллы превратились. Но оно того стоило, Иккинг... ради этого момента... Вот он ты, запертый в клетке, одинокий и напуганный, ожидающий ужасной смерти... и я убью тебя сейчас. Смерть от крюка!

Элвин запрокинул голову и расхохотался.

Сердце у Иккинга колотилось, как у пташки в лапах злой лисы, а ладони сделались липкими от пота. Но он заставил себя говорить спокойно и вежливо:

— Я бы не сказал, что ты свободен как птица, Элвин...

Вероломный оборвал смех и обратил на Иккинга мерцающий глаз.

— Ты о чем это? — прошипел он сквозь стиснутые зубы. — Все лучше не придумаешь. Не смей портить мне удовольствие...

— Да посмотри на себя. Ты ж в цепях, как и я. Чем злорадоваться надо мной, почему бы тебе не заставить меня помочь тебе с побегом?

Элвин помедлил.

— У тебя есть план побега? — недоверчиво спросил он.

— Разумеется, — отозвался Иккинг как можно беспечнее. (Вообще-то, если начистоту, это была неправда, но Иккинг не сомневался, что его скоро осенит какая-нибудь блестящая идея.) — Я ведь однажды сбежал прямо с гладиаторской арены форта Жестокус на глазах у тебя и огромной толпы римлян, верно? Чем нынешняя переделка хуже? — Он старался говорить непринужденно. — На самом деле это проще пареной репы по сравнению...

— Пареной репы... — повторил Элвин как замороженный*.

Он представлял себе эту минуту так долго, смакуя каждую деталь: как Иккинг будет всхлипывать и звать мамочку, и умолять о пощаде, и рассказывать Элвину, какой он, Элвин, умный и злой...

А этот мальчишка как ни в чем не бывало рассуждает о побеге...

Это действовало на нервы.

— Разумеется, — продолжал Элвин, повеселев, — я мог бы убить тебя прямо сейчас, чтобы не полагаться на случай...

---

* Он припомнил побег из форта Жестокус с горькой яростью. Элвин уж точно не хотел бы, чтобы Иккинг в последний момент соскользнул с его крюка, как в тот раз.

Здоровая рука его поползла к мечу.

— Но тогда я не смогу помочь тебе бежать, — торопливо вставил Иккинг. — Ты всегда успеешь убить меня ПОСЛЕ того, как мы удерем... — добавил он в утешение.

Элвин смерил мальчишку долгим-долгим взглядом, напряженно размышляя. И наконец убрал крюк из клетки.

Иккинг позволил себе крохотный вздох облегчения.

Он не умрет... По крайней мере, прямо сейчас — не умрет. Вероломный совладал со своей яростью.

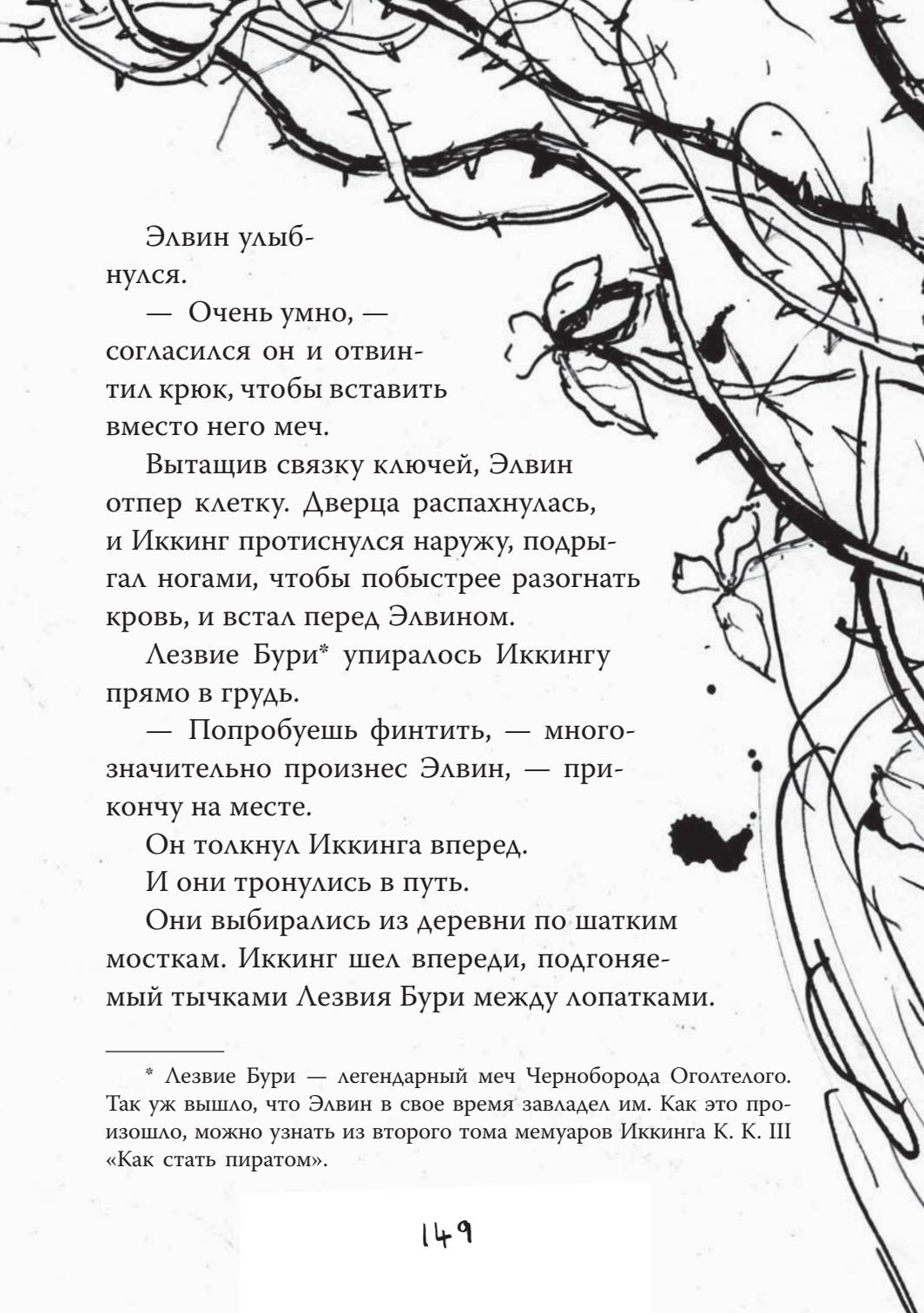
Что ж, если принимать правила игры, то обоим. И Элвин заговорил не менее вежливо, чем Иккинг, а то и более. С очаровательной улыбкой, в которой было слишком уж много зубов, произнес:

— Ты прав. Возможно, смерть от крюка ДЕЙСТВИТЕЛЬНО слишком быстрая и легкая для тебя. Итак, каков же твой план побега?

— Для начала, — ответил Иккинг, — ты сможешь мне выбраться из клетки. Потом отведешь меня туда, где держат Камикадзу...

Элвин вскрикнул от удивления, и Иккинг понял, что он угадал: Камикадза где-то на острове, в плену у Берсерков.

— А потом я вытащу нас всех отсюда... но как я это сделаю, я тебе не скажу, а то стану тебе не нужен, верно?

Элвин улыбнулся.

— Очень умно, — согласился он и отвинтил крюк, чтобы вставить вместо него меч.

Вытащив связку ключей, Элвин отпер клетку. Дверца распахнулась, и Иккинг протиснулся наружу, подрыгал ногами, чтобы побыстрее разогнать кровь, и встал перед Элвином.

Лезвие Бури* упиралось Иккингу прямо в грудь.

— Попробуешь финтить, — многозначительно произнес Элвин, — прикончу на месте.

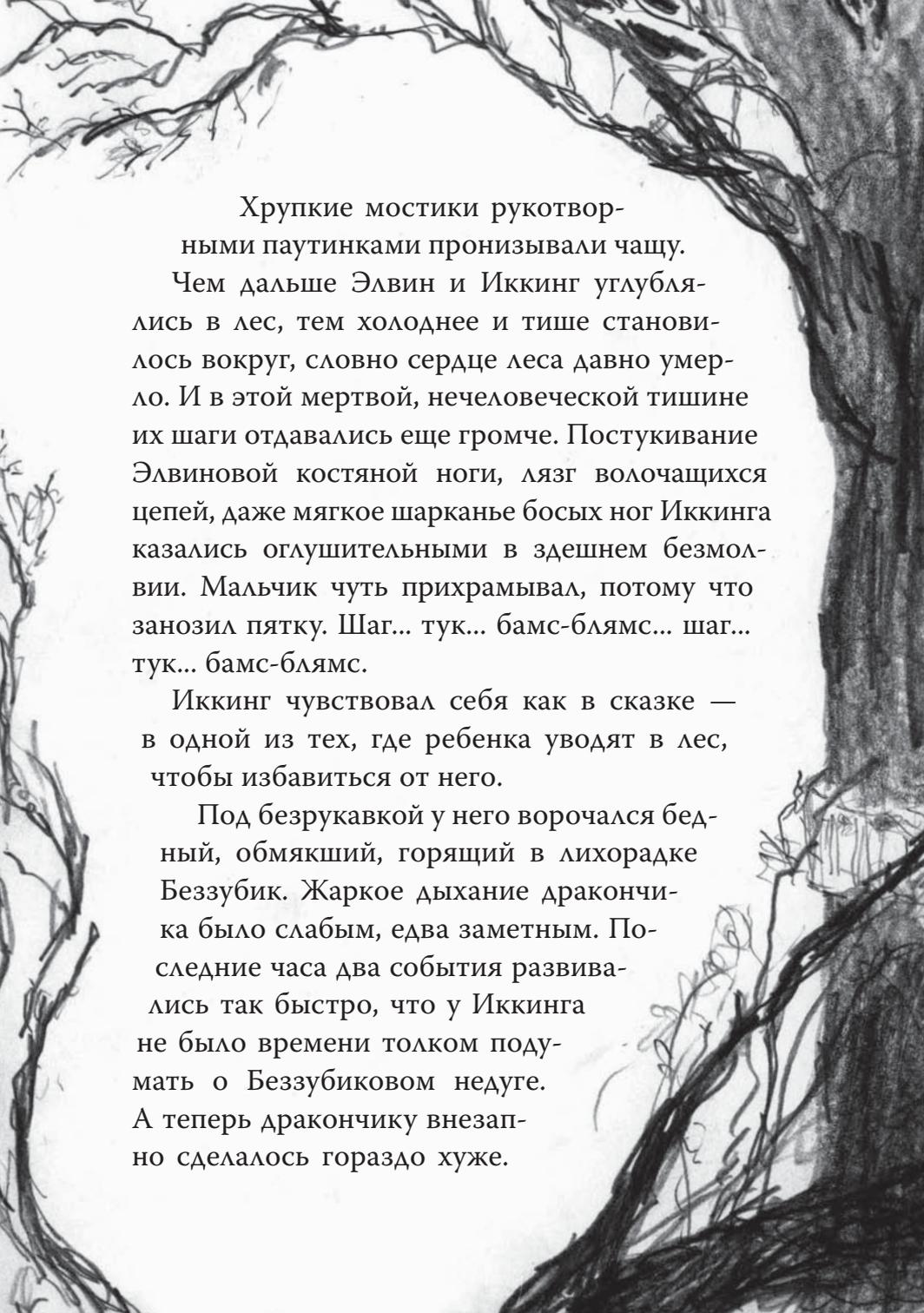
Он толкнул Иккинга вперед.

И они тронулись в путь.

Они выбирались из деревни по шатким мосткам. Иккинг шел впереди, подгоняемый тычками Лезвия Бури между лопатками.

---

* Лезвие Бури — легендарный меч Черноборода Оголтелого. Так уж вышло, что Элвин в свое время завладел им. Как это произошло, можно узнать из второго тома мемуаров Иккинга К. К. III «Как стать пиратом».

Хрупкие мостики рукотворными паутинками пронизывали чашу.

Чем дальше Элвин и Иккинг углублялись в лес, тем холоднее и тише становилось вокруг, словно сердце леса давно умерло. И в этой мертвой, нечеловеческой тишине их шаги отдавались еще громче. Постукивание Элвиновой костяной ноги, лязг волочащихся цепей, даже мягкое шарканье босых ног Иккинга казались оглушительными в здешнем безмолвии. Мальчик чуть прихрамывал, потому что занозил пятку. Шаг... тук... бамс-блямс... шаг... тук... бамс-блямс.

Иккинг чувствовал себя как в сказке — в одной из тех, где ребенка уводят в лес, чтобы избавиться от него.

Под безрукавкой у него ворочался бедный, обмякший, горящий в лихорадке Беззубик. Жаркое дыхание дракончика было слабым, едва заметным. Последние часа два события развивались так быстро, что у Иккинга не было времени толком подумать о Беззубиковом недуге. А теперь дракончику внезапно сделалось гораздо хуже.

И Иккингу стало казаться, что часы дракончика сочтены.

Может, судьба уготовила им обоим погибнуть вместе тут, в сердце древних лесов.

Вскоре Элвин остановился перед особенно большим деревом.

— Пришли, — заявил он. Иккинг сглотнул.

— Что это? — На сей раз голос его слегка дрогнул, как ни старался мальчик держаться храбро.

Темный плющ обвил ствол гигантского дерева, сдавив его в удушающем объятии. Изящным взмахом Лезвия Бури Элвин откинул толстые плети, словно занавеси. За ними оказалась врезанная в ствол дерева маленькая дверка из металлических прутьев. Элвин открыл ее. За дверью оказалось дупло, а в полу дупла — люк. Элвин потянул на себя крышку.

— Так это здесь держат Камикадзу? — уточнил Иккинг.

— Здесь-здесь, — подтвердил Элвин, ухмыляясь мерзостнее обычного. — Внутри этого дерева. Так что прыгай... герой-спаситель. Чего ты ждешь?

Лезвие Бури упиралось ему в грудь. Выбор был невелик.

Медленно, неохотно Иккинг полез в люк.

Вниз уходила веревочная лестница, и он уселся на краешке.

Как только он это сделал, Элвин захлопнул дверь и, просунув руку сквозь прутья, снова ухватил Иккинга за рубашку, в точности как сделал в клетке, только на сей раз рукой, а не крюком.

— А вот теперь, мой юный Иккинг, теперь я могу порадоваться по-настоящему! Ты умрешь здесь, в темноте, медленно и наверняка. Никто никогда не выбирался из этих живых застенков.

Иккинг быстро глянул вниз, но Элвин только шире улыбнулся.

— И нет, это не Камикадзина темница. Я понятия не имею, кто там внизу. Но думаю, оно живое. Обычно мы узнаём об их смерти по запаху.

Элвин принялся кромсать веревки лестницы, и Иккинг наполовину слез, наполовину свалился внутрь дерева. Изогнувшись так, чтобы не придавить Беззубика, он приземлился на выдолбленное дно тюремной камеры. По ощущениям, его приняла куча сосновых иголок.

— МЕСТЬ СЛАДКА!!! — прокричал Элвин ему вниз в темноту, и эти последние слова еще долго отдавались эхом внутри ствола дерева, как и лязг захлопнувшейся двери и поворачиваемого в замке ключа.

А потом в крошечной-прекромешной тьме легкий шелест слева сказал Иккингу, что он не один.

13. В ТЕМНОТЕ

Снова этот звук.

Дрожащими пальцами мальчик вытащил меч.

Клинок в руке дрожал.

— Эй! — окликнул Иккинг. Голос его звучал очень громко в этой темноте.

Тишина.

Темно вокруг было необычайно. Тьма была такая густая, что забивала горло и ноздри и затыкала уши, словно удушливый плащ.

И вместе с ней навалилось безрас- судное инстинктивное ощущение, что он делит дерево с чем-то невыносимо злым.

Снова шелест. Перепуганное вооб- ражение Иккинга уверяло его, что враг приближается, и он громко крикнул:

— У МЕНЯ МЕЧ!

Шелест резко остано- вился.

А затем из темноты на Иккинга зашипело по-змеиному.

— У меня тожжже...

— Я ТЕБЯ НЕ БОЮСЬ! —

заявил мальчик как можно громче, дабы придать себе уверенности.

— О-о-о, еще как боишься, — просвистел голос. — И не зря.

Старый голос, женский голос, голос с ледяным оттенком чистейшего зла.

Иккинг, дрожа, лежал в темноте, левой рукой выставив меч, а правой прикрывая обмякшее тельце Беззубика.

— Кто ты? — прошипел голос. — И почему я не видела, что ты идешь?

— Как ты могла меня увидеть? — заикаясь, спросил Иккинг. — Ты же в темноте.

— Я ведьма, — ответил голос.

«О-о-о-о-о-о, замечательно», — мысленно простонал Иккинг.

— Кто ты? — повторил голос.

Мальчик лихорадочно соображал. Настоящее имя называть почему-то не хотелось.

— Меня зовут Рыбье-ног, — сказал он

первое, что при-
шло ему в голову. —
А тебя?

— Мое имя Хогтруда, —
ответила ведьма.

(Иккингу показалось, что она
тоже скрыла настоящее имя.)

— Почему ты здесь?

— Меня прислал СТР.

— СТР обычно сам приходит, и один.
Почему он прислал тебя? — пролаяла
ведьма.

Безвольное тельце Беззубика тяжело
давило Иккингу на ладонь. И тут Иккинга
осенило: «Ну, если она ведьма, то, может,
сумеет помочь Беззубику»*.

— Я принес тебе на излечение драко-
на, — заявил он.

Снова тишина.

— Где дракон? — прошипел голос.

Иккинг протянул Беззубика. Из
темноты выползли костлявые пальцы
и ощупали квелое стонущее тельце.

---

* В те времена ведьмы и колдуны
разбирались в применении трав, сна-
добий и эликсиров. Они служили
в племенах знахарями, а также
заглядывали в будущее.

— ХА! — каркнул голос. — СТР меня никак за чудотворца держит? Этот дракон уже почти что мертв.

— И ты совсем ничего не можешь сделать? — в отчаянии спросил Иккинг. — СТР очень-очень любит этого дракона. Он сказал, что даст тебе все необходимое, вообще все...

— Травы, яды, иглы и нить, — проскрежетала ведьма обиженно себе под нос. — Он даст мне все, но не вернет свободы... Ох, скажу я тебе, когда СТР приходит сюда спрашивать о своей судьбе, я вру напрапалую. Если бы только он знал, какую судьбу я ему сплетала...

Иккинг промолчал, содрогнувшись от звенящей в голосе неприкрытой ярости. Он баюкал Беззубика на руках, поглаживая ему ушки и рожки, стараясь, чтобы малышу было удобно. Дракончик сильно похудел и теперь превратился просто в мешочек с костями. Однако животик у него ужасно надулся и распух.

— Что не так с умирающим драконом? —

спросил голос,
прервав бормотание.
— Он съел ложку, —
сказал Иккинг, — и волшеб-
ный камень... и не только это, на-
верное.

— Ложку... — мечтательно повто-
рил голос.

Ложки у ведьмы не было.

На первый взгляд не ахти какое сокро-
вище, но когда двадцать лет пытаешься
есть суп вилкой, поневоле начнешь мечтать
о ложке.

— Ладно, — согласился голос. — Пусть
у СТРа ноги побуреют и сгниют, как капуста!
Но я получу ложку. Я столько лет мечтала
о ложке... Дракон очень близок к смерти.

— Что ты собираешься делать? — про-
шептал Иккинг.

— Вскрыть его, — злорадно произнес
голос в темноте.

— Но разве это не убьет его? —
перепугался Иккинг.

Он-то надеялся, что ведьма
просто скормит Беззубику ка-
кое-нибудь снадобье и то-
му полегчает.

— А тебе что с того? — ехидно спросил голос. — Это же дракон СТРа...

— СТР очень-очень любит этого дракона, — предостерег Иккинг, — и очень-очень рассердится, если с ним что-нибудь случится...

— Ой, не волнуйся, — прокудахтал голос, и звук получился очень неприятный. — Я его потом снова зашью...

Иккинг раньше слышал о таких способах целительства, но никогда не видел, чтобы их применяли.

— Но... но... как ты сделаешь это в темноте? — заикаясь, спросил он.

— Я могу шить в темноте... я могу ткать в темноте. Я могу писать в темноте. Двадцать лет в темноте превращают руки в глаза, — отозвалась ведьма.

Снова шелест во мраке, словно кто-то встает, роется в вещах, скребет и точит ножи. И когда в темноте вдевают нитку в иголку, сосредоточенность при этом, оказывается, тоже можно услышать.

— Ему будет больно? — спросил Иккинг, умирая от беспокойства.

— НЕЖЕНКА, — прошелестел голос. — Экий ты неженка...

Пощупай его... он за пределами боли...

Бедный Беззубик действительно пребывал уже в глубокой коме. Ротик его открылся, шипы размягчились и поникли, а грудка едва вздымалась под пальцами Иккинга.

— У меня есть немного сон-травы, могу ему дать, если хочешь, неженка... — сказала ведьма.

Иккинг слышал, как она подшуршала ближе и уселась рядом. Пахло от нее отвратительно.

— Держи его совсем неподвижно. Иначе случайности неизбежны. Это очень острый нож, — сказала она со вкусом. — Люблю, чтобы ножи были острые, — крыс потрошить.

Бедный Иккинг не доверял ведьме... Да и с чего бы? Но выбора у него не было. И она, похоже, действительно хотела заполнить ложку.

Поэтому он послушно замер с Беззубиком на коленях, когда ведьма сунула сон-траву дракончику под нос. Сон-трава источала сильный горький запах. У Иккинга от него заслезились глаза, а Беззубик замер окончательно.

Да, не каждый день приходится помогать при операции в непроглядном мраке темницы... И лучше бы больше не пришлось.

Сильные, ловкие костлявые пальцы работали в темноте острым ножом и иглой с ниткой. Травы пахли. И правил всем ведьмин холодный, неприятный, но острый ум.

Иккинг сидел неподвижно, как статуя, мышцы у него окаменели от тревоги.

Все заняло пять минут, а затем ведьма хрюкнула и вручила Иккингу нечто со словами:

— Оботри о мой плащ.

И Иккинг почувствовал, что она зашивает Беззубику живот.

А у Иккинга в руке оказался большой, причудливой формы предмет, извлеченный ведьмой у Беззубика из живота.

Иккинг торопливо обтер вещицу о ведьмин плащ, она была довольно противная на ощупь.

Да уж, неудивительно, что Беззубик чувствовал себя так плохо...

Иккинг держал в руке Стоиков волшебный камень. К камню прилипла куча всякой железной всячины, съеденной Беззубиком за эти годы. Ложка, вилка, кольцо, засов, ключ, несколько монет, Валгалларамина сережка и множество мелочей, проглоченных Беззубиком из жадности, — он по ошибке принял их за еду.

Все эти железяки пристали
к волшебному камню под стран-
ными углами, и он сидел у дракончика
в желудке этакой шипастой звездой

— Интересно, почему этот дракон так
важен для СТРа? — задумчиво протянул
голос, пока трудился над швом. — У него
на груди старый шрам точно в том же месте,
что и... — Голос умолк. — Это очень странно...
очень странно... Можно было бы подумать, что
это лишь случайность... но случайностей НЕ
БЫВАЕТ...

Ведьма сделала последний стежок и довольно
хрюкнула.

— Не утратила мастерства, — похвалилась она.
Цепкие костлявые пальцы коснулись коленей Ик-
кинга и оторвали от волшебного камня ложку. —
МОЯ ложка, — жадно сказала ведьма. И добави-
ла: — Он будет жить.

Судя по звуку, она отступила в другую часть
темницы.

Иккинг почувствовал, как тельце у него
в руках слегка дернулось.

Беззубик завозился и пошевелился.

— Ты жив! — выдохнул Иккинг, под-
нимая его и пристраивая на плече. —
Ты жив!

Он почувствовал прикосновение струйки дыма к подбородку, и Беззубик прохрипел очень слабо и невнятно:

— Где мы?

— Мы внутри дерева... — начал объяснять Иккинг по-драконьи... и осекся.

Тишина внутри дерева аж кололась подозрительностью.

Было почти слышно, как ведьма думает: «Кто ты?»

Поэтому мальчик очень торопливо произнес:

— Гм, спасибо, что вылечила СТРова дракона для меня. Я как раз подумывал попробовать выбраться отсюда, не дожидаясь людей СТРа... потому что... потому что... мне кое-куда срочно надо... а выход здесь только через верх?

Когда ведьма отозвалась, голос ее прощуршал сухо, как пыль:

— После двадцати лет поисков я заключила, что это единственный путь наружу. И он заперт. Привыкай ждать, мальчик, таков мой совет. Привыкай ждать. — И голос снова стих в темноте.

Иккинг машинально гладил Беззубика. Очень тревожно сидеть в крохотной темнице с невидимой ведьмой.

— О чем ты думаешь? — спросил Иккинг.

— Я думаю, — ответила ведьма, — что тебя зовут не Рыбьеног.

«О боги, — запаниковал Иккинг, — о боги-боги-боги...»

Очень трудно поддерживать беседу с ведьмой, когда тебе хочется бегать кругами и орать: «ВЫПУСТИТЕ МЕНЯ ОТСЮДА!»

Потому что ведьма видела во тьме.

А он нет.

Но Иккинг знал, что ведьма теперь его подозревает. Единственный выход — заставить ее говорить. Ведьмы любят состязания умов.

— Правильно, — отозвался Иккинг. — А я думаю, что тебя зовут не Хогтруда.

Ведьма рассмеялась, скрипуче и хрипло:

— Верно. Но кто я? Вот что я тебе скажу, Мальчик-По-Имени-Не-Рыбьеног. Ты, похоже, смысленный парень, а в моем распоряжении все время мира, поэтому я заключу с тобой сделку. Давай померяемся, кто умнее. Я расскажу тебе историю. В конце моего рассказа у каждого из нас будет одна попытка угадать, кто другой таков на самом деле. Кто угадает правильно, тот убьет другого.

— Ладно... — протянул Иккинг. — А если я откажусь?

— Я все равно тебя убью, — ответила ведьма.

Иккинг знал, что она так и скажет.

— В таком случае я принимаю твои условия.

— Так я и думала. История, которую я тебе расскажу, — произнес голос с горечью, — стала причиной тому, почему СТР засунул меня сюда.

— СТР посадил тебя сюда, потому что ты рассказала ему историю? — удивленно переспросил Иккинг, тем временем пытаюсь придумать план побега.

— Верно... — промурлыкала ведьма.

Теперь голос ее был как капля уксуса на языке.

И вот в абсолютно черной темноте дерева в сердце Берсерка, с медленно приходящим в себя Беззубиком на плече, слушая и одновременно лихорадочно соображая, как отсюда выбраться, Иккинг наконец узнал тайну Утраченного Трона Дикозапада.

Вот история, рассказанная ему ведьмой.

История, которая заставила СТРа Страхолюда посадить ее под замок двадцать лет назад.

Надо сказать, ведьма была ужасная женщина, но отличный рассказчик.

14. УТРАЧЕННЫЙ ТРОН ДИКОЗАПАДА

— Многие годы Варварским архипелагом правили Короли Дикозапада, — начал голос ведьмы в темноте. — Королем становился самый жестокий, самый надменный, самый яростный из вождей архипелага, и год за годом корона доставалась вождям из племени Хулиганов.

Последним правил Чернобород Оголтелый, самый суровый и безжалостный пират, какого когда-либо видел архипелаг. Он даже сражался с королем Материка, победил его и отправил в изгнание, присоединив изрядную часть большой земли к своим островным владениям.

Чернобород Оголтелый поработил всех не-викингов и пиратствовал так успешно, что скопил неслыханные богатства. Ему уже не хватало крохотного Олуха. С помощью тысяч рабов и закованных в цепи драконов он выстроил великий город на острове Завтра.

Все шло хорошо для Черноборода. У него имелся сын, Головорез, вылитый Чернобород. И еще один, Обалдуй, вылитый Головорез.

Чернобород жил яростно и весело. Он радостно грабил соседей, ел от пуза, пил до дна, дрался, как медведь, и не любил никого, кроме себя.

Третий его сын родился двадцать девятого февраля, в високосный год...

Красивый младенец с широко открытыми в живом удивлении ярко-голубыми глазами и копной золотых волос выскользнул из материнского чрева без единого звука. Даже новорожденный, он, казалось, смотрел вокруг с веселым любопытством и восхищением.

Он не знал, что ему не суждено долго радоваться миру. Он, видишь ли, уродился слишком мелким. Недомерок.

Иккинг уже забыл о своем нежелании слушать историю и возмущенно перебил:

— В смысле, «недомерок»?!

— В том смысле, что не-до-ме-рок, — с ненавистью отозвался голос. — Его отнесли к Наричательнице, надеясь, что она назовет его Толстоногом, или Драконьим Сердцем, или еще каким-нибудь именем, достойным настоящего викинга, но она вмиг разглядела то, чего не видели бедные любящие родители, и назвала его ИККИНГОМ.

— Почему Иккингом? — спросил Иккинг, сясь придать голосу непринужденность с легким оттенком заинтересованности.

У него уже возникло ужасное чувство, что ведьма догадалась, кто он, — Один знает как. Иначе за-

чем она рассказывает ему историю о его собственном племени, о его собственных предках?

— Так называли недомерков в Хулиганском племени, — нетерпеливо отозвалась ведьма. — «Иккинг» означает «неприятность», понимаешь? Итак, естественно, как только Наричательница назвала его недомерком, все поняли, что от него придется избавиться. Ведь если недомерок доживет до совершеннолетия, вместе с ним вырастет его горький жребий — изменить ход истории.

Отец Иккинга Кровожадного Карасика Первого потерял из-за сына все свое королевство в богатых плодородных краях на востоке. Именно тогда Хулиганскому племени пришлось поселиться на бесплодных пустошах архипелага.

Сына Черноборода назвали Иккингом Кровожадным Карасиком Вторым и всерьез испугались, что он принесет такое же несчастье своей семье, как и первый Иккинг...

Иккинг замер во тьме с бешено колотящимся сердцем. Мальчик совсем недавно обнаружил, что у него имеется загадочный предок по имени Иккинг Кровожадный Карасик II, тоже владевший драконьим наречием*, как и он. И вот он сидит в дупле и слушает его историю.

---

* Это Иккинг выясняет в шестом томе своих мемуаров «Как одолеть дракона».

Иккинг весь покрылся мурашками.

— Чего-чего, а суровости Чернобороду было не занимать, — продолжала ведьма. — Он решил, что не допустит, чтобы сын Черноборода остался в живых и навлек несчастье на семью, как первый Иккинг. Жалко, конечно, но, в конце концов, уже имелись Головорез и Обалдуй. Поэтому он позволил назвать мальчика Иккингом Кровожадным Карасиком Вторым и даже устроил для него роскошную церемонию наречения, а тем временем втайне замыслил убить младенца. Он знал, что, согласно Хулиганской традиции, ребенка полагалось бросить на склоне горы. Он также понимал, что жена его, Чинхильда, сильная духом женщина, неплохо управлявшаяся с топором, вряд ли согласится с задуманным.

Женщины порой так неразумны.

Поэтому Чернобород собственными руками выкрал младенца у спящей матери... Оседлав верхового дракона, вождь полетел на соседний остров, где и оставил спящего сына, собственную плоть и кровь, на горном склоне на верную гибель. Он положил его под кустик вереска, и лепестки, как слезы, спадали на колыбельку. Вождь снова оседлал дракона и взмыл в небо, даже не оглянувшись. Чернобород Оголтельй никогда особенно не любил детей, а этот, когда плакал, что для младенцев не редкость, больше всего походил на орущий помидор. Очень ВОНЮЧИЙ орущий помидор. Сказать

по правде, Чернобород больше расстроился, когда ему пришлось прикончить одного из любимых тле-нозавров, раненного в бою. Летя обратно над солеными волнами к своему красивому городу на острове Завтра, он думал лишь о том, что ждет его на ужин. Надеялся, что свиные ножки, его любимые.

Чернобород хотел все очень хорошо и разумно объяснить жене. Однако Чинхильда не стала его слушать. Обнаружив пропажу поутру, она пришла в страшную ярость, схватила меч и набросилась на мужа. Чернобород поединок выиграл, но убивать жену не стал. Тогда она расплакалась и стала молить его сказать, где он оставил младенца. Чернобород был очень недоволен таким ее поведением, ведь ему сделалось неловко, а он ненавидел чувствовать себя неловко. Разумеется, он отказался раскрыть тайну и велел стражникам убрать Чинхильду с глаз долой — свиными ножками следует наслаждаться в тишине и покое. И когда ее уже волокли прочь, Чинхильда прокляла Черноборода ужасным проклятием чародейки. Позже она отправилась на собственном корабле искать потерянного сына. Много-много лет ее корабль видели тут и там, она все искала и искала пропавшее дитя. Пока наконец не исчезла навеки. Говорят, ее призрак по-прежнему обитает на берегу Разбитого Сердца...

— Ой, Тор меня разрази... — подал голос Иккинг. — Я думал, это просто легенда...

— Чтобы появилась легенда, сначала должно что-то произойти, — возразила ведьма. — У прошлого, чтобы проникнуть в настоящее, есть куда больше путей, чем мы сознаем.

Чернобород весьма обрадовался, что отделался так легко.

Теперь он мог предаваться войне и чревоугодию без помех. Жена не теребила его и не скандалила.

Но к удивлению Оголтелого, грабежи, схватки, еда и питье перестали радовать его с прежней силой.

Даже пиво стало каким-то неправильным на вкус.

Чернобород не понимал, в чем дело.

Он избавился от повара и нанял другого, но не почувствовал разницы.

Пиво было уже не таким пивным, а свиные ножки не такими свиными, и ни один из этих идиотов-воинов не мог драться и вполтину так хорошо, как Чинхильда дралась на мечах.

Король приналег на свиные ножки, но от этого только растолстел и нажил несварение желудка.

Что же с ним творилось?

А это начало действовать проклятие.

...Юный Иккинг Кровожадный Карасик Второй был по натуре оптимистом и поэтому некоторое время лежал весело, любясь красотой ночного неба и ожидая, что кто-нибудь придет и возьмет его на ручки. Спустя некоторое время он сообра-

зил, что никто не идет брать его на ручки, и издал негромкий крик — так, на пробу. А когда и на это никто не ответил, младенец раскричался уже всерьез. Он орал долго — отчаянно, сердито, красный от гнева. К счастью, поблизости не оказалось хищников, способных его услышать. Он сердито сбрыкал пеленки, замерз и заплакал еще сильнее. Вскоре он потерял всякую надежду и лежал, трясясь от страха и холода. Из носика текло, личико было мокро от соплей и слез. Теперь он понял, что его бросили, и инстинкт подсказал ему вести себя тихо. Время от времени младенец негромко постанывал и от голода жевал свой крохотный кулачок.

Непослушными ножками он пинал холодные безразличные небеса, усыпанные алмазными звездами.

«Нам нет до тебя дела... — говорили звезды. — Тебе придется позаботиться о себе самому».

И тут младенец заскулил от страха.

Над ним нависла огромная морда.

Морда заслонила ночное небо.

Морда принадлежала гигантскому мракозавру с холодными желтыми глазами большой белой акулы и улыбкой столь мрачной, что она сама по себе казалась смертельной.

Самец мракозавра был несчастен и голоден и разинул пасть, сверкнув клыками, острыми и длинными, как Хулиганский меч.

Но вдруг передумал.

Он взял колыбель за помочи и взмыл с нею в ночное небо. Вверх и вверх летел он, в пещеру на вершине горы, где умирала его подруга. Ее желтые глаза постепенно тускнели в темноте. Она облизывала холодное твердое тельце своего мертворожденного детеныша, хотя и понимала, что он не проснется. Повсюду вокруг валялись осколки скорлупы.

Гигантский самец осторожно вполз в пещеру, низко опустив могучую голову. Из закрытой пасти свисала колыбелька.

Умирующие глаза его подруги вспыхнули яростью. Самка бросилась на него, шипя разъяренной коброй, и ее зубы лязгнули лишь в нескольких сантиметрах от яремной вены. Даже на пороге смерти мракозавры страшно опасны.

«Убирайся от меня, жалкий червь!»

Самец поставил перед ней колыбельку и отступил к устью пещеры.

Самка подняла лапу, чтобы смести колыбельку... и замерла, услышав плач. Сделав над собой невероятное усилие, она подняла голову и заглянула в колыбель.

«Что ты мне принес? — рывкнула она. — ЧЕЛОВЕЧЬЕГО детеныша? Ползучего, бескрылого ЧЕЛОВЕЧЬЕГО детеныша?! Маленького убийцу зеленокровных?»

Брызгая от ярости слюной, она вскинула лапу, чтобы убить младенца... и остановилась, когда он снова заплакал.

Она запустила неудержимо дрожащую громадную когтистую конечность в колыбель и вынула ребенка. Он был теплый. Он был живой.

Извивающийся младенец забыл страх и потерял щечку о гладкую, покрытую змеиной кожей грудь в поисках еды.

Драконница взглянула на него с неизъяснимым выражением в глазах.

Он ослабел от голода. Личико покрывали засохшие разводы от слез. Он был такой маленький и бесконечно уязвимый...

Раздвоенный язык самки мракозавра лизнул младенческую щечку.

Драконница бережно опустила человеческого детеныша к себе в сумку, где ждали молочные железы*.

Самец наблюдал за ней от входа в пещеру, застыв словно каменный. Вскоре, когда самка полностью погрузилась в заботу о младенце, он прополз вперед и аккуратно взял в лапу тельце собственного мертвого детеныша. Подруга его притворилась, что не заметила. Свет в ее глазах становился все ярче.

---

* Большинство драконов не кормят своих детенышей грудью. Они кормят их отрыгнутой пищей после высиживания, как птицы. Но в Иккинговых мемуарах и раньше упоминались драконы, у которых развились признаки сумчатых и млекопитающих. Очевидно, мракозавры принадлежат к одной из этих разновидностей.

Самец оставил ее в тихой темноте пещеры и взмыл с вершины в небо. Он похоронил своего детеныша глубоко в болотах.

Вот как Иккинг Кровожадный Карасик Второй выучил драконье наречие...

Все ведьмы — прекрасные рассказчицы. История предка уже настолько захватила Иккинга, что он перебил не задумываясь. Он забыл про битву умов. Он забыл обо всем.

— Ты хочешь сказать... Иккинг Кровожадный Карасик Второй научился говорить по-драконьи, ПОТОМУ ЧТО ЕГО ВЫРАСТИЛИ ДРАКОНЫ? — заикаясь от возбуждения, недоверчиво спросил Иккинг Кровожадный Карасик III.

— Именно это я и имею в виду, — ответила ведьма.

— Но... но... но... — возразил Иккинг, — как же он тогда выучил северное наречие? Как он вернулся к своей человеческой семье?

Ведьма продолжила рассказ:

— Поисковый отряд Хулиганов направлялся на восток. Они разбили лагерь на островке. Отправившись на охоту перед ужином, они наткнулись на дикого мальчика лет семи. Малыш шипел по-змеиному и махал на них руками, словно крыльями. Он охотился вместе со своим младшим братом-драконом, Ярогневом, тоже усыновленным мракозаврами. Ярогнев принадлежал к виду моредраконус гигантикус максимус и поэтому, даже будучи

совсем крохой, уже догнал по размерам небольшого слона. Несмотря на разницу в росте, Ярогнев боготворил мальчика, как это водится у младших братьев. Мальчика и дракона привезли к Чернобороду в клетке. Оголтелому хватило одного взгляда на ребенка: золотые волосы... ярко-голубые глаза... Король сразу понял, кто перед ним.

И разумеется, он не мог убить мальчика ТЕПЕРЬ. Это принесло бы действительно большое несчастье. Раз мальчик выжил, оставленный на произвол судьбы на горном склоне, то это знак благосклонности богов.

И пришлось Чернобороду растить младшего сына как положено.

— А каков он был, Иккинг Кровожадный Карасик Второй? — с любопытством спросил Иккинг Кровожадный Карасик III.

— Он был сущим наказанием, — ответила ведьма, — как и первый Иккинг до него. Всегда задавал трудные вопросы. Совершенно бесстрашный, очень дерзкий, не боялся ничего и никого. И хотя он родился недомерком, вырос он могучим воином. Он был прирожденный вождь: неотразимый, сильный, красивый, лучший во всем — в бое на мечах, в борьбе, в витиеватой ругани, в шахматах — во всем.

— У-у... — разочарованно протянул Иккинг.

Он-то уже размечтался, что Иккинг Кровожадный Карасик II был таким же, как он.

— Мальчика прозвали заклинателем драконов, — конечно, он говорил на драконьем свободнее, чем на северном наречии. Чернобород был человеком суровым, однако, потеряв Чинхильду, он обнаружил в себе неожиданную слабость. Вопреки собственной воле он постепенно полюбил мальчика. Юный Иккинг лицом походил на мать, но обладал мужеством и нахальством Черноборода. Оголтелый всегда очень ревновал мальчишку к драконам и запрещал ему говорить по-драконьи. Разумеется, Иккинг Кровожадный Карасик Второй пропускал запреты мимо ушей. Он был очень буйный, всегда дрался и бунтовал против своего отца. Прорывался в библиотеку при любой возможности... Трижды, а то и больше освобождал всех отцовских рабов и, разумеется, в итоге...

— Что произошло в итоге? — спросил Иккинг.

— Трагедия, — победно прошептал ведьмин голос во тьме. — Никогда ничего хорошего не могло выйти из мальчика, который любил драконов больше, чем собственную человеческую плоть и кровь. Иккинг Кровожадный Карасик Второй страстно верил, что драконы не должны быть рабами людей. И вот... глупый мальчишка организовал великое драконье воззвание. Возглавить дело предполагалось брату-дракону Иккинга, Ярогневу. Они вместе росли в пещере, и теперь младший сделался поистине могуч.

Иккинг понимал, что взывать к жалости Черноборода бессмысленно, потому как тот ею не страдал. Оголтелого впечатляла сила, и только сила. По замыслу Иккинга тысячи и тысячи драконов должны были собраться вместе, чтобы показать свою мощь и сплоченность, и дружно потребовать свободы. Выступление предполагалось мирное. Иккинг Кровожадный Карасик Второй не собирался никоим образом причинять вред своему отцу — он был слишком мягок для этого, — насмешливо добавила ведьма. — Считал себя таким Героем...

Но о затее прознал Головорез. Он затаил на Иккинга Кровожадного Карасика Второго злобу, потому что тот стал отцу дороже Головореза. Последней каплей стал драгоценный янтарный амулет — Чернобород отдал его Иккингу на счастье. Головорез нашептал отцу, что Иккинг затеял против него восстание и собирает драконью армию, чтобы убить его.

— Какой лжец! — возмущенно воскликнул Иккинг.

— Да, умно придумал Головорез, верно? — ухмыльнулась ведьма. — Драконы прибыли, когда Чернобород Оголтелый играл со своим сыном, Иккингом Кровожадным Карасиком Вторым,

в шахматы. Король велел воинам стрелять в драконов, как только увидят их... и таким образом мирное воззвание превратилось в кровавое побоище.

Вне себя от ярости из-за предательства сына Чернобород Оголтелый выхватил свой знаменитый меч, Лезвие Бури... и пронзил Иккинга Кровожадного Карасика Второго на месте.

— НЕТ! — ахнул Иккинг Кровожадный Карасик III и зажал уши руками.

— Да, — возразила с мрачным удовлетворением ведьма. — Когда Иккинг Кровожадный Карасик Второй умирал, он посмотрел своему отцу прямо в глаза.

«Умирующие не лгут, отец, — сказал Иккинг Кровожадный Карасик Второй. — Видит Тор, мы не всегда ладили с тобой, но клянусь своей Геройской честью, я не желал зла ни тебе, ни твоей короне. Драконы пришли с миром, а не с войной...»

Могучий дракон Ярогнев спикировал вниз, намереваясь убить Черноборода из мести, но Иккинг остановил его: «Не убивай его, Ярогнев! Обещай, что не убьешь его! Не будет отцовской крови на моих руках!»

Гигантский дракон проглотил свой огонь, а Чернобород Оголтелый заглянул сыну в глаза и понял, что тот говорит правду. Он в ужасе выронил

Лезвие Бури и отчаянно попытался унять алую кровь, хлещущую из груди сына, своими загрубелыми руками воина.

Но ладони его были слишком малы, чтобы закрыть рану, которую он сам же и нанес.

Время бежит вперед и не потечет вспять даже для таких великих королей, как Чернобород Оголтелый.

Дважды пытался Чернобород Оголтелый убить своего сына.

И на второй раз ему удалось.

Иккинг Кровожадный Карасик Второй умер на руках у своего отца.

Чернобород Оголтелый поднял бездыханное тело к небесам и завыл в ужасе.

«Слишком поздно... слишком поздно...»

Ярогнев спикировал вниз, вырвал тело брата из рук Черноборода и, зажав его в когтях, улетел на восток.

Мирное выступление драконов перешло в кровавую битву.

Войска Черноборода Оголтелого оказались под огнем не только драконов, но и людей Головореза, ибо старший сын попытался захватить трон, воспользовавшись неразберихой. К нему

присоединились и воины короля Страхолюдов с большой земли.

Даже в отчаянии Чернобород оставался могучим воином. К вечеру он победил и драконов, и Головореза, и Материкового короля, но победа стоила ему непомерно дорого. Город лежал в пылающих руинах, тысячи людей и драконов полегли.

Обезумев от горя и гнева, Чернобород проклял Трон Королей Дикозапада и вышвырнул его в океан. Развалины города он поджег собственными руками. Похоронил корону и Лезвие Бури, проклял сокровище и спрятал его в самой глубокой пещере, какую смог найти*.

Выживших Хулиганов Чернобород отослал на островок Олух со вторым сыном, Обалдуем, передав ему власть над жалкими остатками бывшего королевства.

Последним королевским указом он изгнал своего вероломного сына Головореза в земли Отщепенцев.

А затем поднял парус и уплыл на своем корабле «Бесконечное путешествие» на запад, и больше его не видели.

---

* Если не знаешь, нашел ли Иккинг клад Черноборода, почитай вторую книгу «Как стать пиратом».

Тем и кончилась власть Королей Дикозапада. Архипелаг снова распался на сотни воюющих племен. Страхолюды захватили громадную часть королевства, которая простиралась на мили и мили к востоку. И так с тех пор и остается.

Слезы катились по лицу Иккинга Кровожадного Карасика III.

— Это ужасно... Стало быть, Иккинг Кровожадный Карасик Второй действительно умер... Он не очнулся в последнюю минуту? Какая печальная история...

— Это не история, — рявкнула ведьма. — Это История. Разумеется, она трагична. Это ведь настоящая жизнь, а не волшебная сказка... но главная тайна ее — в другом... — И ведьма перешла на шепот, хотя никто не мог услышать их в сердце древесного ствола посреди чащи. — Тайна заключена в пророчестве. В нем говорится о новом Короле... новом Короле Дикозапада... Короле, который объединит племена архипелага и снова сделает нас могущественными... который станет править всеми в величии и славе! — Ведьма рассмеялась. — Пророчество известно только мне.

А СТР, разумеется, не хочет появления нового Короля Дикозапада. Зачем ему? Новый Король может отобрать

земли, присвоенные Страхолюдями
давным-давно...

Иккинг нервно сглотнул.

— Пророчество написано самим Чернобородом Оголтелым перед отбытием в последнее путешествие. Первая строфа звучит так:

На троне моем усидит лишь Король,
Лишь Наследник мой в силах проклятье избыть,
Лишь ему по руке мой любимый клинок,
Лишь ему талисман мой на шее носить.

— Остальное знаю только я, — прибавила ведьма.

Иккингу сделалось очень-очень тошно.

— Я расскажу тебе, кто станет новым Королем, если хочешь, — прошептала старуха.

Мальчик оцепенел.

— Элвин Вероломный, — прошептала ведьма во мраке.

— НЕТ! — воскликнул Иккинг. — НЕТ! НЕТ!
НЕТ!

— Да, — отозвалась ведьма. — Ибо Элвин прямой потомок Головореза, родоначальника Вероломных. Без сомнения, пророчество говорит о нем.

— А как насчет других наследников Черноборода? — осторожно

поинтересовался Иккинг. — Его потомков от Обалдуя? Не может ли пророчество относиться к кому-нибудь из НИХ?

Ведьма издала мерзкий звук, словно какую-то гадость сплюнула.

— Нет, к ним оно относиться никак не может... в пророчестве речь идет о человеке *умном*, а они идиоты, все как один... сильные, но глупые. В соответствии с предначертанным, последний из них, дуралей Стоик Обширный, женился на Гримхильде Бестолковой, и у них родилось трое обнадеживающе глупых детей.

— То есть Стоику не предначертано было жениться на Валгаллараме? — пискнул Иккинг.

— Валгаллараме Белорукой? — оживившись, уточнила ведьма. — Нет, Валгалларама была с рождения предназначена Неимоверному Крутняку, Великому Герою... — Голос ее щелкал во мраке дупла, словно бич. — Итак... я была права... нечто случилось и помешало предначертанному исполниться... Произошло какое-то вмешательство? — спросила она Иккинга. — Некая СЛУЧАЙНОСТЬ? Что это? Что это? Что это?

Ведьма шипела, как целое змеиное гнездо.

— Нет-нет, — поспешно заверил Иккинг. — Если подумать, Стоик

Обширный, *разумеется*, женат
на Гримхильде Бестолковой...*

Но было слишком поздно.

История сделала свое дело.

Захваченный ее властью, Иккинг выдал
себя и свое происхождение.

— Дай угадаю! — взвизгнула ведьма зло-
радно. — Дай угадаю! Ты, — зашипела она,
и голос ее сочился жгучей ненавистью и тор-
жеством, — ты Третий Иккинг... Ты Мальчик-
Которого-Не-Должно-Было-Быть... Ты тот, кого
судьба послала мне, чтобы я прикончила и съела
тебя во мраке... ТЫ ИККИНГ... КРОВОЖАДНЫЙ...
КАРАСИК... ТРЕТИЙ.

— Да, — сказал Иккинг, начиная дрожать. —
Да, но...

— Я ВЫИГРАЛА! Я ВЫИГРАЛА! — завопила
ведьма в восторге.

— Подожди! — настойчиво сказал Иккинг. —
У меня тоже есть догадка!

— И о чем же, — язвительно поинтересова-
лась ведьма, — ты догадался?

---

* Но *разумеется*, Иккинг знал, что Валгалларама так
и не вышла за Неимоверного Крутняка. Вместо этого
она вышла за Иккингова отца, Стоика Обширного.
И не кто иной, как Элвин, помешал исполниться
предначертанному. Если хотите узнать как, вам
придется прочесть пятый том мемуаров «Как
разбудить дракона».

— Ты... — начал Иккинг Кровожадный Карасик III. В голове у него проносились тысячи имен в секунду. — Ты...

— Я жду-у-у, — провыла ведьма.

— Ты... — повторил Иккинг Кровожадный Карасик III, и тут в блистательный миг озарения в голове у него вспыхнуло одно-единственное имя, неизвестно откуда. — Ты... мать Элвина.

Ведьма испустила вопль ярости.

— ПРАВИЛЬНО? — выкрикнул Иккинг в темноту вокруг. — ПРАВИЛЬНО?

— Правильно... — прошипела ведьма. Тихий, умирающий звук.

— И ЧТО НАМ ТЕПЕРЬ ДЕЛАТЬ? — крикнул Иккинг.

Молчание.

— Э-ЭЙ? — Он покрепче перехватил меч и попытался взглянуть в ужасную темноту со всех сторон. — ЧТО НАМ ТЕПЕРЬ ДЕЛАТЬ? Э-ЭЙ?

Тишина. Страшный холод охватил Иккинга. Он понял, *что* им теперь придется делать.

Его окружал абсолютный мрак. Такой черный, словно он ослеп.

Каждый имел право убить другого.

Но у ведьмы преимущество: она-то в темноте видит.

— Я-а ту-ут... — пропел ведьмин голос.

Иккинг резко развернулся кругом.

«Ох, ради Тора. Ради Тора...»

Иккинг сделал выпад.

Звук ведьминоного смеха.

— За спино-о-о-ой... — пропела страшная соседка из совсем другой части темницы в древесном стволе.

Иккинг крутанулся, пырнул мечом и попал в воздух.

Он замер в темноте, тяжело дыша и истекая потом. Она где-то здесь.

Но где?

Тишина.

Иккинг снова развернулся и нанес удар.

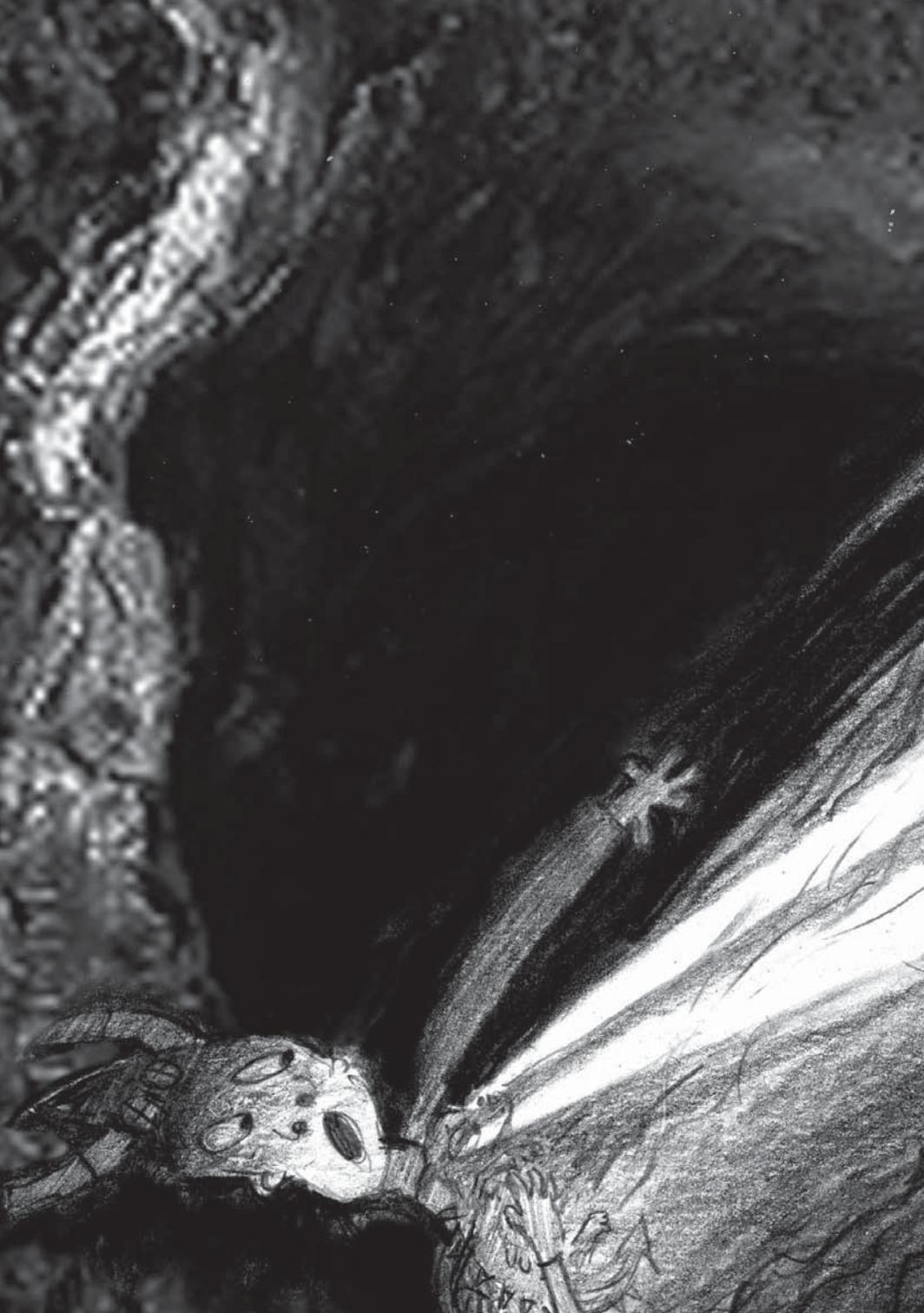
Ничего.

Она близко, она близко, он *чувствовал*, что она близко...

Уж запах-то ее он всяко чуял. Вот она, совсем рядом... Мальчик со всхлипом размахнулся и, потеряв самообладание, пошел рубить во все стороны. Но меч не встретил ничего, кроме пустой темноты. Ужас черными жуками пополз по голове, и тут... легонько фыркнув тоненькой струйкой дыма, наконец проснулся Беззубик.

Глаза у дракончика все время, пока они сидели в дереве, оставались закрыты.

А теперь веки резко поднялись, и темноту пронзил хрупкий свет...

...и осветил высокую прямую фигуру омерзительно ухмыляющейся ведьмы. Она стояла прямо над Иккингом, вскинув меч, готовая обрушить клинок ему на голову.

Еще секунда — и Иккинг бы погиб.

Но ведьма не видела света двадцать лет.

И свет Беззубиковых глаз ослепил ее, словно кислота.

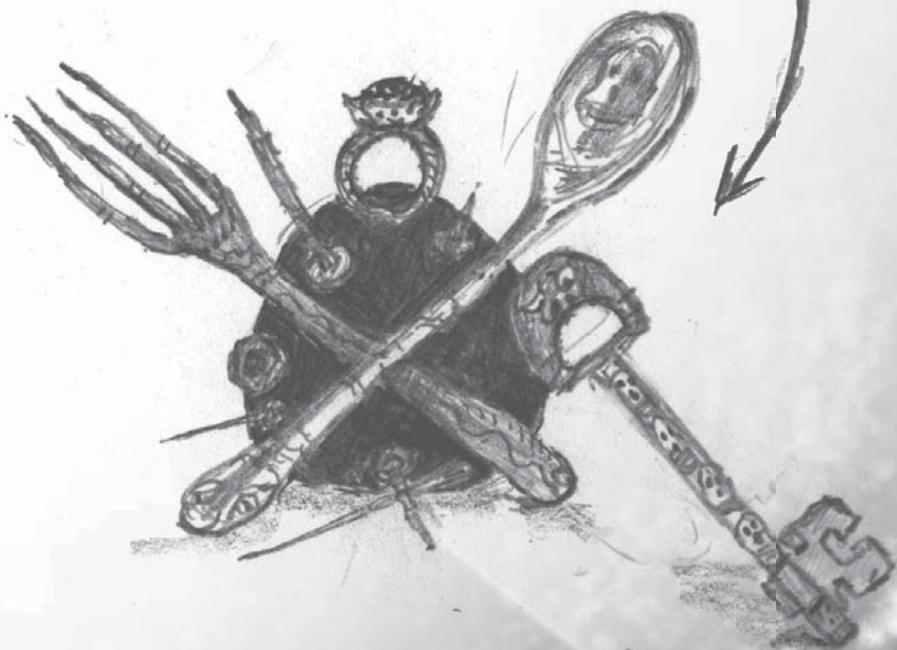
Ведьма испустила жуткий вопль, выронила оружие и закрыла глаза ладонями. Воя от боли, она принялась тереть и царапать веки.

Сам не свой от страха, Иккинг заозирался в поисках выхода из дерева-тюрьмы. Любым путем — только бы выбраться отсюда.

Свет, сочившийся из полуоткрытых Беззубиковых глаз, озарил не видевшие света двадцать лет беспорядочные кучи тряпья, бутылок, ножей, прялок, обглоданных костей и вещей рун.

А на полу, у самых ног Иккинга, валялась занятная коллекция металлических шуток-вин, совсем недавно покоившихся в брюшке у Беззубика.

И среди
этих
штуковин
был
ключ.

15. БОЛЬШОЕ СПАСИБО ИСТЕРОИДАМ

Пока ведьма выла, зажав глаза, Иккинг торопливо нагнулся и подобрал камень с налипшим ключом.

— Только не закрывай глаза, Беззубик! — крикнул он и рванул к лестнице.

Разумеется, это мог оказаться какой угодно старый ключ.

Ключ от Стоикова оружейного шкафа, или от Драконюшен, или от большого сундука у Стоика под кроватью, где вождь хранил меч и другие ценные вещи.

Но Иккинг вдруг припомнил, где Беззубик проглотил данный конкретный ключ.

В Зале Собраний Норберта Сумасброда*.

Сумасброды с Истории были мечтателями и изобретателями, каких больше не сыщешь на всем архипелаге.

«Если бы я захотел построить себе на Берсерке великую тюрьму, — думал Иккинг, — кого бы я позвал в работники?»

---

* Об этом можно прочитать в четвертом томе мемуаров, «Как перехитрить дракона».

Истероида, вот кого.

Поэтому Иккинг схватил ключ и вскарабкался по обтрепанным ступенькам болтающейся и провисающей веревочной лестницы. Полусонный Беззубик скулил и цеплялся ему за плечо. А следом, воя, как сирена, лезла слепая ведьма.

Стуча зубами от страха, Иккинг добрался до верха лестницы и дрожащими пальцами оторвал ключ от волшебного камня.

Ведьма ползла за ним по пятам, испуская пронзительный потусторонний визг.

Иккинг вставил ключ в замок запертой крышки люка.

Костлявые пальцы сомкнулись у него на лодыжке.

Ключ повернулся, крышка распахнулась.

И свет полной луны ударил ведьме в лицо.

Старуха снова заверещала — свет смял ее, как лист бумаги. Иккинг дрыгнул ногой, и ведьма полетела обратно в темноту. А мальчик рванулся вверх и наружу, к лунному свету, захлопнул дверь и — ХЛОП! КЛАЦ! — ЗАКРЫЛ ВЕДЬМУ ВНУТРИ.

Иккинг всем телом навалился на крышку люка и прижал ее, словно желая удостовериться, что она закрыта. Он стоял, тяжело

дыша, распялившись морской звездой, и хватал ртом воздух — драгоценные полные глотки сладкого, пронизанного лунным светом воздуха.

«Ох, хвала Тору. Хвала Тору».

Иккинг прислушался, но снизу не доносилось ни звука.

Полная тишина.

Наверное, ведьма убилась.

«Мать Элвина...»

События последних двух часов пока толком не укладывались в голове.

Но они все объясняли.

Он припомнил слова бабушки. Как-то раз Старый Сморчок сказал ему, что чем круче Герой, тем больше перед ним препятствий. Старик называл это «пройти Трудный Путь и стать Героем».

Тогда Иккинг ему не поверил.

Но теперь он многое о себе узнал.

Пророчество о Короле Дикозапада вполне могло относиться к нему, маленькому, тощему Иккингу, недомерку Хулиганского племени. Такая вероятность имелаась, и он ее принял.

Но сейчас для него все это было чересчур.

Ему хотелось забыть услышанную историю.

Если ведьма мертва, то никому, кроме него, о пророчестве не известно. А он уж точно никому рассказывать не собирался.

На миг Иккинг позволил себе насладиться блистательной победой над ведьмой.

И тут вспомнил, что Камикадза по-прежнему заперта где-то в этом лесу.

Как ее найти?

Вдобавок жуткое буханье собственного сердца напомнило ему о Рыбьеное и Неимоверном. Другей вот-вот скормят Зверю на кошмарной церемонии человеческого жертвоприношения...

Беззубик забрался хозяину на грудь и широко зевнул, выставив раздвоенный язычок. Малыш окончательно проснулся и понятия не имел о только что разыгравшейся драме.

— У-ух! — весело воскликнул дракончик. — Б'бе-беззубик поспал, и теперь ему г'го-го-раздо, г'го-гораздо лучше. — Он довольно потянулся. — Б'бе-беззубик даже ГОЛОДНЫЙ. Вот. А ч'что м-мы делаем? Устраиваемся на ноч'члег?

Вокруг них плотными мгристо-серыми полосами начали собираться страшуки — от Иккинга после битвы с ведьмой так и разило страхом.

— Мы знаем, тебе стра-а-ашшно... — пели они своими шепчущими голосками. — На-ас не обма-а-анеш-шь...

Мальчик распластался на двери, прижавшись к ней спиной. Беззубик приблизил мордочку вплотную к лицу Иккинга, нежно положив две передние лапки на обе щеки хозяина.

— Где мы? — с интересом спросил дракончик. — Б'бе-беззубик думает, это не очень хорошее место для ноч'члега. Оно малость жутенькое, — добавил он доверительно. — Ты не заметил?

Иккинг рассмеялся, несколько нервно.

— Да, Беззубик. Я заметил.

— По-пойдемдомой? — предложил Беззубик.

— Да, пойдём домой, — согласился Иккинг. —

Только сначала надо вызволить остальных.

Он в последний раз всем телом навалился на решетку, словно надеясь спрятать за ней все, что узнал там внизу, в темноте дупла с ведьмой, и никогда не выпускать.

А затем убрал меч в ножны и побежал по шатким веревочным мостам.

Беззубик летел следом и пищал:

— Остальных? Ка-каких еще остальных? А нам-то ч'что? С нами-то все в порядке...

Увы, драконы часто бывают эгоистичны.

И вдруг малыш увидел собственное пузико, взвизгнул и заскулил:

— Айийй! С нами НЕ все в порядке! Б'бе-беззубик р-р-ранен!

— Все с тобой хорошо, Беззубик, уже хорошо, — утешил его Иккинг. — Это просто ведьма, которая живет в дереве, тебя по-чихала...

— ВЕДЬМА, КОТОРАЯ ЖИВЕТ В ДЕРЕВЕ, ПОЧУЖИКАЛА Б'БЕ-БЕЗЗУБИКА?! — вскричал дракончик с круглыми от ужаса глазами. — Почему ты ее не-не-не осстановил? Твое дело — присматривать за Б'бе-беззубиком!

— Потому что... потому что... Беззубик, это очень длинная история, потом объясню...

— Ка-а-амика-а-адза! Ка-а-амика-а-адза! — позвал Иккинг так громко, как только осмелился. — Ка-а-а-а-а-амикадза! — снова крикнул он. — Ка-а-а-а-а-амикадза!

Лес в ответ молчал.

— Без толку, — признался через некоторое время Иккинг Беззубику. Они на минутку остановились передохнуть, потому что у него закололо в боку. — В этом проклятом лесу ТЫСЯЧИ И ТЫСЯЧИ деревьев, и все они выглядят совершенно одинаково.

«И вдобавок мы заблудились», — мысленно добавил он.

Беззубик не отозвался. Он был слишком занят поеданием чего-то, сидя на перилах веревочного моста.

— В смысле, как мы ее **ВООБЩЕ** найдем? — отчаянно продолжал Иккинг, переводя дух. — С тем же успехом можно искать на берегу определенного вида планктон.

Просто у меня ужасное ощущение, что, возможно, это **НАКОНЕЦ** тот раз, **НАКОНЕЦ** то приключение, где мне изменила удача... Беззубик! Что ты ешь? — сердито крикнул он. — Не могу поверить! Ну ничему тебя жизнь не учит! **ЭТО СЪЕДОБНО?**

— Да нормальное оно! — взвыл Беззубик. — Зззлой хозяин зря сердится на б'бе-бедного Б'бе-беззубика. Смотри! Не жжжелез'зяка! Это б'бе-береговичок!

Он протянул Иккингу обглоданную добычу.

Это действительно оказался моллюск-береговичок, любимое лакомство всех охотничьих драконов. Они засовывают когти в ракушки, выковыривают их обитателей и глотают живьем, словно извивающиеся конфеты.

Отвратительно, но это правда.

Иккинг снял с Беззубикова когтя маленькую коричневую ракушку.

— **Береговичо-ок?** — протянул он задумчиво.

Береговички живут в море, а не на высоте в пятьдесят метров в кронах деревьев.

— **Как этот береговичок попал сюда, наверх?** — задал он вопрос.

— **Да здесь их к-ку-куча...** — отозвался Беззубик, услужливо показывая крылышком на гнилые и замшелые доски подвесного моста.

Так оно и было.

Иккинг бы и сам заметил, но он был слишком занят, осматривая деревья и выкликивая Камикадзу. Теперь благодаря остроглазому Беззубику он увидел, что они повсюду.

Прерывистый след из крохотных береговичков, поблескивающих в темноте теплыми коричневыми спинками ракушек.

Разбросанных по мосту через случайные промежутки, словно тропинка, ведущая куда-то...

И, замороженно глядя на них, Иккинг снова подумал о волшебной сказке. Там мальчика вели в лес к домику ведьмы, а он оставлял след из мелких белых камушков, чтобы найти дорогу назад.

Камикадза всегда держала в кармане мешочек с береговичками, чтобы угощать свою дракониху, Буримуху.

Что, если Камикадза тайком бросала береговичков, когда ее вели в темницу? Чтобы ее могли отыскать?

Камикадза была изобретательна и соображала так же быстро, как Иккинг. Она вполне могла додуматься до такого...

И мальчик, воспрянув духом, поспешил по следу из береговичков по извилистым подвесным мостам. Порой след пропадал ненадолго, но, если хорошенько поискать, всегда находился очередной береговичок, пусть и в отдалении.

Беззубик, конечно же, решил, что это замечательная игра.

— **Не ешь этих береговичков!** — предупредил Иккинг. — **Они нам понадобятся, чтобы найти дорогу обратно к деревне Берсерков.**

Наконец ракушки однозначно кончились у дерева гораздо меньше того, которое Иккинг некоторое время делил с маменькой Элвина.

С выпрыгивающим из груди сердцем Иккинг принялся лихорадочно обшаривать плящ.

И вот она: дверь, врезанная в ствол.

Иккинг, молясь богу-хитрецу Локи, чтобы ключ подошел, вставил его в замок.

Он повернул ключ... и, как мальчик и надеялся, это действительно оказалось одно из чудесных изобретений племени Истероидов — ключ, открывающий все замки...

Он мысленно возблагодарил Истероидов. Хотя большинство из них были напрочь безголовые и очень опасные психи, по части изобретательства им не было равных*. Раздался громкий щелчок, и дверь со скри-и-ипом распахнулась.

Внутри оказался люк, и Иккинг поднял его. Он наклонился и крикнул, словно в колодец:

— КАМИКАДЗА! КАМИКАДЗА! КАМИКАДЗА?

---

* Чтобы узнать больше об их изобретениях, читай седьмой том мемуаров «Как разозлить дракона».

Сначала никто не ответил.

А вдруг ее там нет, вдруг он неправильно понял, вдруг опоздал...

Но тут раздался вопль радости и пошел гулять, отражаясь от стен.

Вопль, издать который способен только один человек...

И точно, спустя минуту из люка высунулось азартное Камикадзино личико, обрамленное невероятно спутанными волосами.

— Иккинг Кровожадный Карасик Третий, — улыбнулась девочка с откровенным облегчением.

— Камикадза, — улыбнулся Иккинг.

— Честно говоря, — произнесла Камикадза, напустив на себя беззаботный вид, стоило ей только выпрыгнуть из дерева и отряхнуться, — я правда СТРАШНО рада тебя видеть. — (В устах Камикадзы такое заявление равнозначно крепкому объятию с отчаянными рыданиями.) — Мне доводилось бежать практически со всех островов

Честно говоря,
я СТРАШНО рада
тебя видеть...

архипелага, но в этой тюрьме я не могла вскрыть замки, ни один из моих ключей не подходил, копать было некуда, а темнота такая, что уже начала действовать мне на нервы... Это не значит, что я испугалась... — напористо перебила она сама себя.

— Нет-нет, разумеется, нет, — быстро произнес Иккинг.

— Но это было очень... — Девочка не договорила и слегка вздрогнула.

К счастью, Камикадза не умела долго расстраиваться. Она была как резиновая лента, которая, сколько ее ни растягивай, всегда — чпок! — становится как раньше. Через две секунды после добавления к юной Бой-бабе вернулось обычное начальство.

— Ну, то есть рано или поздно я бы додумалась... Но все равно это было весьма впечатляюще... для *мальчишки* и для Хулигана, конечно... Я что хочу сказать... спасибо. — На этом Камикадза умолкла — слова у нее закончились.

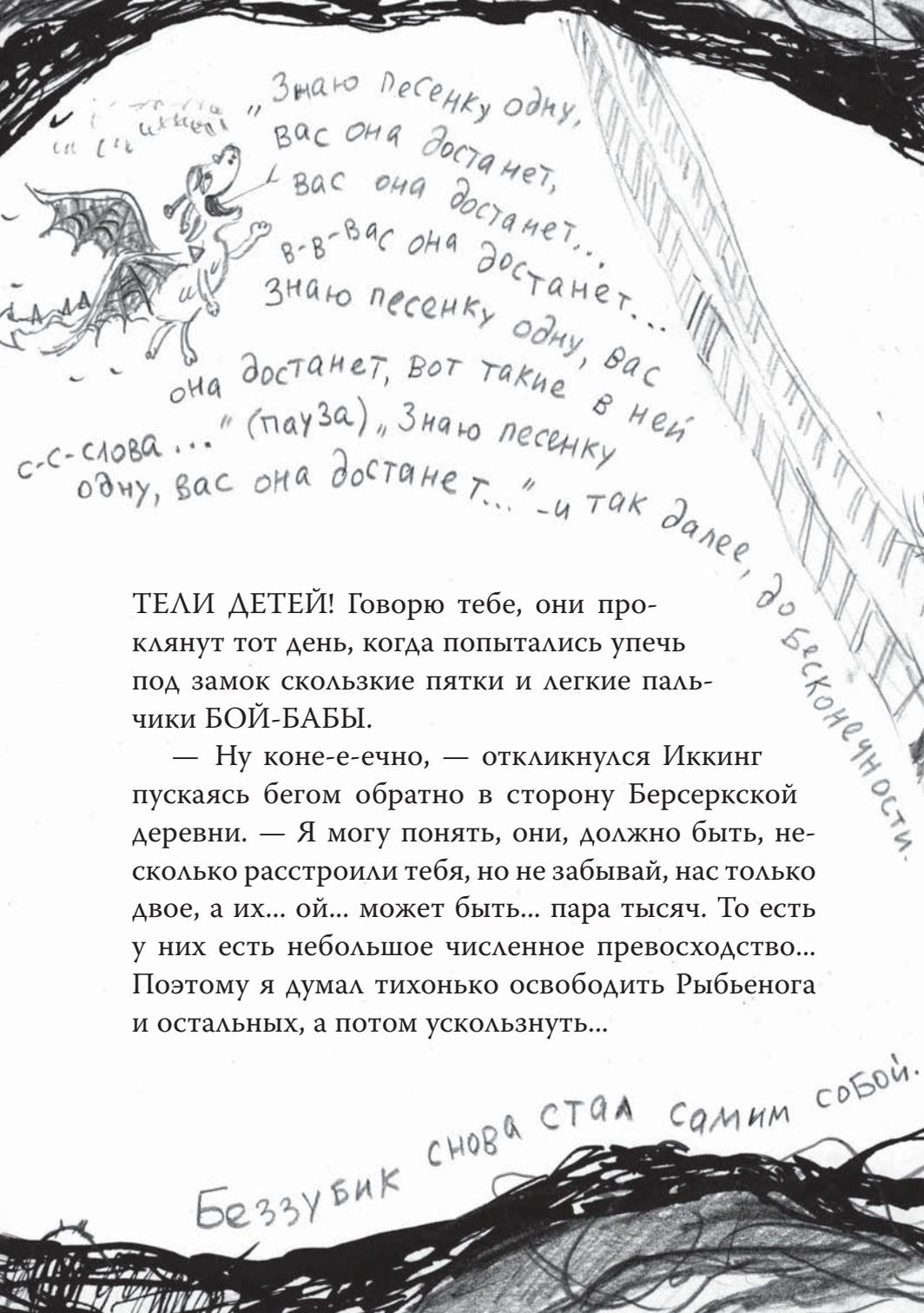
— На здоровье, — отозвался Иккинг. — Пусяки, не бери в голову.

— А теперь, — заявила девчонка, вытаскивая меч, — я собираюсь поохотиться за СТРОм. Это ОН меня поймал и приволок сюда. И он забрал мою Буримуху к себе в Страхолюдский замок.

— Да, похоже, СТР избавляется от врагов руками Берсерков, — согласился Иккинг. — Но сначала, боюсь, нам придется как можно скорее вернуться к ним в деревню. Рыбьеног немножечко влип...

— О боги! — воскликнула Камикадза. — Отлично, сделаем небольшой крюк. Я как раз в настроении пустить Берсеркам кровь, скажу тебе... Ох уж эти мне обмотанные цепями, тухлоголовые, лунозависимые ПОХИТИ-

Знаю песенку одну,
вас она достанет,
вас она достанет,
в-в-вас она достанет...
Знаю песенку одну, вас
она достанет, вот такие в ней
с-с-слова... " (пауза) " Знаю песенку
одну, вас она достанет... " - и так далее, до бесконечности.

ТЕЛИ ДЕТЕЙ! Говорю тебе, они проклянут тот день, когда попытались упереть под замок скользкие пятки и легкие пальчики БОЙ-БАБЫ.

— Ну коне-е-ечно, — откликнулся Иккинг пускаясь бегом обратно в сторону Берсеркской деревни. — Я могу понять, они, должно быть, несколько расстроили тебя, но не забывай, нас только двое, а их... ой... может быть... пара тысяч. То есть у них есть небольшое численное превосходство... Поэтому я думал тихонько освободить Рыбьеного и остальных, а потом ускользнуть...

Беззубик снова стала самим собой.

— Две тысячи Берсерских тушек! —
яростно вскричала Камикадза. — Я пе-
ребью их ВСЕХ! Начну с самого жирно-
го и прорублю себе дорогу насквозь!

— Успокойся, Камикадза. Все складывается неожиданно хорошо. Полчаса назад положение казалось совершенно отчаянным, но теперь... Беззубик вылечен, я удрал от ведьмы и нашел тебя. Надеюсь, моя удача повернулась к этому Геройскому Походу лицом. Поэтому держи меч в ножнах, и давай просто выкрадем пленников, ладно? Думаю, у нас еще есть время...

— Можно, я хоть одного убью, ну хоть самого малюсенького Берсерка, а? — попросила сильно разочарованная Камикадза. — Ну же, будь человеком. Там было так темно, и они действительно конченные злодеи.

И вот двое друзей следовали по цепочке из блестящих береговичков через лабиринт веревочных мостов обратно к спящей деревне Берсерков. В их сердцах (по крайней мере, в сердце Иккинга) крепла надежда на счастливое для всех завершение этого Похода, желательно без кровопролития.

Возможно, он был бы не столь воодушевлен, если бы мог видеть дверь в ведьмином дереве, которое покинул двадцать минут назад.

Надо было запереть дверь за собой.

Как он мог об этом забыть?

Потому что теперь из-под люка скреблись.

Это могли быть мыши или крысы — или костлявые ведьмины пальцы.

И вот медленно-медленно люк открылся.

И из него выглянули два глаза, сощуренные
и слезящиеся от боли, вызванной лунным светом.

Ведьма была ЖИВА.

Фамильное древо Хуманов

ЧЕРНОБОРОД ОГОЛАТЕЛЬ
*Да Трелетт Великий, Кня Услыши
Его Милы, Кня, Гя, Вожди, Мелени
Хуманов И Корови Дирозанада*

ЧИНХИЛЬДА
*Королева Дирозанада
и князьяк берега
Разбитого Сердца*

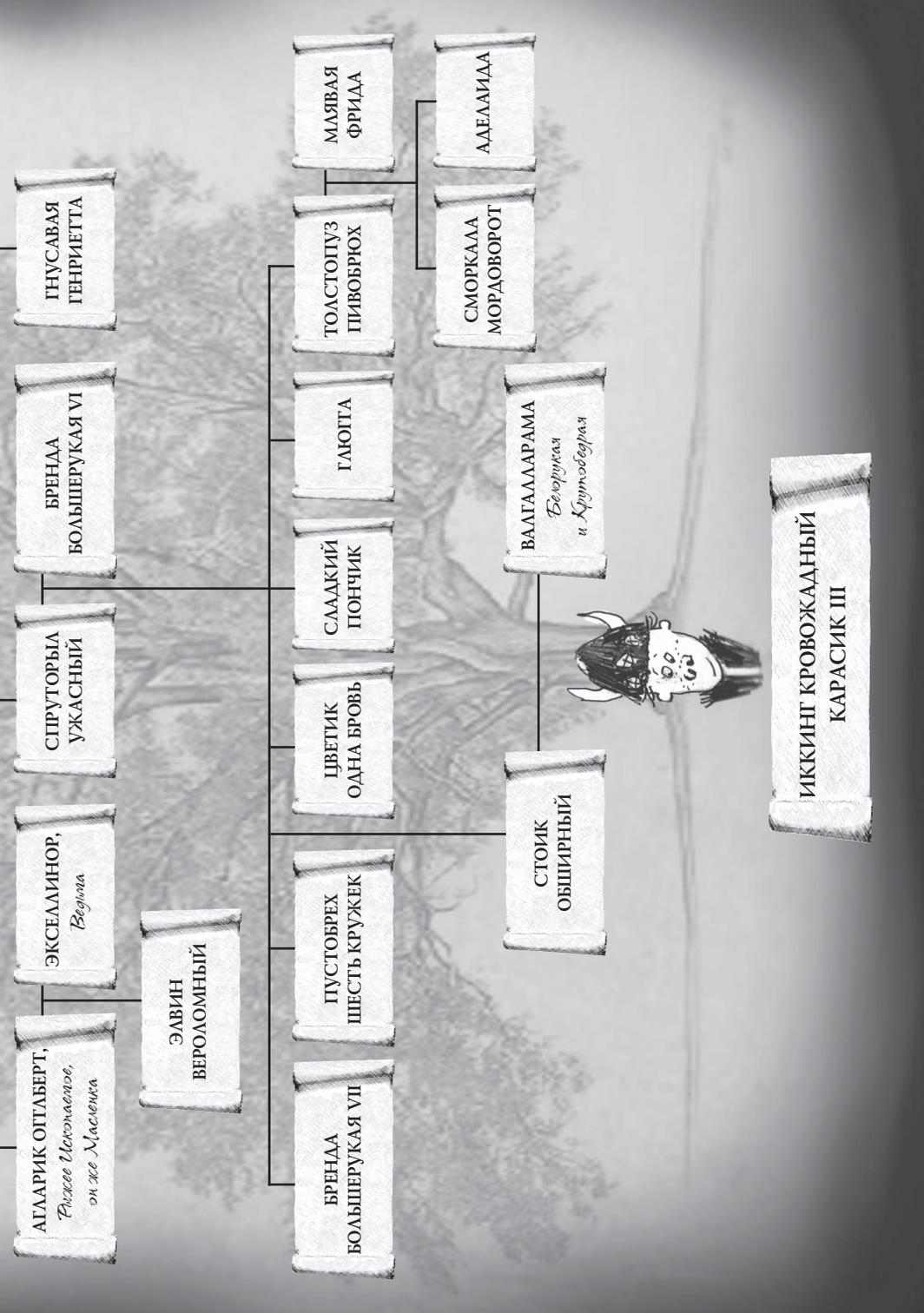
ГОЛОВОРЕЗ,
*основатель и вожди
Вероломного мелени*

ЯВБЕДАНТА
*Осирото Ножка
и Скользящи Путьей*

ОБАЛАДУИ

БАФФИНТРУДА,
Цеток Задиц

ИККИНГ КРОВОЖАДНЫЙ
КАРАСИК П,
законитель драконов

16. ЗАПОЛНОЧНАЯ ЦЕРЕМОНИЯ

Иккинг с Камикадзой бежали со всех ног, следуя цепочке береговичков, обратно по лабиринту подвесных мостов. Беззубик летел за ними в несколько более замедленном темпе и поедал береговичков, которых они оставляли за спиной.

Один раз нога Иккинга провалилась сквозь стгнившую планку моста, но все обошлось. Чем ближе они подбирались к деревне Берсерков, тем меньше надежды оставалось у Иккинга. Они поспевали впритык к началу церемонии.

Полная луна сияла ярко и выжидающе, драконы на деревьях снова болтали, и даже пчелы, в последние полчаса сонные и притихшие, жужжали с новой настойчивостью и возбуждением, словно вот-вот произойдет нечто важное.

— Быстрее, быстрее! — крикнул Иккинг Камикадзе. — Мы еще можем успеть....

Конечно, они не опоздают. Ведь уже все почти совсем в порядке...

Но когда Иккинг и Камикадза, сопя и пыхтя, чумазые и оборванные, наконец добрались до моста,

ведущего прямо в деревню Берсерков, вокруг вдруг загалдели страшуки:

— **Подъем! Подъем! Заполночь! Заполночь!**

Иккингу не хватило всего каких-то пяти минут, чтобы отпереть клетки и ускользнуть в темноту незамеченным вместе с прочими пленниками.

Он опоздал.

Иккинг бросился через последний мост и пронесся по заросшей мхом древесной платформе к клеткам, где уже проснулись Неимоверный Крутяк, Рыбьенег и остальные женихи.

Жених № 1:

— Гляньте! Последний жених! Похоже, он возвращается!

Жених № 3:

— Не туда идешь, парень! Эти психи просыпаются. Беги, пока не поздно!

Жених № 1:

— **ВОТ-ВОТ!**

Жених № 3:

— **ЗОЛОТЫЕ СЛОВА...**

Жених № 5:

— **ТОЧНО!**

— Что ты делаешь, Иккинг? Поворачивай назад! — крикнул Неимоверный Крутяк.

— Разве что, конечно, у тебя есть план... — вставил Рыбьенег откуда-то из глубины клетки,

настолько облепленной страшуками, что она казалась живой и покрытой бледно-серым мехом. — **ОЧЕНЬ-ОЧЕНЬ-ОЧЕНЬ** хитроумный план...

Иккинг видел, как в домах зажигаются факелы. Слышались крики «**ОБЩИЙ СБОР!**» и лязг цепей, из дверей показывались руки и ноги.

Отпереть клетки времени не осталось.

— Камикадза! Вали домой! — крикнул Иккинг.

— И пропустить все веселье? С чего это ты раскомандовался?! — жарко возразила Камикадза. — Сам домой вали!

— Ладно, тогда полезай на дерево или еще куда, только спрячься!

Камикадза с кошачьей ловкостью взметнулась по ближайшему стволу, а Иккинг запрыгнул обратно в свою клетку и торопливо заперся изнутри особым ключом.

— **Чотыделаешь? Ч-ч-чотыделаешь? Не т-т-туда!** — в тревоге запищал Беззубик.

И пока хозяин набрасывал на голову звериные шкуры и заковывал себя обратно в кандалы, Беззубик вился вокруг его головы в страшном беспокойстве.

— **Ты должен бежать! А это НЕ побег! Побег — это когда НАРУЖУ! А не ВНУТРЬ!**

Еле успели. Из хижин вышли зевающие спросонок Берсерки, и один особенно большой и толстый, настолько покрытый цепями, что едва мог идти,

протрубил в круто завитой рог метровой длины и заорал:

— ЗАПОЛНОЧНАЯ ЦЕРЕМОНИЯ... НАЧИНАЕТСЯ!

Свою висячую деревню Берсерки построили вокруг лесной прогалины. Мосты окружали ее замкнутыми кольцами, образуя своего рода воздушный амфитеатр, откуда открывался прекрасный вид на церемонию.

Бренча и болтая, сотни Берсерков пробирались к своим местам по подвесным мостам.

— ПРИГОТОВИТЬ ЖЕНИХОВ! — крикнул главный Берсерк, и топ, ТУК, топ, ТУК, топ, ТУК, бамс-блямс — Элвин Вероломный приблизился к клеткам.

И тогда Иккинг, внутренне злорадствуя, резко сел, замотанный в цепи до состояния маленькой металлической мумии.

— А-А-А-А-А-А-А-А-АРГХ!!! — захрипел Элвин Вероломный и отпрянул, словно укушенный. Единственный глаз его вылез на лоб. — ЧТО... Как ты... Когда ты... Ты же должен... ЧТО ты здесь делаешь???

Иккинг зевнул.

— Ну, я тусуюсь тут в ожидании, пока меня убьют на этой вашей зловещей Заполночной Церемонии, конечно, — отозвался он. — А ты чего от меня ожидал? Что я в шахматы буду играть? Искать птичьи яйца? Отрабатывать выпады на мечах? Когда

сидишь скованный в клетке, мало чем можно заняться, знаешь ли.

— Но... но... но... но... — заикался Элвин Вероломный, таращась на Иккинга, как на привидение.

— ПОТОРОПИСЬ, АЛЬФОНС! ДАВАЙ ПЕРВУЮ ЖЕРТВУ! — проорал главный Берсерк.

Загрохотали барабаны. Те самые барабаны, которые Иккинг слышал на берегу Разбитого Сердца. Казалось, это было в прошлой жизни.

Все племя Берсерков высыпало посмотреть на церемонию. Они выстроились на мостах и переходах, возбужденно потрясая цепями, воя на луну и вообще создавая невероятный гвалт. Некоторые уже начали впадать в неукротимую берсеркскую ярость. Один или двое окончательно взбесились от возбуждения, перепрыгнули через перила моста и ухнули в глубину.

Вскоре Берсерки принялись топать в унисон по висячим мостам, скандируя в такт барабанному бою:

— ЗА-ПОЛ-НОЧЬ! ЗА-ПОЛ-
НОЧЬ! ЗА-ПОЛ-
НОЧЬ!

А затем еще громче:
— ЗА-ПОЛ-НОЧЬ! ЗА-ПОЛ-НОЧЬ! ЗА-ПОЛ-НОЧЬ!

И еще громче:
— ЗА-ПОЛ-НОЧЬ! ЗВЕ-РЮ КОРМ! ЗВЕ-РЮ КОРМ! ЗВЕ-РЮ КОРМ!

ЗВЕ-РЮ
КОРМ!

Однако жуть нагонял не поднятый Берсерками шум, а другой звук.

Из зеленого моря листвы вниз на прогалине доносилось низкое ворчание — алчный рык и хрю-

канье голодного Зверя, скрытого внизу и знающего, что пришло время кормежки. У Иккинга сердце перекувырнулось в груди, когда он осознал, что вовсе не хочет пойти на корм чудовищу. Но было слишком поздно.

В честь торжества главный Берсерк снял часть своих цепей. Он вскинул руки, призывая к тишине.

— О могучий Тор, — заорал старый псих, — услышь голоса земных безумцев! Время кормить Зверя в сердце чащи. Прими эту жалкую жертву и сделай нас такими же сильными и неукротимыми в бою, как ты сам! Твое здоровье!

И Берсерк поднял к полной луне кубок с хмельным напитком, сваренным из меда берсеркских пчел.

Поняв, что конец близок, женихи решительно настроились перещеголять друг друга в храбрости. Рук они поднять не могли, но бросались на прутья клеток, выказывая стремление пойти первыми.

Жених № 3:

— МЕНЯ ПЕРВЫМ! МЕНЯ! МЕНЯ!

Жених № 1:

— В очередь, ты! Меня первым поймали!

Жених № 10:

— Значит, ты справился хуже всех, а первым должен идти я! Мое сердце вдребезги разбито, и я умру счастливым во имя любви к принцессе Яриссе!

Жених № 1:

— Закрой варежку, выпендрожник...

И так далее.

— ЗАТКНИТЕСЬ! — заорал Элвин, в ярости позабыв про французский акцент.

Вероломный предпочитал, чтобы жертвы жалобно молили о пощаде, а одиннадцать возмущительно благородных женихов изрядно взбесили его спорами о том, кто достоин умереть первым.

— Первым пойдет этот парень, — злорадно заявил Элвин. — НА СЕЙ РАЗ я должен убедиться, что крысеныш умер по-настоящему.

Иккинга вытащили и поволокли к другой клетке, которая висела на длинной веревке, пропущенной через ворот. Иккинга крепко привязали внутри клетки вниз головой и захлопнули дверцу. (Берсерки рисковать не собирались.)

Элвин собственноручно запер замок.

— Прощай, Иккинг Кровожадный Карасик Третий, — прошептал Элвин Вероломный, помахав здоровой рукой висящему вверх тормашками Иккингу.

— Я бы сказал, до встречи в Валгалле, — отозвался Иккинг сквозь стиснутые зубы, — но ты туда вряд ли попадешь.

Элвин рассмеялся и хлопнул по клетке:

— Пошел!

К восторгу зрителей-Берсерков, клетку приподняли, а затем медленно вынесли над плотным кругом зеленого подлеска на своеобразном коромысле.

И тут Берсерки принялись ритмично раскачиваться взад-вперед и напевать под нос, а клетка медленно-премедленно стала опускаться в чашу.

— Ой, ради Тора... — ахнула Камикадза, черным котенком припав к ветке дерева. — Как же он намерен оттуда выбраться?

— Что происходит?! — кричал Рыбьеног.

Слой стращукон в шесть штук толщиной не давал ему разглядеть церемонию.

— Урра-а! — гаркнул Неимоверный Крутняк.

— Он удрал? — обрадовался Рыбьеног, окрыленный надеждой.

— Нет-нет, — отозвался Неимоверный. — Но он держится так ХРАБРО! Какой Герой! Знакомство с ним было честью для меня!

Клетка ехала все вниз, вниз, вниз... Внутри раскачивалась крохотная перевернутая фигурка Иккинга, словно подвешенная на жердочке связанная птица. Вокруг растерянно порхал Беззубик. Стращуки осадили клетку со всех сторон.

Вниз, вниз, вниз...

На миг клетка зависла над волнующимся зеленым листовным морем, словно дразнящий червячок над самым носом форели или щуки.

Приманка дергалась и приплясывала.

— ЗВЕ-РЮ КОРМ! ЗВЕ-РЮ КОРМ! ЗВЕ-РЮ КОРМ! ЗВЕ-РЮ КОРМ! ЗВЕ-РЮ КОРМ! ЗВЕ-РЮ КОРМ! ЗВЕ-РЮ

Прощай, Иккинг
Кровожадный Карасик
Третий...

КОРМ! ЗВЕ-РЮ КОРМ! ЗВЕ-РЮ
КОРМ! ЗВЕ-РЮ КОРМ! — хором
скандировали Берсерки, одновре-
менно воя и барабана.

Они перегибались через ограждения, вглядываясь в листву внизу.

Камикадза наблюдала со своего насеста на ветке дерева.

— ДАВАЙ, ИККИНГ, ДАВАЙ! — возбужденно орала она.

Такова была ее вера в Иккинга — она действительно не сомневалась в его способности выбраться откуда угодно.

И другие глаза тоже наблюдали.

Ведьмины глаза, прячущиеся в тенях, настороженные, уже чуть привыкшие к лунному свету и с каждой минутой прозревающие все больше...

Тем временем Иккинг извивался в цепях, пытаясь липкими от пота и ужаса пальцами отпереть свои замки волшебным ключом. Он занялся этим, как только его начали опускать в чашу.

Действовать, вися вверх ногами, оказалось трудно — подобный вариант он на тренировках не отрабатывал, — а рев голодного Зверя внизу ужасно отвлекал, не говоря уже о мечущемся по клетке Беззубике, лезущем под руку с писком:

— Ты попал! Ты п-попал! Ой, по-попал!

И вот клетка достигла темноты древесного полога, а Иккингу пока удалось отпереть только половину оков. План трещал по швам.

По расчетам Иккинга он должен был к тому времени сбросить все цепи. Иначе он не успеет отпереть дверь клетки.

Но жизнь несовершенна, и клетка опускалась все ниже, ниже и ниже. Иккинг сбросил очередную цепь и отчаянно принялся возиться со следующей.

— **П'пло-плохой, плохой план!** — орал Беззубик.

— **Поздно,** — бормотал Иккинг, тем не менее от души с ним соглашаясь. — **Слишком поздно...**

— **ПОМНИ, У ВСЕХ ДРАКОНОВ ЕСТЬ СЛАБЫЕ МЕСТА!** — расслышал он ободряющий голос Камикадзы поверх общего гвалта. — **ПОСТАРАЙСЯ ПОПАСТЬ В ГЛАЗ! ИЛИ УКУСИ ЕГО ЗА НОС! У ДРАКОНОВ ОЧЕНЬ ЧУВСТВИТЕЛЬНЫЕ НОСЫ!**

«Очень кстати, Камикадза, очень кстати... — подумал Иккинг. — А что, если он не станет послушно подставлять мне нос? Что, если единственное, до чего я смогу дотянуться, будут ЗУБЫ?»

— **ИЛИ ПРИТВОРИСЬ МЕРТВЫМ!** — продолжала Камикадза. — **Я ЗНАЮ, ЭТО РАБОТАЕТ!**

«А может, я и так все равно что мертв?» — подумал Иккинг.

Клетка опускалась все ниже, ниже, ниже... Следующий замок оказался хитрым, и ключ на секунду застрял... Давай-давай-давай... Иккинг едва не плакал от разочарования — замок отказывался поддаваться...

Дзынь! Замок отщелкнулся, и цепь — бамс-блямс-тюк — упала на пол клетки.

Осталась всего одна...

АМ!!!!

Наблюдатели на воздушных мостах отпрыгнули от неожиданного выброса зелени. Внизу словно вулкан взорвался.

Из бездны взметнулась голова невероятно огромного Зверя.

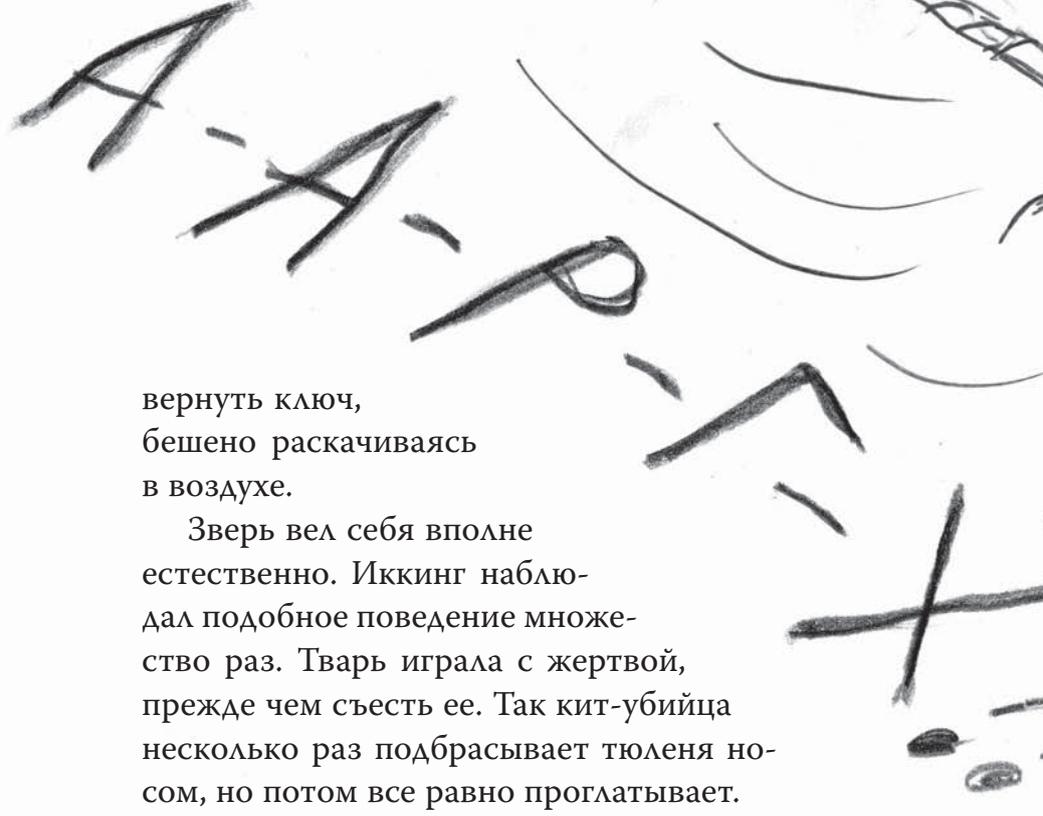
Иккинг ничего не видел, только почувствовал оглушительный удар снизу. Клетка смялась, словно салфетка.

— И-и-и-и-ик! — в ужасе запищал Беззубик.

Бамс-блямс! — последняя цепь свалилась, Иккинг выполз из-под кучи цепей и дрожащими пальцами вставил ключ в дверцу клетки...

БАМММ!!!

По клетке снова ударило, и она резко качнулась влево. Иккинг отчаянно пытался удержаться и по-

вернуть ключ,
бешено раскачиваясь
в воздухе.

Зверь вел себя вполне естественно. Иккинг наблюдал подобное поведение множество раз. Тварь играла с жертвой, прежде чем съесть ее. Так кит-убийца несколько раз подбрасывает тюленя носом, но потом все равно проглатывает.

Т-Т-Т-Т-ТРЕСССК!

Зверь опять ударил по клетке, и Камикадза поморщилась.

И тут воздух сиреной вспорол лютый звериный вой. Зверь атаковал последний раз.

Раздалось умопомрачительное БАМС! шести-метровых клыков, сомкнувшихся на металлической клетке.

Чаща закачалась расходящимися волнами.
Зверь снова взревел.

А затем наступила тишина.

Толпа негромко застонала от удовольствия.

— Ох... уверен, с ним все в порядке... с ним ВСЕГДА все в порядке... в конце концов... ведь правда? — бормотал Рыбьенег.

— БЛАГОДАРИЮ ТЕБЯ, ВЕЛИКИЙ ТОР, О ПОВЕЛИТЕЛЬ ЧАЩИ, И ОСТРОВОВ, И ВСЕГО ПРОЧЕГО! — проорал главный Берсерк. — ПОДНИМИТЕ КЛЕТКУ ОБРАТНО!

К великой радости зрителей-Берсерков, клетку начали поднимать.

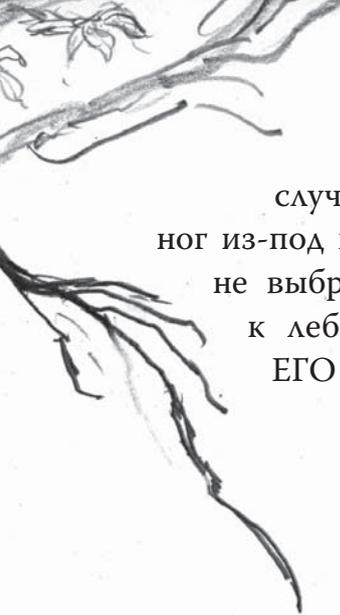
Она поднималась все выше, восторженные вопли становились все громче...

От клетки остался лишь печально свисающий с крюка на конце веревки плетеный коврик.

Камикадза замороженно тарасилась на эту криво свисающую драную плетенку.

— Приготовить следующего жениха! — заорал вождь Берсерков. — Поднять клетку!

— Что же случилось? Что случилось?! — стонал Рыбье-ног из-под ковра стращукон. — Он таки не выбрался?.. — спросил он, когда к лебедке приготовились цеплять ЕГО клетку.

ММКМНГ
Полетел ВНИЗ

17. ЗВЕРЬ

Иккинг полетел из разломанной клетки вниз...

...и в полете его подхватила невозможно огромная лапа Чудовищного Дракона. Зверь играючи цапнул его из воздуха — Иккинг много раз видел, как малые драконы вот так же выхватывали медуз

СТО

из воды. (Боюсь, на то имеется естественная, но весьма неприятная причина: драконы предпочитают съесть жертву живьем. Ну, это примерно как для вас славная сочная малинка с куста по сравнению с раздавленной на земле.)

Зверь снова подбросил Иккинга в воздух и поднял башку, собираясь закинуть еду себе в пасть.

Под ногами Иккинга распахнулась черная пещера, окаймленная сталактитами бритвенно-острых зубов. Перекувырнувшись в воздухе, Иккинг успел только крикнуть по-драконьи «СТОЙ!» и ухнул твари в пасть...

Абсолютная темнота, обжигающий жар. Иккинг как раз подумал, с полным на то основанием: «Это действительно конец...»

...когда Чудище сунуло лапу в пасть и выудило жертву кончиком когтя. Чуть-чуть не успело проглотить.

— **СТОЙ!** — снова произнес Иккинг и зашелся в кашле.

и челюсти
ЗАХЛОПНУЛИСЬ.

Он свисал с когтя монстра, обтекая отвратительной зеленой слизью драконьей слюны.

Чудище поднесло добычу к большому желтому глазу и как следует рассмотрело.

А мальчик, между приступами кашля, тоже как следует рассмотрел существо.

И не поверил своим глазам.

Это был моредраконус.

И не просто какой-то там старый моредраконус.

Это был исключительно редкий моредраконус гигантикус максимус.

Иккинг знал этот вид, потому что с год или около того назад, в самом первом своем приключении, уже имел с таким дело*.

Что делает моредраконус здесь?

Зверь был прикован к земле.

Он втягивал воздух с хриплыми астматическими спазмами. Больно было слышать, как он дышит, а кожа у него истерлась и высохла, будто старый потрескавшийся пергамент. Еще более удушливыми были густые струи дыма, вырывавшиеся клубами из его ноздрей, — похожий на гороховый суп сгусток удушливого, невообразимого бесконечного отчаяния.

Вокруг дракона поднялся лес. Сквозь шипы проросла целая рябиновая роща. Шею сковывал не

---

* Про первое приключение читай в первой книге «Как приручить дракона».

только металл, но и многочисленные кольца тугих колючих стеблей. Особенно густо они теснились вокруг морды, и гигант едва мог двигаться.

Иккинг никогда не видел цепей, подобных тем, что удерживали этого зверя.

Воображения не хватало представить, какого размера должна была быть кузница, в которой эти цепи выковали. Звенья получились шириной с избу. Чтобы перенести такое, потребовалось бы пятьдесят человек. Не говоря уже о сверхчеловеческой задаче соединить эти звенья и загнать клин достаточно глубоко в землю, чтобы великий Зверь не мог вырваться. Тут явно не обошлось без гения.

Громадный желтый глаз моредраконуса встретился с Иккинговым взглядом. В этом глазу застыла бесконечно глубокая, сводящая с ума печаль, и жалость в сердце Иккинга вытеснила страх, хотя Зверь снова открыл рот, явно решив, что Иккинг диковинка, но вполне съедобная.

«Бедный Зверь, — думал Иккинг. — Бедный Зверь...»

Именно этот миг жалости и спас Иккинга. Ибо страх парализует мысль, а жалость — нет.

Именно жалость напомнила ему трагическую историю Иккинга Кровожадного Карасика II. Одновременно перед мысленным взором его возникла мать Элвина, она ощупывала шрам на груди у Беззубика со словами: «У него на груди старый шрам точно в том же месте, что и...»

Глядя вниз поверх кончиков чудовищных пальцев, Иккинг хорошо видел грудь Зверя.

И на этой груди, прямо над сердцем, виднелась тонкая полоска более бледного оттенка зелени...

...след старой-престарой раны, зажившей так давно, что от нее осталась лишь едва видимая отметина.

Иккинг подумал о драконе, тихо сидящем на берегу возле тела своего мертвого побратима. Свежая, еще кровоточащая рана, нанесенная Лезвием Бури, не убила его. Но сердце все равно было разбито.

— **Ярогнев!** — крикнул Иккинг. — **Тебя зовут Ярогнев!**

Вот тут дракон и вправду замер.

Он сидел, словно статуя, глядя в прошлое сквозь года, и его безразличный взгляд становился все более сосредоточенным и осмысленным.

Когда дракон наконец заговорил, голос его стонал и скрипел, словно лязгающие цепи Берсерков. Он очень давно не пользовался речью.

— **Так меня ЗВАЛИ когда-то,** — проворчал дракон наконец. — **Что в моем имени тебе, Человек? Как ты смеешь его произносить? И откуда ты узнал его? И почему ты говоришь на священном языке зеленокровных?**

Иккинг едва мог поверить в это.

Перед ним действительно был дракон Ярогнев, заточенный сто лет назад людьми Черноборода в ужасную тюрьму на лесистом острове.

— Мне известно твое имя, потому что я потомок твоего брата-человека... Я Иккинг Кровожадный Карасик Третий, сын Стоика Обширного и Валгалларымы Белорукой и Крутобедрой... и я заклинатель драконов, как и мой предок, Иккинг Кровожадный Карасик Второй, твой погибший побратим. Во имя любви, которую ты питал к моему предку, умоляю тебя выслушать меня. Послушай, я говорю с тобой по-драконьи..

Иккинг взглянул Зверю прямо в глаз и быстро опустил веки. Взгляд горящих золотых глаз пронзал, как лазерный луч.

— Ты говоришь правду, — удивился моредраконус.

Глаза моредраконусов способны различать такие вещи.

— Да много ли тебе с этого толку... — устало продолжал он. — Должен предупредить тебя, Мальчик-Носящий-Имя-Которое-Я-Некогда-Любил, что от той любви не осталось ни следа. Ни крошки. Ни шепота. Сто лет плена высушили эту любовь во мне до последней капли, и я излечился навсегда. Окажись я снова в том времени, не стал бы болтаться в том проклятом заливе и проливать драгоценные соленые слезы над мертвым телом, позволяя людям опутать меня цепями и похоронить в этом лесу. Нет, я бы расправил крылья и взмыл в ярко-голубое небо и оставил бы его на съедение рыбам... Я жестоко пострадал за свою слабость — любить и доверять Человеку.

Сердце у Иккинга упало. Он возлагал изрядные надежды на то, что моредраконус снизойдет к нему как к потомку его побратима.

Но он произнес как можно увереннее (ибо с драконами надо держаться уверенно, а то они не станут тебя уважать):

— Я пришел сюда не говорить с тобой о прошлом, о Могучий. Я здесь, чтобы освободить тебя.

— Ты? Освободить МЕНЯ? — протянул моредраконус язвительно. — Взгляни на мои цепи, червяк-человек... Я грыз эти кандалы последние сто лет, а они по-прежнему не дают мне шевельнуться. Как ТЫ освободишь МЕНЯ?

— У меня есть ключ, — ответил Иккинг, доставая заветную находку из кармана. — Съешь меня, и ключ будет потерян для тебя навсегда... Заключи со мной сделку, и я смогу тебя освободить.

Пауза тянулась долго.

Следующие слова дракона были очень-очень важными. Иккинг только много позже понял, НАСКОЛЬКО важными.

— Думаю, мне следует честно предупредить тебя, Мальчик-Носящий-Имя-Которое-Я-Некогда-Любил. Единственный для меня путь обретения настоящей свободы — уничтожить всех людей. Все до единого они должны умереть и уйти в землю. Лишь одна надежда не давала мне все эти годы поджечь проклятую лесную тюрьму и отправить нас всех в Валгаллу вместе с дымом. Я жил мыслью о мести. Мечтал

однажды возглавить драконье восстание и наконец стереть людей с лица земли навеки. Ибо последний неудачный мятеж убедил меня, что люди и драконы не могут делить этот мир. Мы непримиримые враги. Я предупредил тебя, Мальчик. Ты освободишь меня себе на погибель.

— Будь осторожен, — шепнул Иккингу Беззубик. — Будь о-о-о-очень осторожен...

Но Иккинг был юн и верил в лучшее. Он ответил:

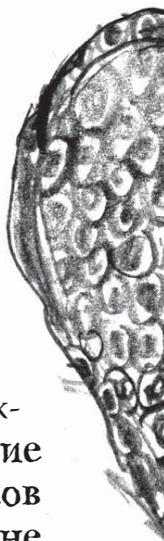
— Тогда я свяжу тебя обещанием. Дракон не может нарушить обещание, если поклянется собственным сердцем.

— И каковы твои предложения? — спросил моредраконус.

Беззубик заполз Иккингу на плечо. Рожки у него поникли, ушки были плотно прижаты к голове.

— Т-т-ты ужжж постарайся, — прошептал он. — Свяжи обещанием его как следует. Скуй на совесть. Поверь Б'бе-беззубику, этот дракон о-о-о-опасен...

— Мое предложение таково, — сказал Иккинг, — я выпущу тебя в обмен на обещание помочь мне освободить всех пленников на этом острове до последнего. Ты не причинишь вреда ни мне, ни любому

другому человеку в будущем. Улетишь в великую пустыню на севере или в великие океаны на западе, где нет людей. Там некому будет напоминать тебе об этом ужасном времени плена, и ты станешь жить свободно и счастливо. Обещаешь?

Долгое молчание.

— Обещаю... — произнес наконец дракон и в точности повторил слова Иккинга.

— Крест на сердце или смерть?— спросил Иккинг.

Дракон сделал быстрое хлесткое движение когтем поперек сердца и произнес:

— Крест на сердце или смерть...

И Иккинг освободил Ярогнева.

С каждой цепью, каждой скобой пришлось немало повозиться. Иккингу приходилось ощупью искать крохотные скважины в гигантских замках. Сами замки за сто лет поросли мхом и грибами и сделались грязные и скользкие. Поди еще отыщи в таком! И каждый раз, вставляя дрожащими пальцами ключ в древнюю скважину, Иккинг молил Тора, чтобы древняя ржавчина не съела замок, заперев навеки. И ключ, застревая и жалобно скрипя, все же поворачивался с мышинным писком и ленивым лязгом.

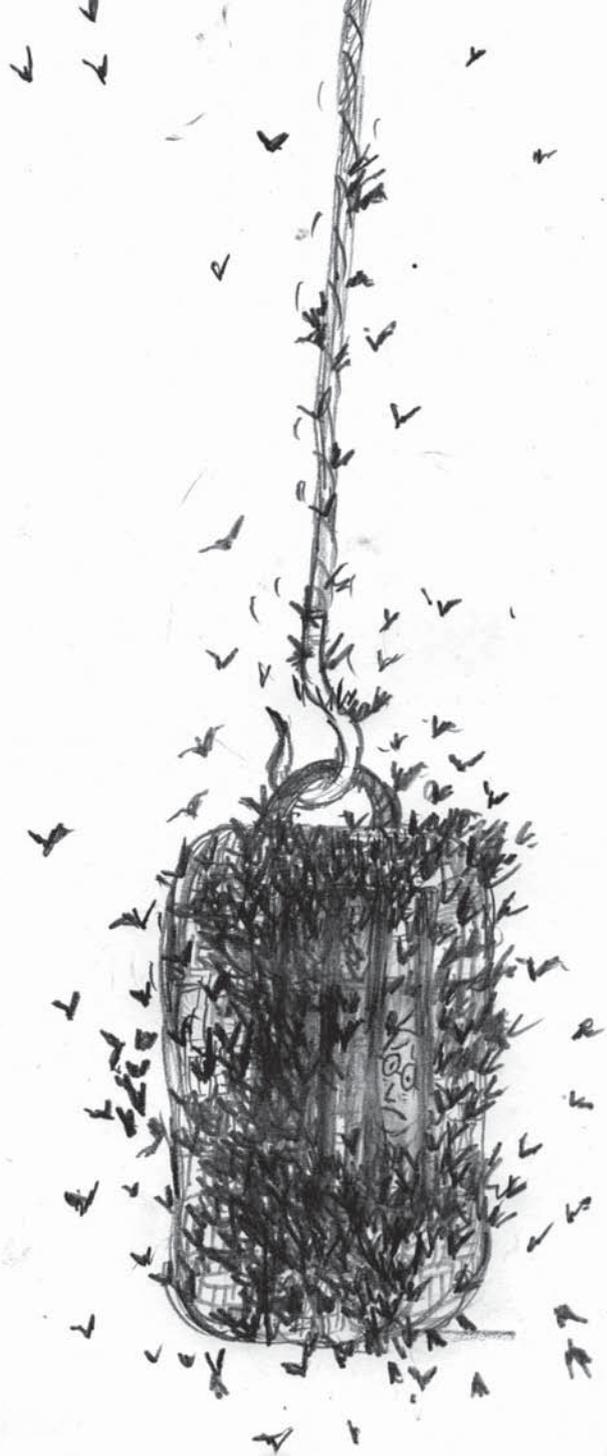
Истероиды были поистине гениальные изобретатели.

С особенным удовольствием Иккинг высвободил крылья Зверя. Когда он с еле слышным щелчком снял замок с правого крыла, оно было до неузнаваемости заплетено колючим плющом и забито паутиной. На глазах у мальчика кожистые складки затрепетали — и словно сам лес содрогнулся. Крыло высвободилось из удушливых объятий зелени и раскрылось, как огромный викингский парус, истертый, дырявый, но живой.

Оно поднималось все выше, а Иккинг лихорадочно перебирался через драконью спину, прорубая себе дорогу в подлеске мечом и оскальзываясь на сочащейся слизью чешуйчатой поверхности. Он спешил добраться до другого крыла и освободить дракона полностью.

Крылья вздымались в небо. Вот уже и громадное брюхо оторвалось от земли. Вырывая деревья с корнем, дракон неуверенно поднялся на ноги. Наконец Ярогнев развернулся во весь свой громадный рост, и крылья его чудесно заполоскались на ветру, словно невозможно огромные воинские знамена, потрепанные, но победные. Иккинг от радости замолотил кулаками по воздуху и издал дикий вопль.

18. УМЕРЕТЬ ГЕРОЕМ

Тем временем наверху в деревне Берсерков Рыбьену тоже было нелегко, по-своему.

Элвин настоял, что следующим должен идти он.

— Удачи, Рыбьенг! — крикнул Неимоверный Крутняк, когда клетка с беднягой вознеслась над зеленой бездной. — Помни, ты умираешь Героем и женихом Яриссы О'СТРели!

Жених № 1:

— ВОТ-ВОТ!

Жених № 3:

— ЗОЛОТЫЕ СЛОВА!

Жених № 5:

— ТОЧНО!

— Я умираю Героем, я умираю Героем... — бормотал несчастный, перепуганный Рыбьенг.

А стращуки роились вокруг его клетки слоем толщиной в шесть штук и верещали:

— Он умира-а-а-ает... Он умира-а-а-ает...

— Я умираю Героем... ох... ради Тора...

— ХА-ХА-ХА-ХА-ХА-ХА! — ревели Берсерки. — Посмотрите на эту кучу стращуков! Вот трусишка-то!

— Пожалуйста... просто дайте мне умереть Героем, — сказал Рыбьенг сам себе. — А не ХОДЯЧИМ ПОСМЕШИЩЕМ...

К огромному изумлению Рыбьенога, ему слышался голос Камикадзы. Она кричала громче всех остальных (что было типично для Камикадзы, поскольку, когда ей надо было, чтобы ее услышали, она умела включать особенно пронзительный тембр).

— ПОЙ! — крикнул Голос-Похожий-На-Камикадзин. — ПОЙ ГИМН СВОЕГО ПЛЕМЕНИ!

И Рыбьеног вспомнил, что именно так поступил Иккинг, оказавшись на волосок от смерти на склонах вулкана*.

Но чей племенной гимн ему петь? Откуда он? Кто знает, где начал свое плавание его садок для омаров тринадцать с половиной лет назад?

И все-таки, сидя в темноте, в миг смертельной опасности Рыбьеног понял, кто он такой.

«Я Хулиган, — подумал Рыбьеног. — Пусть не по крови, но они — моя семья».

И запел племенной гимн Хулиганов, который, как он впервые обнаружил, до странности ему подходил:

---

* Эта история рассказана в пятом томе «Как разбудить дракона».

БРАВО!

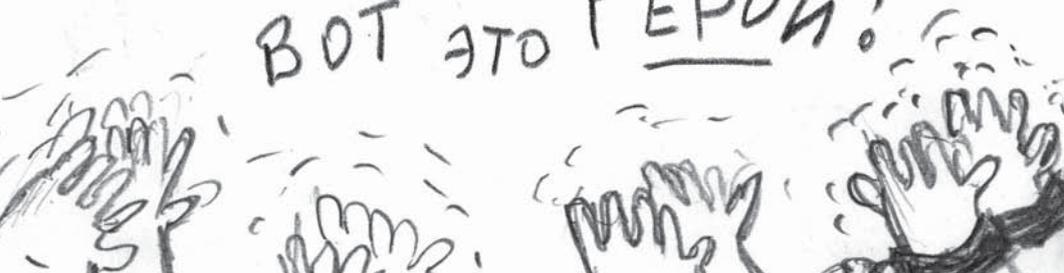
УРА!

Я сюда не собираюсь...
И остаться не хотел...
Заклеало попутным
ветром,
Да не в самый лучший
день...

ВОТ ЭТО ГЕРОЙ!

Чем ниже опускалась Рыбьеногова клетка, тем меньше становилось вокруг нее стращуков. Песня помогла Рыбьену прогнать страх, запах ослабел, и упыри разлетелись. Мальчик заметил это, и голос его окреп, он стал выкрикивать слова дерзко, тем самым еще больше отгоняя паразитов:

Я сюда не собира-ался...
Не отсюда я приплыл...
Потерял в болотах сердце,
Олух душу мне пронзил!*

Стращуки громадными серыми тучами покидали клетку, и Берсерки постепенно перестали смеяться.

Клетка опускалась все ниже, и последние кровососы снялись, словно бабочки, открыв глазам зрителей Рыбьенога, выпятившего грудь и орущего во все горло.

Племена архипелага почитают храбрость больше всех иных достоинств. И даже вконец спятившие народы вроде Берсерков ценят и уважают ее.

И вот один Берсерк крикнул:

— Он и ВПРАВДУ Герой!

И Берсерки вместе с женихами приветственно заорали, сопровождая крики бешеными аплодис-

---

* О происхождении Хулиганского племенного гимна рассказано опять же в пятом томе «Как разбудить дракона».

ментами и одобрительным воем. Клетка тем временем опускалась все ниже и ниже, увлекая Рыбьенога навстречу тому, что все считали его погибелью.

Вот тогда-то это и произошло.

Великое сотрясение глубин.

Гигантские деревья обхватом с дом затрепетали, как травинки на лугу. Нетвердо стоявшие на ногах Берсерки с воплями дождем посыпались вниз, в зеленую бездну.

— Что происходит? — орал Неимоверный. Деревья вокруг скрипели и раскачивались. Весь лес, казалось, всколыхнулся под ними медленной зеленой волной. — Землетрясение?

— Не знаю!.. — крикнул в ответ предпоследний жених, крепко вцепившись в прутья клетки.

Чаща содрогалась, с душераздирающим треском лопались корни деревьев. И вот перед ними сквозь зеленый ковер внизу справа проломилась голова невозможно огромного дракона. Разинув пасть в могучем реве, он вырвался из-под зеленого покрывала, словно из скорлупы яйца.

Раздался новый дикий и ужасный вопль. Столетние деревья кругом разлетелись в щепки, и могучий дракон поднялся над лесом, заслонив луну. Забились рваные и потрепанные крылья, подняв ураганный шквал. Деревья пригнулись, и гигантское существо взмыло в небо.

— Ради Тора... ради Тора... — шептал Рыбье-ног, прикрывая глаза ладонью и глядя вверх на подобного громадной темной туче дракона. — Ради Тора...

А на загривке чудовища восседал человек, первым спустя сто лет оседлавший дракона Ярогнева...

Иккинг.

19. НЕОЖИДАННЫЙ ПОВОРОТ

Хороший был момент.

Очень хороший. Иккинг восседал высоко на спине Ярогнева и глядел вниз на Берсерков, которые внезапно сделались такими маленькими и слабыми на своих шатких веревочных мостах.

Берсерки, со своей стороны, с благоговением и полным изумлением таращились вверх на парящего над ними могучего дракона и крохотную фигурку у него на спине.

— СТОЙТЕ! — крикнул Иккинг Кровожадный Карасик III. — СТОЙТЕ! Зверь Берсерка теперь повинуется МНЕ. ДЕЛАЙТЕ, ЧТО Я ГОВОРЮ, а иначе он одним языком пламени обратит все эти леса в огненную преисподнюю.

У главного Берсерка отвисла челюсть.

— Зверь... — прошептал он. — Не верится... Зверь... Как парень это сделал? Он что, волшебник? Наверняка волшебник!

Элвин тоже не мог поверить. Он сделался блее собственных зубов.

— Как это ему удастся? — бормотал он. — Как это у него получается?

— ОТПУСТИТЕ ЖЕНИХОВ! — крикнул Иккинг Кровожадный Карасик III. — ПОДНИМИ-

ТЕ ОБРАТНО РЫБЬЕНОГА! ВЫПУСТИТЕ ВСЕХ ПЛЕННИКОВ, СИДЯЩИХ В ДЕРЕВЬЯХ-ТЮРЬМАХ! ОСВОБОДИТЕ ИХ, НЕ ТО ДРАКОН ПОДОЖЖЕТ ДЕРЕВНЮ!

— Откуда он знает про тюремные деревья? — ахнул главный Берсерк. — МЫ НИКОГДА НЕ СДАДИМСЯ! — заорал он, грозя кулаком Иккингу и Ярогнуву. — У НАС ЕСТЬ ОГНЕУПОРНЫЕ КОСТЮМЫ! И МЫ ПСИХИ!

— НЕ ТО СЛОВО! — заорали остальные Берсерки на мостах.

Иккинг на самом деле не собирался поджигать лес, и неизвестно, чем бы все обернулось, но, к счастью, тут вмешалась Камикадза.

Она ужом проползла по своей ветке, чтобы оказаться прямо над вождем. И кошкой упала сверху, аккуратно приземлившись прямо ему на макушку.

Вождь Берсерков не ожидал, что с ночного неба на него неожиданно свалится белобрысая девчонка и приставит к горлу очень острый нож.

Он придушено взвизгнул.

— Слушай сюда, ты, планктоноголовый, лязгающий нытик-неудачник! — прошипела Камикадза. — Делай в точности, как говорит Иккинг, а то огнеупорный костюм тебе не понадобится. Я убью тебя прямо сейчас и с удовольствием, а уж в этом ты можешь доверять слову Бой-бабы...

Вождь задумался.

Каким бы психом он ни был, ему очень хотелось дожить до утра.

— Не убивай его без необходимости, Камикадза! — окликнул ее Иккинг.

— Ну, необходимость-то может и приключиться, — ухмыльнулась та в ответ.

Камикадза доставила вождю больше хлопот, чем все заключенные, с кем он когда-либо имел дело. Для поимки этой пигалицы пришлось отрядить пять взрослых Страхолюдов. А по прибытии на остров она грубостью и колкостями довела одного из Берсерков до слез.

У вождя сложилось неприятное впечатление, что она говорит серьезно.

— Э-э... если подумать... — произнес он с извиняющимся покашливанием, — возможно, ты и права... ЭЙ, ВСЕ! ДЕЛАЙТЕ, ЧТО ГОВОРIT РЫЖИЙ ПАРЕНЬ!

Что ж, Берсерки, конечно, чокнутые, но, как и все племена в архипелаге, послушны своему вождю.

На подвесных мостах началось столпотворение. Берсерки галопом понеслись, гремя и лязгая, как стадо железных слонов, ко всем камерам на всем острове. И, надо отдать им должное, получив задание, они взялись за дело со всем рвением. Сто или больше лет племя охраняло деревья-тюрьмы. Ни одному узнику не удалось бежать за все это время.

Каждый Берсерк с радостью отдал бы жизнь, чтобы помешать побегу.

А теперь они отправились выпускать этих самых узников с той же самой безумной решимостью и энергичной деловитостью. Если заключенный оказывался слишком слаб, чтобы взобраться по спущенной в дуло веревке, Берсерки сами спускались к нему и выносили узника на могучих плечах. Некоторые несчастные пробыли в тюрьме так долго, что позабыли, какова жизнь снаружи, и не хотели выходить на свободу.

Но на их протесты обращали мало внимания.

— ВСЕ НА ВЫХОД! — орал здоровенный Берсерк, тесня плечом бедного усохшего старика. Тот позабыл свое имя и племя и не хотел покидать древесных жаб, с которыми крепко сдружился за последние шестьдесят лет. — ПРИКАЗ ВОЖДЯ! ВСЕМ БЫСТРО ПОКИНУТЬ ПОМЕЩЕНИЕ!

И вскоре подвесные мосты заполнили вереницы ошалелых шаркающих узников в обносках. У одних глаза светились возрожденной надеждой, другие пугливо шаркались от всего, и все моргали от лунного света.

— РАСКОВАТЬ ИХ! — крикнул Иккинг, зависнув верхом на Ярогневе над этой сценой хаоса. — РАСКОВАТЬ И ОТПУСТИТЬ! И драконов тоже!

Так что бодрые Берсерки сняли цепи и с Пупыряка и Ветрогона.

— Хочешь знать, сколько мне лет, ты, закованный в железо невежда? — улыбнулась Камикадза, не убирая клинок от горла вождя.

— Не особенно, — отозвался главный Берсерк.

— Одиннадцать с четвертью, — ухмыльнулась Камикадза. — Да, я, разумеется, самая крутая и умная одиннадцатилетка на архипелаге, но как тебе, великому и могучему Воину Давайте-Дружно-Спятим, нравится проигрывать бой мелкой вредной девчонке?

Честно говоря, не очень нравилось. Вождю Берсерков даже немного хотелось плакать.

Как только женихов и узников освободили, они тут же похватали все оружие, до какого смогли дотянуться. Между женихами и Берсерками завязался жестокий бой. Это сражение вошло в саги под названием Битва Древесных Безумцев. Впадающие в боевое помрачение Берсерки представляли собой невероятное, завораживающее зрелище. Они скакали по деревьям, размахивая мечами и топорами, и хрипели и рычали по-звериному. У некоторых даже пена изо рта шла.

Женихи замечательно проводили время, поскольку все они прекрасно владели мечом.

Жених № 1:

— ПОЛУЧИ, ШУТ ЛОХМАТЫЙ! ВОТ ТЕБЕ, ВОТ ТЕБЕ, ВОТ ТЕБЕ!

Жених № 2:

— О, удачный прием, старина... Ты должен меня ему научить...

Жених № 1:

— Не проблема, это просто ловкий взмах запястьем и...

БЕРСЕРК (в раздражении глодая собственную руку):

— ТЫ... СОСРЕДОТОЧИШЬСЯ... НА... МНЕ... ХОТЬ... НА... СЕКУНДУ?

Жених № 1:

— О боги, это там не полупятнистая змеebelка, часом?

Берсерк на это ведется, и жених сталкивает его с моста.

Порой старые трюки — самые верные.

Камикадза в одиночку сумела избавиться от трех Берсерков — неплохо, если учесть потрясающие боевые навыки этих исключительных воинов.

Неимоверный Крутяк
немедленно принимается за дело со своим фирменным

(Но разумеется, она пользовалась преимуществом спрыгивания на противника сверху, привнося в поединок элемент болезненной неожиданности.)

хладнокровным изяществом...

— Это отучит вас подрезать крылышки БОЙ-БАБЕ! — с наслаждением орала белобрысая фурия.

Неимоверный, конечно, сражался, как и положено Громагистру, элегантно уделывая по трое-четверо Берсерков зараз.

Когда Иккинг увидел, как в деревню Берсерков потянулись освобожденные узники из деревьев-тюрем, он радостно завопил. Он не верил своему счастью. Мало того что он сам избежал гибели, ему, похоже, удалось спасти вообще всех...

Рано радовался.

Мог бы и сообразить, что миг величайшего триумфа вполне может обернуться моментом величайшей опасности.

Услышав, как Иккинг завопил от облегчения при виде освобожденных пленников, Ярогнев содрогнулся от лютой злобы.

Огромный дракон запрокинул голову и послал поток огня прямо на лес, дерзко и прямо нарушив их соглашение.

Крик радости умер у Иккинга на губах.

Пламя ударило в особенно большое дерево и взорвалось.

Взрывающийся огонь... Иккинг никогда прежде такого не видел....

— **Как же твое обещание?** — заорал он, когда дракон лениво развернулся в воздухе и спи-

кировал для очередной атаки. — **НИКАКОГО ОГНЯ, ПОКА НЕ ПОКИНЕШЬ АРХИПЕЛАГ! ТЫ ОБЕЩАЛ!**

Словно в ответ, дракон выпустил новый заряд пламени, взорвав еще одно дерево. Огонь быстро перекинулся на соседнее, и то занялось свечой. Взметнувшийся в небо сноп искр казался пылающими остатками пустого драконьего обещания.

— А Б'бе-беззубик говорил тебе не доверять ему! — напомнил дракончик.

— Ты обещал... — шептал Иккинг. — Ты обещал...

— Чтобы обещать, надо иметь сердце, — проворчал Ярогнев. — А мое сердце разбилось давным-давно. И оставшейся половиной я сдержу половину моего слова. На год я уйду из архипелага. Один полный год — все, что я даю тебе, Мальчик-Носящий-Имя-Которое-Я-Некогда-Любил... а потом вернусь и выполню свое новое обещание...

Иккинг предчувствовал, что новое обещание ему не понравится, и оказался прав.

— Новое обещание таково: я вернусь, и на сей раз драконье восстание увенчается успехом. Мы спалим этот мир огнем и не оставим в живых ни единого жалкого человечка. Потому что последние сто лет

я заглядывал в прошлое и в будущее, и вот что я тебе скажу, мальчик... люди и драконы не могут жить вместе...

Слова дракона, темные, ужасные слова, которые он прошипел поверх рева ветра, гудели у Иккинга в ушах.

— Нет! — выкрикнул мальчик. — Это неправда! Иккинг Кровожадный Карасик Второй не верил в это — и я не верю!

— Иккинг Кровожадный Карасик Второй МЕРТВ, — отозвался дракон, поднимаясь кругами все выше и выше. — Посмотри вниз, мальчик, посмотри вниз на РЕАЛЬНЫЙ мир.

Иккинг глянул вниз на мелкую россыпь зеленых островов в синем море.

— В этом мире, — горько продолжал Ярогнев, — мои собратья-драконы повсюду в цепях. Люди порабащают нас, как собак... Ездят на нас, как на лошадях... Отнимают у нас огонь, и подрезают нам крылья, и разбивают наши сердца. В этом мире для дракона и человека не хватает места, — продолжал он, и теперь в его голосе слышалась просто бесконечная усталость. — И когда я заглядываю в будущее, я вижу, что время наше на исходе. И я вижу, что, если тебя не остановить, ТЫ, Иккинг, положишь конец драконам... ТЫ отправишь нас в забвение...

— Кто, я?! — пискнул Иккинг. — Но я ЛЮБЛЮ драконов! Ты все неправильно понял!

— Если ты станешь взрослым, мы обречены, — повторил дракон. — И поэтому я созову драконов со всех концов света, из глубин океана и с небесных высот, и мы дадим вам последний бой, пока не слишком поздно.

— **НЕТ!** — кричал Иккинг. — **НЕТ, НЕТ, НЕТ, НЕТ, НЕТ!**

В верхней точке подъема Ярогнев вдруг сделал бочку.

Иккинг соскользнул с драконьей спины и стал падать вниз, вниз, вниз...

А гигантский дракон широко расправил рваные крылья и полетел в скованные льдами северные края.

Вниз, вниз, вниз несли Иккинг, вопя:

— **НЕТ! НЕТ! НЕТ! НЕТ! НЕТ!**

Он едва понимал, чему «НЕТ!» — то ли несовместимости людей и драконов, то ли судьбе, то ли земному притяжению, которое безжалостно влекло его вниз.

20. НОЧКА И ВПРЯМЬ ВЫДАЛАСЬ УЖАСНАЯ

Тем временем в свете пылающих со всех сторон деревьев Камикадза прекратила дразнить Берсерков.

— ПОЖАР! — заорала она. — ПОЖАР!!!

— ВСЕ К ГАВАНИ! — грянул вождь Берсерков.

Узники, Берсерки, женихи — все рванули по веревочным мостам прочь от огня, в сторону Берсеркской гавани.

А у них над головой Иккинг летел все вниз и вниз, и за ним стрелой пикировал Беззубик.

Ярогнев поднял мальчика на огромную высоту, прежде чем сбросить, и Иккинг рухнул бы в объятия смерти, но навстречу ему взмыл Ветрогон.

Драконы — отменные летуны. В ходе эволюции они приспособились ловить жертву в полете, и Ветрогон, четыремя большими скользящими взмахами крыльев набрав нужную высоту, ловко поймал Иккинга за шиворот. Успел-таки.

Ну, почти успел.

В момент захвата он слегка утратил равновесие и под весом Иккинга сорвался в штопор. Мальчик с драконом ухнули в преисподнюю. Отскочив от ветки дерева, они по чистой случайности призем-

лились на дощатый мост. Мост дрогнул и застонал, угрожая обрушиться... но выдержал.

Иккинг потерял сознание, а Ветрогон запутался крылом в веревках моста.

Вереща от беспокойства, Беззубик сел хозяину на грудь и стал лихорадочно облизывать ему лицо, пытаясь привести в чувство. Полыхал уже весь лес, столетние деревья мгновенно превращались в головешки.

Наконец Иккинг открыл глаза и неуверенно поднялся на ноги.

— Мне... э-э... нужна помощь... — запинаясь, произнес Ветрогон, и Иккинг принялся распутывать веревки, удерживавшие его крыло.

Мост пылал уже с обоих концов, но мальчику осталось совсем немного, чтобы освободить дракона. И тут из пламени соткалась хромающая фигура.

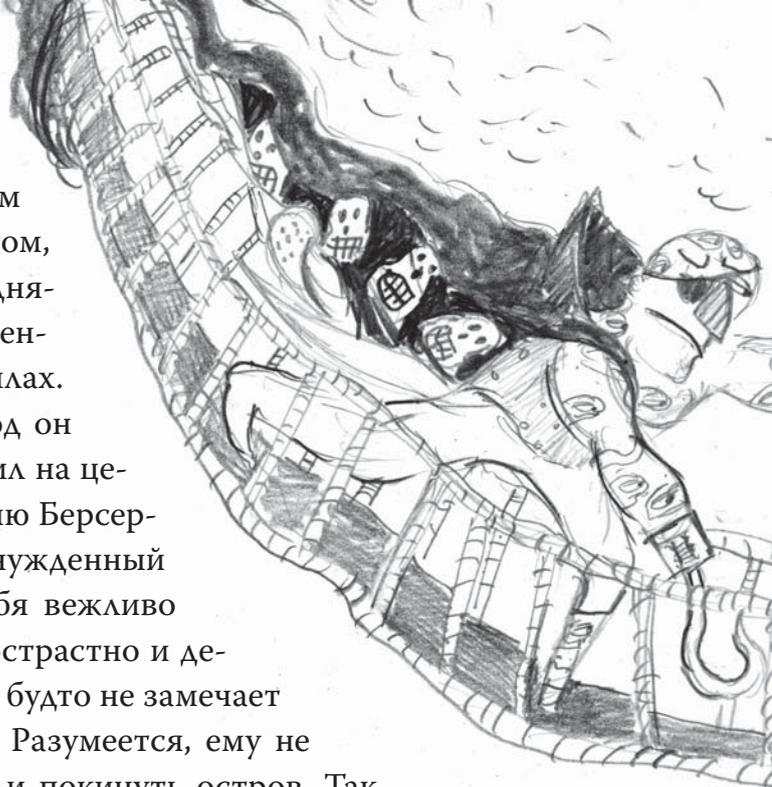
Никогда нельзя забывать об Элвине.

Надо всегда помнить о нем, как он строит козни во мраке, крадется за тобой по пятам и плащ хлопает у него за спиной, словно зловещие крылья нетопыря. Он и правда подкрадывался к Иккингу в этот самый миг, так осторожно ступая на цыпочках по веревочному мосту, что его костяная нога еле касалась досок. В металлическом креплении на обрубке руки сидело Лезвие Бури, а на искалеченном лице застыл яростный оскал.

Вы, наверное, подумали, что Элвин воспользовался неразберихой и втихаря слинял. В конце кон-

цов, он был таким же узником, как и бедняги, заточенные в дуплах. Почти год он кашеварил на целую армию Берсерков, вынужденный вести себя вежливо и подобострастно и делать вид, будто не замечает кандалы. Разумеется, ему не разрешали покинуть остров. Так почему же Элвин не ускользнул на свободу под прикрытием хаоса? Почему не бежал, как все прочие, от огня?

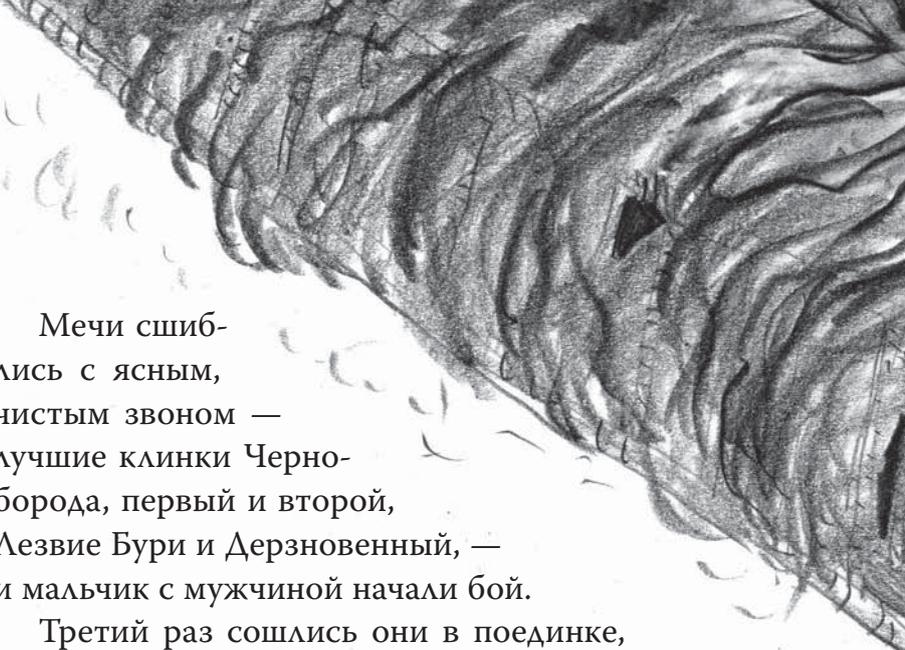
Из-за Иккинга. Все эти годы ненависть к мальчишке росла в душе Элвина, словно тихий болезнетворный сорняк, запустив свои отростки-щупальца в каждую ямку и закуток. И теперь она сделалась такой ядовитой, такой одуряюще сильной, что захватила его разум полностью, задушив все прочие мысли. Даже инстинкт самосохранения, самая сильная сторона Элвина, отступил перед его ненавистью к Иккингу.

(Не будь столь самоуверен, читатель. Элвин не первый и не последний, кого ненависть поглотила настолько, что он скорее умрет сам, чем позволит жить врагу.)

Элвин уже подбирался к Иккингу, но в последний момент Беззубик крикнул: «Сзади! Сзади!» Мальчик успел обернуться, выхватить меч и встретить клинок Элвина.

Мечи сшиб-
лись с ясным,
чистым звоном —
лучшие клинки Черно-
борода, первый и второй,
Лезвие Бури и Дерзновенный, —
и мальчик с мужчиной начали бой.

Третий раз сошлись они в поединке,
но никогда прежде не доводилось им сражаться при
столь отчаянных обстоятельствах — на пылающем
с обоих концов мосту посреди останков того, что
еще недавно прозывалось Лесом-С-Завываниями.

Элвин махал клинком, ругался и бросался на
мальчика, а Иккинг между финтами окликал Вет-
рогона — все ли с ним в порядке, удалось ли ему
высвободиться?

Даже обожженный и уставший, Иккинг сражал-
ся лучше прежнего и побеждал. Выпады Элвина
становились все отчаяннее. Но тут один из канатов
наконец перегорел, и мост внезапно рухнул вниз,
лишив Иккинга равновесия. Мальчик провалился
сквозь доски и лишь по случайности, размахивая
рукой, ухватился за мост. И повис над пылающим
адам на одной... единственной... руке.

Элвин приблизился с ядовитой улыбкой победителя.

— Вот я и достал тебя, Иккинг Кровожадный Карасик Третий, — провозгласил Вероломный.

Старый разбойник сунул свой крюк в огонь, подождал, пока тот не раскалился докрасна, а затем поднял его, намереваясь прижечь Иккингу руку.

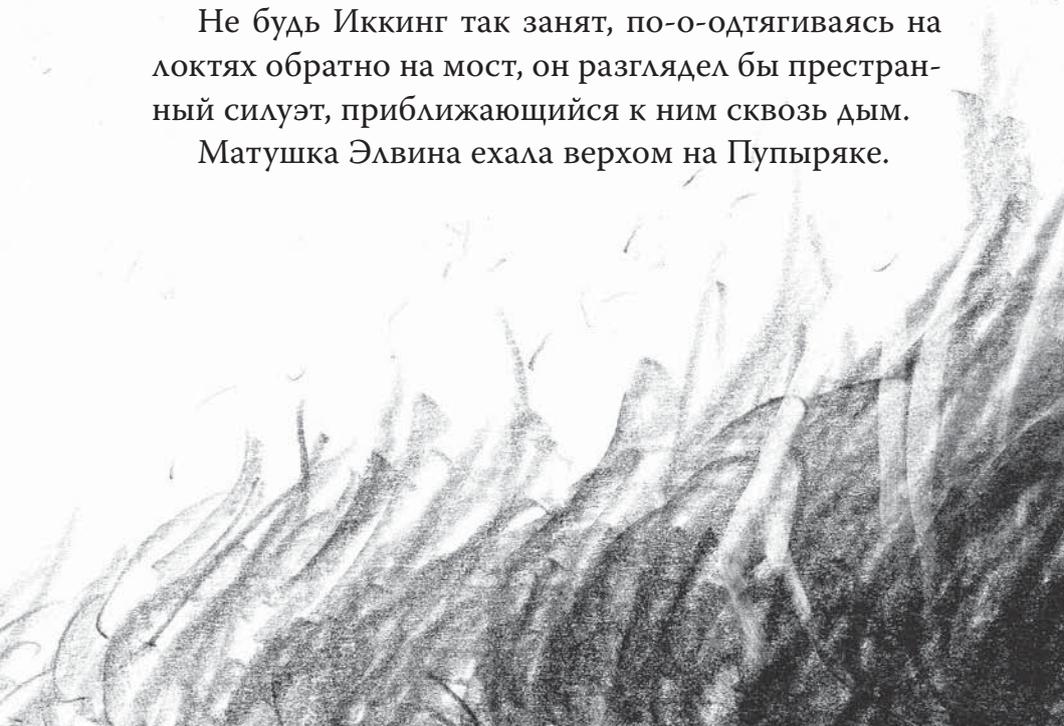
— Э-Э-Э-Э-ЭЛВИ-И-И-ИННН! — донесся безумный, зловещий хриплый крик из дыма за спиной. И снова: — Э-Э-Э-Э-ЭЛВИ-И-И-ИННН!

Крюк замер, позволив мальчику закинуть на мост вторую руку, а затем и локоть.

Видал бы Иккинг, как смертельно побледнел его заклятый враг, Элвин Вероломный, — словно призрака увидел.

Не будь Иккинг так занят, по-о-одтягиваясь на локтях обратно на мост, он разглядел бы престранный силуэт, приближающийся к ним сквозь дым.

Матушка Элвина ехала верхом на Пупыряке.

21. БОЛЬШОЙ СЮРПРИЗ ДЛЯ ЭЛВИНА

Момент был опасный и одновременно ужасно смешной.

Уж больно дикое было зрелище.

Двадцать лет без света высосали из ведьмы все краски, и она стала белая, как кость. Блестящая грива сухих, как мел, и длиннющих волос развевалась у нее за спиной. Тусклые глаза почти не видели, зато другие чувства были невероятно остры, и ведьма находила дорогу, подобно летучей мыши.

Пупыряк бешено брыкался, пытаясь сбросить ее, но ведьма была крепкий орешек, гораздо крепче Рыбьенога. Она держалась и ехала на драконе к фигурам на мосту.

Элвин сделался уже трупно-зеленым.

И кто бы стал его винить?

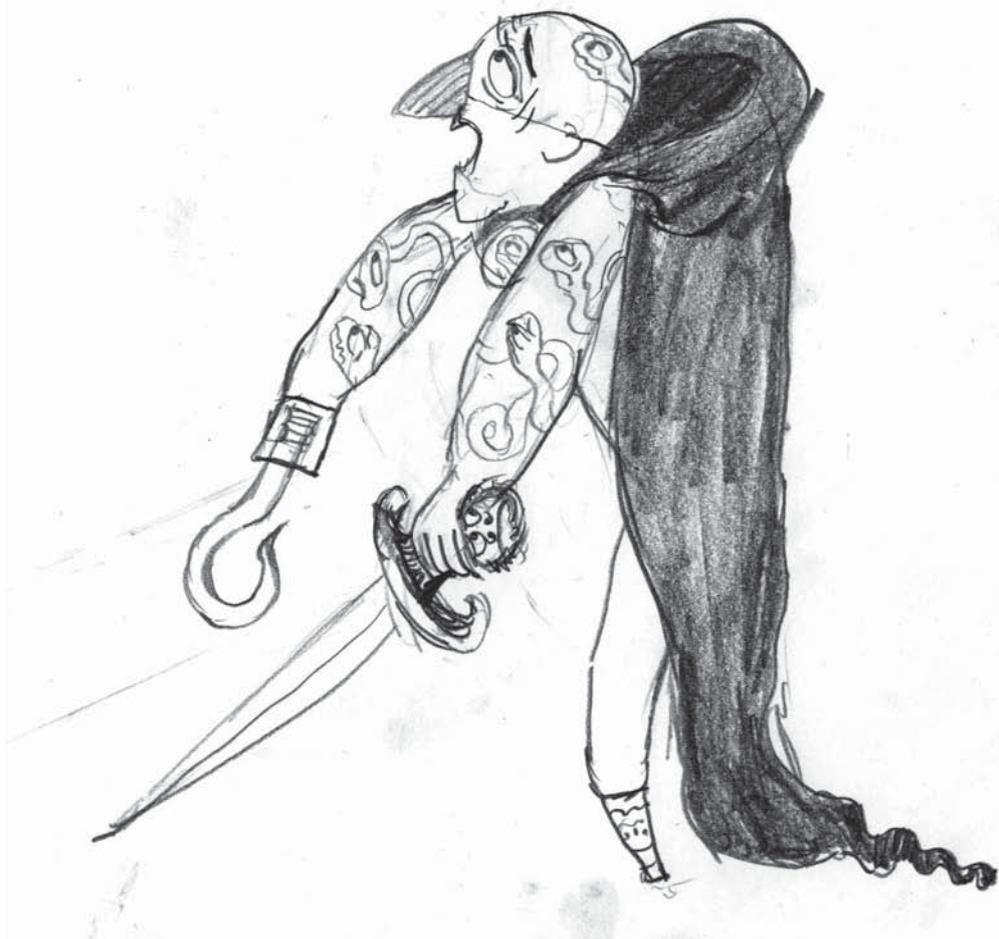
Он не видел мать двадцать лет.

И она была очень страшная.

— Мама?! — жалобно пролепетал Элвин Вероломный. — Мама, это ты?

— Помоги ему, ты, ИДИОТ! — яростно рявкнула старуха, разворачиваясь над ними в воздухе на Пупыряке.

"М-М-Мама...?
Мама, это ты?"

Она отнюдь не обрадовалась встрече с сыном, как следовало бы после стольких лет разлуки.

— Что с тобой случилось? — нахмурилась она, окинув взглядом его костяную ногу, одинокий глаз, деревянный нос, отсутствие волос и покалеченную руку. — Посмотри на себя, в каком ты состоянии! Я оставила тебе предельно четкие указания, как стать Королем Дикозапада, а ты даже собственные конечности не в состоянии в кучу собрать! Не видишь, что ли, дурак суетливый, нельзя позволить этому крысенышу упасть в огонь. У него же МЕЧ!

Из эффектного, страшного разбойника на пороге великой и безжалостной победы Элвин за долю секунды превратился в маленького мальчика, пойманного на какой-то глупости.

— Нет, меч у меня... — пролепетал он, жалобно вскинув Лезвие Бури.

Как будто это могло произвести на нее впечатление!

— ИДИОТ!!! — взвизгнула матушка, резко останавливая Пупыряка у них над головой. — Это НЕ ТОТ МЕЧ! Помоги ему забраться, помоги ему забраться! И отбери у него клинок!

Элвин обернулся обратно к Иккингу и прошипел:

— Поверить не могу... ты ее выпустил... Это хуже всего, что ты мне сделал...

Но он опоздал.

Иккинг уже подтянулся на локтях, а Ветрогон освободил крыло. Мальчик проворно вскарабкался ему на спину, и дракон прынул в воздух...

...а мост прогорел с обоих концов и рухнул в бездну.

Когда мост ушел у него из-под ног, Элвин закричал. Его маменька свесилась с Пупыряка и ухватила сына за крюк.

И тут ведьма испустила ужасный вопль.

Ведь всего несколько минут назад Элвин держал крюк в огне. И железо раскалилось едва не до красна — хоть олады жарь.

— Айийийийийй! — верещала матушка Элвина. — А-А-А-А-АЙИЙИЙИЙИЙ!

Трогательное воссоединение матери с сыном длилось ровно минуту.

Появился ужасный сернистый запах горящей плоти, и родительница Вероломного отпустила крюк.

Элвин ухнул ВНИЗ, в преисподнюю.

И в мгновение ока исчез.

Ведьма не колебалась.

Она спрыгнула со спины Пупыряка и полетела в огонь сама.

Не знаю, на что она надеялась.

Но пламя поглотило и ее тоже одним жадным глотком. Как бы мне хотелось сказать, что уж на

этот-то раз Элвин и его маменька точно не спаслись из горящего леса.

Но я не стану этого делать, поскольку и прежде мне доводилось ошибаться.

22. ДЕТИ НАШЛИСЬ

Стоик Обширный ночью почти не спал. Он волновался за Иккинга, ведь сын не пришел домой.

Поднятый по тревоге поисковый отряд быстро нашел записку Рыбьенога. И потому они были на полпути к Берсерку, когда увидели, что остров горит.

— ПОЖАР! ПОЖАР! БЕРСЕРК В ОГНЕ!

Когда поисковый отряд Хулиганов добрался до острова, большинство Берсерков уже удрали на кораблях куда глаза глядят.

Некоторые узники застряли в западне на самых верхушках деревьев. Они поскидывали рубахи и штаны и размахивали ими над головой, чтобы их заметили спасатели.

Ну и переполох поднялся! Спасатели высматривали в дыму попавших в ловушку викингов и выкрикивали друг другу: «Я нашел одного!» или: «На том дереве еще двое!» — прежде чем спуститься вниз, к относительной безопасности.

— Какой роскошный костер, — улыбнулся, ступив на берег, Сморкала Мордоворот при виде пекла. — Наверное, слишком наивно надеяться, что Никчемный оказался в самой середине и любезно спалил себя до маленькой Никчемной головешки?

Размечтался.

К огромному облегчению Стоика, поодаль от берега выстроились полукругом закопченные и вымотанные женихи. А в середине полукруга расположились Рыбьеног, Камикадза, Иккинг и Неимоверный Крутняк.

— Неимоверный! — пророкотал Стоик, в които веки радуясь встрече с до неприличия безупречным Героем. — Ты СНОВА спас жизнь моему сыну!

— Нет, — ответил Неимоверный, кладя руку Иккингу на плечо. — На сей раз это он спас меня...

— И мы выполнили невыполнимую задачу! — воскликнул Рыбьеног и, гордо открыв свой садок для омаров, продемонстрировал пять полных горшков меда.

— И я нашел еще одиннадцать человек, действительно МЕЧТАЮЩИХ жениться на принцессе Яриссе, — добавил Иккинг, указывая на женихов.

Рыбьеног взглянул на свой садок для омаров, полный меда...

И протянул его Неимоверному Крутняку.

— Ты уверен? — спросил Герой.

— Да, — ответил Рыбьеног. — Предпредпоследний жених — тот, кого она действительно любит.

Остальные женихи обнаружили, что их любовь к Яриссе О'СТРели сильно поутихла после приключений на острове Берсерк.

А значит, по большому счету не любовь и была.

Жених № 1:

— Мы встанем рядом с тобой, Неимоверный, когда ты отправишься предьявлять права на невесту! Хочется немного помять бока этому СТРу СТРели!

— О-о, — взмахнула мечом Камикадза. — Мне тоже! У-ух, не терпится пролить Страхолюдскую кровь.

— Забудь, — отрезал Стоик. — Тебя я отвезу матери.

— Ты чей вождь вообще?! — разочарованно взывала Камикадза.

Но Стоик был неумолим. Именно из-за поисков Камикадзы они угодили во всю эту заваруху, и он не собирался рисковать. Не хватало только потерять ее снова!

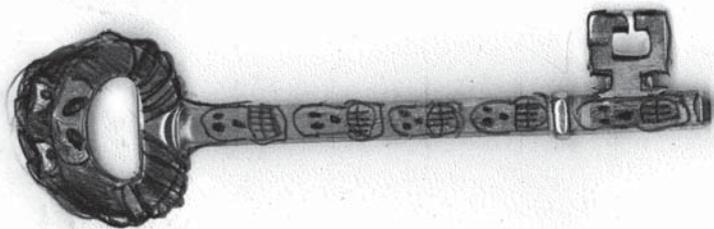
— Не волнуйся, мы спасем для тебя Бури-муху, — утешил девочку Неимоверный. — Слово Героя.

— Вам может пригодиться вот это, — сказал Иккинг.

Он пошарил в кармане, выудил оттуда кое-что и вручил Неимоверному.

Это был ключ.

Ключ, отпирающий все замки,
который Беззубик проглотил на Истерии

23. КАК СТР СТРЕЛИ ВСЕ-ТАКИ ПОТЕРЯЛ ДОЧЬ

В сагах говорится, что буквально на следующий день Неимоверный Крутняк, одетый во все черное, прошел на корабле через Теснину Торова Гнева в сердце СТРовых земель прямо под носом у спящих пискуляторов. Патрулирующие район на бреющем полете шматозавры почему-то его не заметили.

Неимоверный Крутняк, этот дерзкий Герой, проник в замок СТРа глубокой ночью. Никто не знает, как он попал внутрь, поскольку замок СТРа считался неприступным. Чтобы только добраться до внутренней части замка, требовалось преодолеть не меньше двадцати запертых дверей.

Но Неимоверный Крутняк каким-то образом прошел их все и на цыпочках двинулся по коридорам замка. Он ухитрился отыскать СТРову спальню (должно быть, по храпу) и неведомо как проник в тщательно охраняемое помещение, не разбудив спящих часовых. И так же мягко, так же тихо оставил четыре горшка меда, собранного пчелами Берсерка, у постели СТРа.

Пятый горшок он аккуратно вылил в СТРовы любимые тапочки.

А когда СТР наутро проснулся, дочь его уже исчезла.

Окно стояло нараспашку, занавески хлопнули на ветру, а постель была пуста.

Птичка улетела. Пропало и еще кое-что ценное. Очень редкая золотая капризавриха, которую СТР

держал в клетке в своих драконюшнях, пока не научится себя вести и не перестанет убегать от своего истинного владельца. Драконица, похоже, считала своей хозяйкой эту жалкую девчонку из Бой-баб, которая когда-то тоже ее украла.

А еще пропал громадный, тяжелый трон, только недавно и с изрядным трудом доставленный с западных окраин королевства. СТР как раз собирался переделать герб на Страхолюдский.

Вот тут Неимоверному и пригодились остальные десять женихов — вынести трон.

Корабли СТРа Страхолюда выдвинулись в сторону архипелага на поиски беглецов и пропавших ценностей.

Но корабль Неимоверного Крутняка, «Сокол-перегрин», был самым быстрым в архипелаге.

И быстрее орлов и светлячков уплыл этот корабль через мгlistую Теснину прочь.

День или два спустя Стоику Обширному оставили на берегу подарок.

Необычайно красивый подарок.

Копуша Большеног нашел его, когда спозаранку отправился на рыбалку. Обнаружив находку, он примчался обратно бить в набат и поднимать деревню.

Полусонные Хулиганы и Бой-бабы, которые остались у Хулиганов отсыпаться после роскошного пира по поводу возвращения Камикадзы, шатаясь, спустились в гавань.

А там посреди пляжа стоял, как будто всегда тут был, громадный, богато украшенный трон почти божественных пропорций.

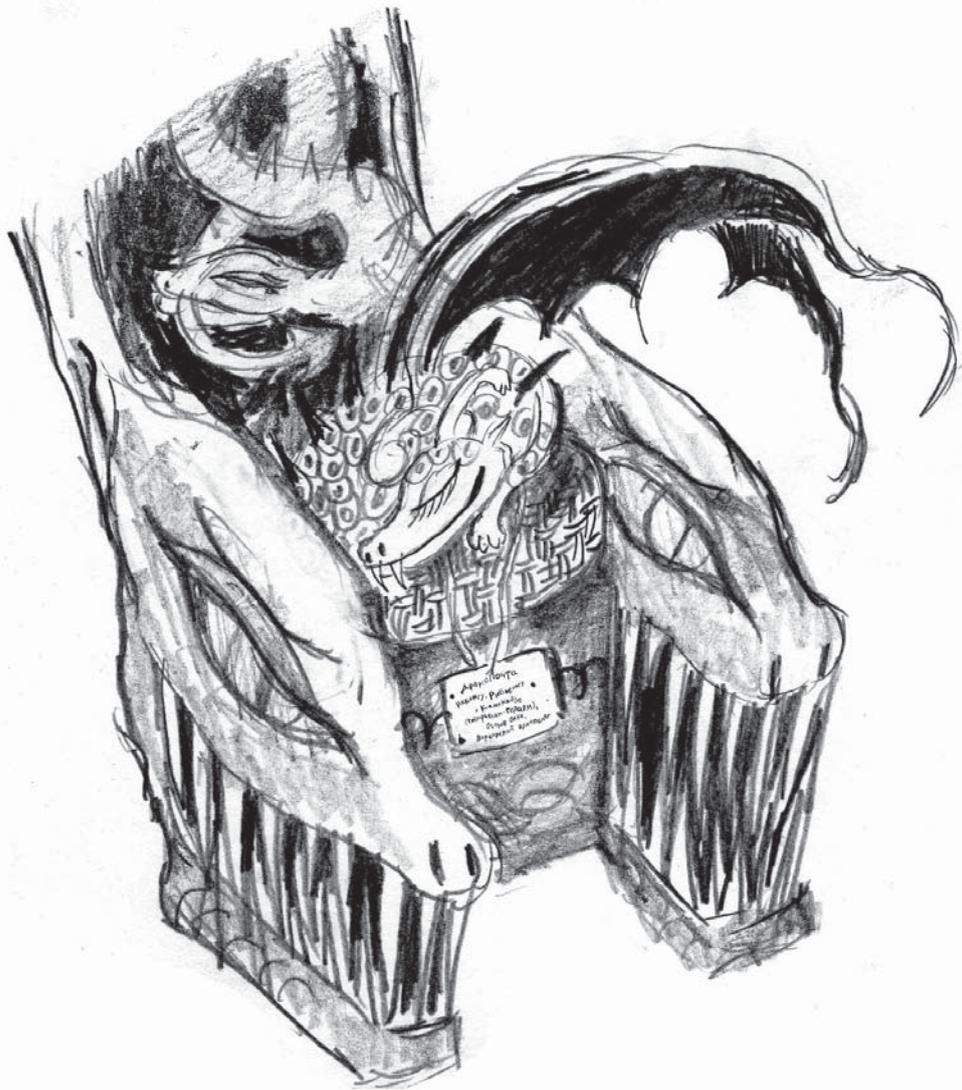
У подножия трона лежал садок для омаров, а в садке свернулся роскошный спящий капризавр цвета сверкающей золотой монеты. На шейке у него висело письмо.

— Буримуха! — радостно завопила Камикадза, бросаясь вперед, чтобы обнять прекрасную драконицу. Та сладко зевнула и проснулась. — Ты в порядке? Ты не ранена?

— Я укусила того грубого Страхолюда, — с улыбкой сообщила капризавриха на безупречном северном наречии. — Много-много раз...

— Ах ты ж, моя умница! — воскликнула Камикадза, беря подругу на руки.

Хулиганы и Бой-бабы собрались вокруг трона и любовались им. Они в жизни не видели такого шедевра.

— Думаю, он наш по праву, — произнес Стоик Обширный, указывая на Хулиганский герб на спинке. — Но как он сюда попал?

— Не садись на него! — торопливо сказал Иккинг. — С этим тронем что-то не так. Никому не следует на него садиться.

— Трон не особенно полезен, если на нем нельзя сидеть! Вот пусть Старый Сморчок скажет: что нам с ним делать? — спросил Стоик старейшину племени, дедушку Иккинга, древнего старика с кожей сухой и морщинистой, как кусок плавника.

— Трон, найденный на берегу, где обитают привидения, — изрек Старый Сморчок, — может оказаться недобрый знаком. И я согласен с Иккингом... У меня неприятное ощущение от этого трона. Но предчувствие также говорит мне, что нам не следует его уничтожать. — Старик немного подумал. — Трон надо утопить в гавани. Под водой ему ничего не сделается. И никто не сможет сесть на него и навлечь на себя проклятие... А мы будем знать, где он... на случай, если когда-нибудь понадобится.

— Давайте пока оставим его здесь, а в гавань опустим завтра, — решил Стоик. — СЕЙЧАС у нас имеется забота поважнее. Завтрак!

— Ой, мамочки! — грянула Берта, захлопав в ладоши. — Мне двойные порции жареного мяса и плавников большой белой акулы!

— Письмо-то тебе, Иккинг, — сказал Стоик, протягивая сыну конверт и ласково ероша ему волосы. — Не переживай, сынок, — неловко добавил он, сиюсья сообразить, как бы подбодрить отпрыска в этот исполненный разочарования (с точки зрения Стоика) момент. — Ты пока еще слишком молод для женитьбы. В следующий раз повезет больше, а?

— Но, папа, я вообще жениться не хотел, просто так получилось, что...

Однако для Стоиковых мозгов это было СЛИШКОМ сложно. Они и в лучшие-то времена подтормаживали, тем более ДО утреннего кофе, поэтому Иккинг бросил попытки объяснить. Стоик все равно уже утопал с пляжа.

Когда он вскрыл письмо, Камикадза и Рыбьенот подошли поближе, чтобы тоже почитать.

Из конверта выпал листок бумаги и ключ.

Дорогие Иккинг, Рыбьенг
и Камикадза,

Мы уехали в свадебное
путешествие и заскачили
вернуть это. Спасибо за
усе, штовы для нас
зделали и за ключ, он
очень пригадился.

Привет вам от Жинихов,
искренне ваши,

Некмаверный Крутняк
и
Ярисса О'Стрели-Крутняк
(Тирои по НАЙМУ)

Дракопочта

Иккингу, Рибьену
и Камикадзе
(товарищам-героям),
Остров Олух,
Варварский архипелаг

Твой навеки
?

Дорогой Рибьенот,
Спасибо тебе за багровую розу.
Я приколотла ее как срадьбу.
С Любофью, Ярисса
пы.сы. Ниплахие стехи.
Ты недумал стать скальдом?

Письмо было написано на обороте Рыбьенговых стихов к Яриссе.

— Б'бе-беззубикин ключ! — радостно пискнул Беззубик. — Можно Б'бе-беззубику его забрать?

— Конечно, Беззубик, — ответил Иккинг, привязывая его дракончику на шею. — Должен признать, у меня ничего не получилось бы, если б ты не слопал ложку. Ты снова всех спас, Беззубик, снова всех спас... Но больше не глотай несъедобные вещи, ладно?

Беззубик серьезно покивал, а потому выпятил грудь, словно ключ был медалью, и небрежно потряс им перед Буримухой.

— Ой, Беззубик, — заворковала Буримуха, — ты такой официальный и важный...

— Слушайте! — сказала Камикадза, указывая в открытое море. — По-моему, это Неимоверный с Яриссой поют...

Если бы троица прищурилась, то как раз разглядела бы черный, похожий на плавник парус «Сокола-перегрина». В небе собирались грозные штормовые облака, на волнах появились зловещие белые гребешки — признак приближающегося шквала, — полил дождь.

Но в обоих голосах, еле различимых сквозь свист ветра, звенело бесшабашное веселье.

Сначала Неимоверный, начисто лишенный слуха, непослушным голосом, который безо всякой мелодии гулял туда-сюда по нотам, выводил:

Я уже любил однажды —
Заплатил разбитым сердцем.
Не лишай меня надежды,
Тор, позволь влюбиться ДВАЖДЫ!

Затем вступил другой, женский голос, голос Яриссы О'СТРели, поющей старую викингскую песню под названием «Непоседы». Звучала она примерно так:

Мне дела нет до замков и короны,
Лишь на мозги давить они годны.
Пусть небо звездное заменит мне хоромы,
Свет факелов — сияние луны.

Ведь я уродился Героем,
Верный меч мой не знает покоя.
Меня сердце зовет
В бесконечный Поход!
Славься, жизнь, в упоении боя!

Там дикие ветра сдувают пену
С волны у побережья дальних стран.
Пойдем со мной, любимая,
нам пропоют сирены,
Столицей нашей станет океан...

А потом снова Неимоверный:

Боль свою герой скрывает,
На душе тяжелый камень.
Вспыхнет снова в сердце пламень,
Тор, я знаю, так бывает!

Иккингу показалось? Или женский голос так же плох, как и мужской? Нет, это просто невозможно.

— А я никогда больше не влюблюсь, — вздохнул Рыбьенег, убирая стихотворение в карман.

— Ну, говорят, те, кому не повезло в любви, становятся очень хорошими поэтами, — заметил Иккинг. — И посмотри на Неимоверного Крутняка. Для него все в итоге обернулось хорошо. Тебе тоже может выпасть второй шанс. В конце концов, тебе всего тринадцать.

Трое друзей и два дракончика не спеша побрели по пляжу к крутой, продуваемой ветрами тропе, что вилась по скалам и вела в Хулиганскую деревню. Иккинг рассеянно бросил камешек через плечо.

Камешек лег неподалеку от трона, тихо припавшего к песку. Волны уже плескались о его подножие, и на миг Иккингу показалось, будто там действительно сидит гигантский невидимый призрак, тщетно приказывающий волнам остановиться, откатиться — в точности как Чернобород Оголтельный хотел повернуть вспять время много-много лет назад.

Разумеется, ни одному человеку не дано вернуть прошлое или остановить подступающий прилив.

Иккинг помнил обещание Ярогнева, ужасное на самом деле обещание, если оно сбудется: **«Я вернусь, и на сей раз драконье восстание увенчается успехом. Мы спалим этот мир дотла и не оставим в живых ни единого жалкого человечка».**

Сердце дракона разбилось давным-давным-давно в трагедии столь ужасной, что она не умещалась у Иккинга в голове. Подобные катастрофы имеют жуткие последствия. На берегах архипелага заводятся привидения и обитают там по сей день... Сердца, как у этого дракона, каменеют и превращаются в темные и голодные чащи.

Но Иккинг был юн и верил в лучшее.

Человеческие сердца способны разбиваться и исцеляться и разбиваться снова... Может, и драконьи сердца тоже.

Далеко на горизонте, казалось ему, еще слышалось пение Неимоверного:

Я уже любил однажды —
Заплатил разбитым сердцем.
Не лишай меня надежды,
Тор, позволь влюбиться ДВАЖДЫ!

«В конце концов все наверняка обойдется», — подумал Иккинг.

И тут я
говорю этому
психу в цепях:
"ЭТО отучит тебя
запирать
Бой-бабу!"

Дракон еще сказал: «Если тебя не остановить, **ТЫ, Иккинг, положишь конец драконам... ТЫ отправишь нас в забвение...»**

Но уж это-то точно неправда! Иккинг любил драконов. У него и в лучших друзьях были драконы.

— **Пойдем-ом!** — нетерпеливо спикировал сверху Беззубик, вцепился коготками в Иккингову жилетку и попытался быстрее тащить хозяина по скальной тропе. — **Мы же-же весь зззавтрак про-пропустим! А Б'бе-беззубик думает, что там может быть яич'чница с г-грудинкой!**

Иккинг отбросил мрачные мысли и отвернулся от трона.

Отец прав. Об этом можно поразмыслить и завтра.

Пусть штормовые облака собирались на юге, где устремлялись в будущее Неимоверный с Яриссой, и на западе, над островом Завтра, где в прошлом разыгралась трагедия.

Но прямо сейчас, прямо здесь над Олухом сияло яркое утреннее солнце, никому ничего не угрожало и завтрак ждал на столе.

Беззубик приземлился Иккингу на плечо, и мальчик поспешил следом за друзьями. Он тоже любил яичницу с грудинкой, а завтра...

...ой, ради Тора, «завтра» может подождать.

Эпилог автора

Неужто шестьдесят пять лет назад я действительно открыл свою судьбу во мраке Берсерка?

Это другой, исчезнувший мир — драконы, ведьмы, бури, битвы на мечах и кораблекрушения моего детства.

Тот мальчик невообразимо далек от меня нынешнего.

Однако порой мне снится один и тот же сон, он преследует меня с давних пор. Сон о призрачной женщине на корабле и мальчике верхом на драконе. Призрак, разумеется, мать Иккинга II, Чинхильда, зовущая ребенка, отнятого мужем.

И поныне, шестьдесят лет спустя, в самые темные ночные часы я просыпаюсь от этого сна, дрожа как в лихорадке.

Но с некоторых пор сон чуть изменился.

Теперь призрачная женщина, выкликающая свое потерянное дитя, — это я.

— Иккинг! — кричу я с тоской. — Иккинг! Вернись ко мне, Иккинг... — И протягиваю руки.

Но мальчик верхом на драконе исчезает в облаках, растворяясь в воздушном сиянии нового мира, и я абсолютно бессилен ему помешать.

Мальчик оборачивается.

Я не вижу его лица на таком расстоянии, но он душераздирающе юн.

Я слышу его голос, очень-очень тихий.

— Не волнуйся! — кричит он. — Я вернусь, обещаю...

А вот и он.

МОЖЕТ ЛИ КРЮК УЦЕЛЕТЬ В ПЛАМЕНИ?

*Сумеет ли моредраконус Ярогнев
поднять второе драконье восстание,
чтобы уничтожить род человеческий?
И если да, то чью сторону примет Беззубик?*

**Какой ужасный выбор предстоит
сделать Иккингу?**

И КОГДА все узнают, что он носит клеймо раба?

И последнее, но немаловажное:

ПРАВДА, НУ ПРАВДА ЖЕ

*этот одноногий, одноглазый, однорукий, безносый,
лысый разбойник Элвин Вероломный
не выжил в очередной раз в огне, спалившем
дотла остров Берсерк, и не вернется?*

*Читайте следующий том
Иккинговых мемуаров...*

~ СОДЕРЖАНИЕ ~

Пролог	9
Буря на макушку лета	14
1. Пропавшее дитя	18
2. Что-то на пляже	29
3. Определенно не идеальная стоянка	43
4. Страхолюдное чаепитие	50
5. Двенадцатый жених Яриссы О'СТРеги	59
6. Одна-одиношенька	68
7. Утром я влюбился...	72
8. Кто родители Рыбьенога?	85
9. Страшуки	100
10. Кому-нибудь знаком этот садок для омаров?	110
11. Предпредпоследний жених	132
12. Альфонс, Талантливый-Но-Нервный французский повар	141
13. В темноте	156
14. Утраченный трон Дикозапада	168
15. Большое спасибо Истероидам	194
16. Заполночная Церемония	214
17. Зверь	233
18. Умереть Героем	249
19. Неожиданный поворот	256
20. Ночка и впрямь выдалась ужасная	268
21. Большой сюрприз для Элвина	276
22. Дети нашлись	281
23. Как СТР Стрели все-таки потерял дочь	285
Эпилог автора	299

Литературно-художественное издание
Для среднего школьного возраста
СЕРИЯ «КАК ПРИРУЧИТЬ ДРАКОНА»

КРЕССИДА КОУЭЛЛ

КАК ОСВОБОДИТЬ ДРАКОНА

Ответственный редактор *Анна Гулявцева*
Художественный редактор *Татьяна Павлова*
Технический редактор *Валентин Бердник*
Корректоры *Лариса Ершова, Елена Терскова*
Компьютерная верстка *Валентина Бердника*
Главный редактор *Александр Жикаренцев*

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, Москва, Павловская ул., д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Знак информационной продукции (Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.): **12+**

Товар соответствует требованиям ТР ТС 007/2011 «О безопасности продукции, предназначенной для детей и подростков».

Подписано в печать 09.10.2020. Формат издания 60×90^{1/16}.

Печать офсетная. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 19.

Тираж 3000 экз. Заказ №

Дата изготовления 30.10.2020.

Срок службы (годности): не ограничен.

Условия хранения: в сухом помещении.

Отпечатано в России.

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт». 170546, Тверская область,
Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А
www.pareto-print.ru

C-KPD-16423-06-R

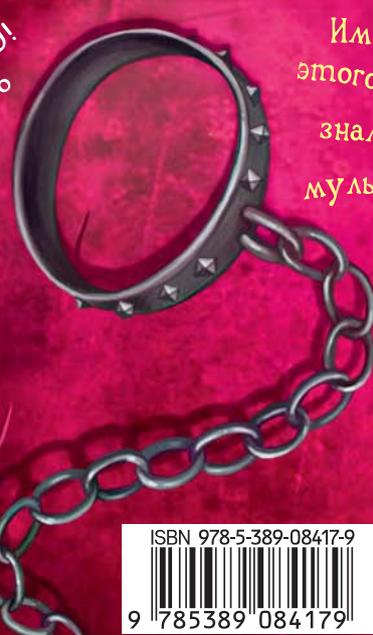

Когда Иккинг Кровожадный Карасик III
влил в очередную историю, он еще
не знал, что влил в историю своего племени.

А эта история, между прочим,
имеет прямое отношение к будущему
не только Иккинга, но и всего
Варварского архипелага. Ну и попутно
ему пришлось совершить несколько подвигов.
Пара пустяков, если у тебя есть вредный
и непослушный ручной дракончик!

у-у-у-у-у-у!
Призрак
залива Развитого
Сердца

Именно по мотивам
этого сериала был снят
знаменитейший
мультфильм

**«КАК ПРИРУЧИТЬ
ДРАКОНА»!**

Вот-вот!
Золотые слова!
Точно!

Женихи
Яриссы
О'Стрели

ISBN 978-5-389-08417-9 06

9 785389 084179

ЕРАС